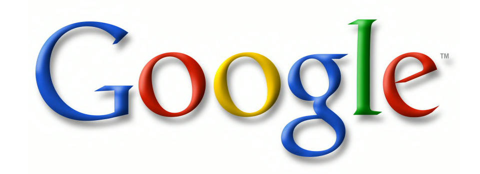

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 06988752 3

Not in [illegible]

ПРОФЕССОРЪ А. ГУСЕВЪ.

О БРАКѢ И БЕЗБРАЧІИ.

ПРОТИВЪ

„КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ“ И „ПОСЛѢСЛОВІЯ“ КЪ НЕЙ

ГРАФА Л. ТОЛСТАГО.

Audiatur et altera pars.

Второе, **ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ**, изданіе.

КАЗАНЬ.

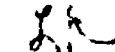

Типографія Императорскаго Университета.

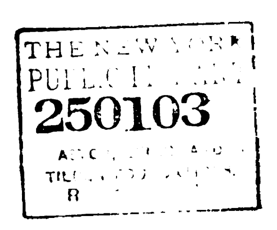

1891.

Отъ Казанскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Казань. Духовная Академія. Февраля 22 дня 1891 г.

Членъ Комитета, Инспекторъ Академіи,
Профессоръ ***Н. Бѣляевъ.***

Введеніе.

Какъ ни обширенъ кругъ распространенія богословско-философскихъ и новѣйшихъ беллетристическихъ произведеній графа Л. Н. Толстаго, однакоже ни одно изъ нихъ не имѣло столь изумительнаго успѣха, какой выпалъ на долю *Крейцеровой Сонатѣ* и *Послѣсловію* къ ней. Первая изъ нихъ появилась въ августѣ 1889 года, а послѣднее—въ апрѣлѣ 1890 года. Оба эти произведенія знаменитаго отечественнаго писателя, какъ оказывается, читаются въ Россіи повсюду людьми самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ, ранговъ, званій, степеней образованія и возрастовъ. Если *Крейцерова Соната* и *Послѣсловіе* къ ней неизвѣстны кому, такъ развѣ только а) безграмотнымъ, б) ничѣмъ изъ подобныхъ произведеній неинтересующимся, в) или живущимъ въ какихъ-нибудь особыхъ захолустьяхъ [1]). Въ читательской средѣ идутъ самые разнородные толки объ этихъ произведеніяхъ и ведутся ожесточенные споры. Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ даже предпринимаются особыя общественныя собранія для обсужденія вопросовъ, возбуждаемыхъ этими произведеніями. Собранія эти посѣщаются людьми самыхъ разнообразныхъ положеній и возрастовъ: врачами, адвокатами, учителями, чиновниками и проч. Словомъ: толковъ и споровъ повсюду множество. За предѣлами Россіи *Крейцерова Соната* и *Послѣсловіе* къ ней извѣстны также со времени появленія ихъ и возбуждаютъ сильный, устный и печатный,

---

[1]) Стран. 324 и 325 во 2 кн. *Русскаго Вѣстника* за 1891 г.

говоръ. Увлеченіе первымъ изъ этихъ произведеній, кажется, нигдѣ не заявлялось съ такою силою, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, имя гр. Толстаго въ настоящее время извѣстно чуть-ли не каждому школьнику во всѣхъ Штатахъ Американской республики. Такая необыкновенная популярность завоевана нашему писателю преимущественно *Крейцеровой Сонатою* его.

Понятно, почему именно это произведеніе, вмѣстѣ съ *Послѣсловіемъ* къ нему, имѣло столь блестящій успѣхъ и продолжаетъ повсюду интересовать читающую публику. Тутъ имѣютъ значеніе не громкое только имя гр. Толстаго, не духовное только блужданіе современнаго культурнаго человѣка, развившагося подъ разнородными отрицательными вліяніями, не притягательная только сила того священнаго для христіанъ знамени, какое якобы дорого нашему отечественному писателю. Этими причинами нельзя не объяснять популярности другихъ произведеній Льва Николаевича, но однѣми ими сполна неизъясняется *особый* успѣхъ произведеній, о которыхъ теперь идетъ рѣчь. Другія сочиненія этого писателя или касаются вопросовъ, хотя и несомнѣнно важныхъ, но не всѣмъ доступныхъ, или выражаютъ идеи, неприложимость коихъ къ жизни и фантастичность очевидны для многихъ, если не для всѣхъ. Совсѣмъ иное дѣло — вопросъ о половыхъ отношеніяхъ, о бракѣ, о семейной жизни. Онъ живо и непосредственно затрогиваетъ каждаго человѣка, начиная съ юныхъ и оканчивая престарѣлыми людьми, кто бы они ни были по своему положенію и образованію. Уразумѣніе и рѣшеніе этого вопроса не можетъ быть столь затруднительнымъ, какъ уразумѣніе и рѣшеніе многихъ другихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ и рѣшаемыхъ въ остальныхъ произведеніяхъ гр. Толстаго. Вообще вопросъ о бракѣ каждому представляется до очевидности важнымъ съ разныхъ точекъ зрѣнія: личной, церковной, государственной, общественной. Вотъ самая главная причина, вслѣдствіе которой

Крейцерова Соната и *Послѣсловіе* къ ней повсюду возбудили и возбуждаютъ живѣйшій интересъ.

Само собою разумѣется, для объясненія необычайной популярности этихъ произведеній можно указать еще иныя причины, но уже второстепенныя, побочныя. Такъ, напримѣръ, широкой распространенности *Крейцеровой Сонаты* въ нашемъ обществѣ несомнѣнно много содѣйствовали восторженныя похвалы и рекомендаціи со стороны одной, весьма распространенной, газеты, напечатанныя въ началѣ 1890 года. „Крейцерова Соната именно вслѣдствіе ея *правдивой* и *глубоко-нравственной* основной мысли должна, говорится въ этой газетѣ, сдѣлаться *настольной* книгою во *всѣхъ* семьяхъ и распространяться, безъ всякихъ опасеній, *преимущественно* въ средѣ юношей и молодыхъ дѣвушекъ. Она несомнѣнно должна оказать услугу *исправленію нравовъ*, насколько вообще такая услуга возможна для художественнаго произведенія. Глубоко-нравственный анализъ современной дѣйствительности, *глубоко-честное и цѣломудренное* отношеніе геніальнаго автора къ самымъ серьезнымъ вопросамъ жизни достигаютъ въ этомъ произведеніи до той степени, которая ставитъ его на высоту суроваго поученія, *духовной* проповѣди въ художественной формѣ“ [1]). Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что такія *непостижимыя* похвалы и рекомендаціи не остались гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ. Наибольшей популярности у насъ *Крейцеровой Сонаты* содѣйствовали, затѣмъ, разнообразныя *нечистоплотныя* газетныя выходки противъ тѣхъ, кто имѣлъ благородное мужество печатно высказываться противъ мнимой возвышенности основной идеи и мнимой полезности этого разсказа. По обычаю пускались въ ходъ безсмысленные упрёки въ консерватизмѣ и въ реакціонизмѣ, какъ будто бы въ области идей мѣриломъ ихъ истинности и плодотворности могутъ

---

[1]) Слова г. Буренина въ *Новомъ Времени* отъ 16 марта.

служить не логическія и не тому подобныя идеальныя основанія, но степень какой-то либеральности ихъ и проч. Бранившіеся не соображали и той простой истины, что въ данномъ случаѣ либералами и прогрессистами скорѣе являются лица, отстаивающіе семью и ея чисто-христіанскій строй. Указанныя нападки бывали иногда такъ злы и такъ искусно разсчитаны, что дѣйствительно способны были, возбуждая въ довѣрчивыхъ людяхъ невольное предубѣжденіе противъ критиковъ вредныхъ идей *Крейцеровой Сонаты*, внушать самыя свѣтлыя ожиданія отъ прочтенія ея. Такъ, въ одной весьма распространенной газетѣ былъ напечатанъ разсказъ, изображавшій двухъ лицемѣровъ: Лампада Фарисеевича Ипокритскаго и Фарисея Лампадовича Искаріотскаго бесѣдующими между собою о неразумности и вредѣ воззрѣній гр. Толстаго на бракъ и безбрачіе. Въ уста одного изъ собесѣдниковъ авторъ *клеветническаго* разсказа вложилъ выраженія, прямо позаимствованныя изъ *Бесѣды о христіанскомъ супружествѣ*, вышедшей изъ-подъ пера *незабвеннаго*, отличавшагося прямотою и искренностью, архіеп. Никанора [1]). Можно было-бы указать и другія второстепенныя причины, содѣйствовавшія и содѣйствующія наибольшей популярности *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловія* къ ней, но достаточно и указанныхъ.

Спрашивается: какое же вліяніе на самомъ дѣлѣ способны производить эти сочиненія на людей, отличающихся наибольшей довѣрчивостью и воспріимчивостью, но въ тоже время не обладающихъ здравыми убѣжденіями и неспособныхъ къ надлежащей критической оцѣнкѣ прочитаннаго?

Сотрудники нѣкоторыхъ газетъ, считая себя и своихъ протеже, конечно, не принадлежащими къ разряду такихъ людей, увѣряютъ, будто бы *Крейцерова Соната* уже заставила разныхъ лицъ сознательнѣе относиться къ своимъ се-

---

[1]) См. разсказъ: *Хвостъ* въ *Новомъ Времени* отъ 17 августа 1890 г.

мейнымъ обязанностямъ и сдѣлала для нихъ самыми жгучими и больными вопросы воспитанія дѣтей, т. е. произвела благое вліяніе [1]). Допустимъ, что это такъ. Но спрашивается: какія же семейныя обязанности можетъ внушать *Крейцерова Соната* сама по себѣ и какого воспитанія дѣтей она можетъ требовать отъ родителей? Кто сколько-нибудь уразумѣлъ сущность ученія гр. Толстаго, тотъ не можетъ не знать, что съ его точки зрѣнія семья не должна имѣть мѣста среди истинныхъ толстовцевъ и что воспитаніе дѣтей дозволительно только въ духѣ его радикальной пантеистическо-соціалистической системы. Если бы наивные люди, почерпающіе нравственные уроки изъ *Крейцеровой Сонаты* и изъ *Послѣсловія* къ ней, уразумѣли настоящія требованія отъ нихъ со стороны этихъ произведеній, то о благотворномъ дѣйствіи ихъ не стали-бы и заикаться, а не только что восторженно разглагольствовать. Очевидно, о благотворномъ вліяніи *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловія* можно говорить лишь постольку, поскольку они даютъ *поводъ* посерьёзнѣе подумать о тѣхъ или иныхъ сторонахъ нашей половой и семейной жизни. Но вѣдь это обстоятельство нисколько не дѣлаетъ благотворными *сами по себѣ* эти произведенія. Частые истребительные пожары въ деревняхъ тоже способны заставлять серьезнѣе поразмыслить о наилучшей постройкѣ домовъ, о наилучшей охранѣ ихъ отъ пожаровъ и т. под., но кто же рѣшится сказать, будто бы сами по себѣ пожары — дѣло полезное, хорошее? Очень дурно сами себя рекомендуютъ тѣ люди, которые, только подъ вліяніемъ *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловія* къ ней, задумались о дѣлѣ такой первостепенной важности, какъ семейныя обязанности, воспитаніе дѣтей и проч. Съ другой стороны, если ни внушенія церкви, ни званіе христіанъ, ни собственная совѣсть и благо своё и другихъ раньше неспособны были заставить

---

[1]) Стран. 88 въ 3 № *Недѣли* за 1891 г.

ихъ, *какъ должно*, относиться къ семейнымъ и въ частности къ родительскимъ обязанностямъ, то развѣ можно ожидать, чтобы *Крейцерова Соната* и *Послѣсловіе* къ ней въ состояніи были подвигнуть къ этому? Отъ тѣхъ, кто вдохновляется и назидается этими и вообще Толстовскими произведеніями, можно ожидать только безплодной „шумихи“ и хаотическаго духовнаго броженія, но отнюдь не установленія истинно-христіанскихъ семейныхъ и родительскихъ отношеній. „Собираютъ-ли съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы? Только доброе дерево приноситъ плоды добрые“ [1]), говоритъ Божественный Учитель.

„Дерево“ же, измышленное и возращенное гр. Толстымъ, т. е. его *Крейцерова Соната* съ *Послѣсловіемъ* къ ней, таково по своему существу, что способно только вредно вліять на людей довѣрчивыхъ и воспріимчивыхъ, но не обладающихъ здравыми убѣжденіями и неспособныхъ къ надлежащей критической оцѣнкѣ прочитаннаго. Отъ этихъ произведеній нашего писателя возможенъ самый разнообразный вредъ. Въ нихъ преднамѣренно выдаются за истинно-христіанское ученіе безусловно противные ему взгляды; церковь трактуется исказительницею ученія Спасителя; изображаются нарочито мрачными красками и только въ уродливыхъ своихъ проявленіяхъ половыя и семейныя отношенія людей; истина превращается въ своего рода игрушку; подъ прикрытіемъ возвышенныхъ фразъ выдвигаются на первый планъ чувственные, животные интересы людей; отрицается первичная и самая необходимая форма всякой общественности. Чтó же во всёмъ этомъ полезнаго и назидательнаго? Довѣрившись гр. Толстому, человѣкъ не только впадётъ въ совершенно ложное представленіе о самыхъ важныхъ предметахъ, но и можетъ окончательно испортить жизнь самому себѣ и другимъ. Усвоивши основную тенденцію твореній

---

[1]) Матѳ. 7, 16 и 17.

гр. Толстаго и отнесшись сочувственно къ преслѣдуемой имъ практической цѣли, но въ тоже время увидѣвши, что и такой человѣкъ, каковъ нашъ знаменитый отечественный писатель, позволяетъ себѣ различныя „передержки“ ради торжества своего ученія, ученикъ его и самъ станетъ смотрѣть на истину, на точность и правильность тѣхъ или иныхъ увѣреній, какъ на дѣло—само по себѣ пустое, неимѣющее по крайней мѣрѣ особенной цѣны. Отрицать вредъ и небезопасность твореній гр. Толстаго, поэтому, могутъ только тѣ, кто или находится, благодаря своему недомыслію, въ нравственной кабалѣ у него, или домогается какой-нибудь для *себя* выгоды отъ рабскаго услуживанія ему и его дѣлу. Что же касается остальныхъ людей, то для нихъ несомнѣнны этотъ вредъ и небезопасность *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловія* къ ней.

Такъ, не даромъ же директоръ почтоваго департамента въ Америкѣ, Файнеръ, издалъ въ 1890 году приказъ, воспрещающій разсылку *Крейцеровой Сонаты* по почтѣ [1]). Въ Германіи и Австріи частныя лица то печатаютъ въ періодическихъ изданіяхъ статьи, то предпринимаютъ публичныя лекціи, чтобы предохранить публику отъ вреднаго дѣйствія *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловія* къ ней [2]). Серьезными людьми признается публично, что первое изъ этихъ произведеній способно вредно вліять, кромѣ другихъ своихъ сторонъ, уже однѣми нецѣломудренными картинами и фразами своими. Вотъ что наприм. говоритъ объ этомъ одна изъ американскихъ писательницъ, Елизавета Фильсъ, въ слѣдующихъ своихъ словахъ: „Двѣ недѣли тому назадъ я въ первый разъ прочла одно изъ тѣхъ произведеній, которыя по прочтеніи скорѣе прячутъ, чтобы никто не увидалъ ихъ на столѣ.... Произведеніе Толстаго—образчикъ того, чтó мы можемъ ожидать отъ испорченности нашего времени.... Пси-

---

[1]) № 200-й *Волжскаго Вѣстника* за 1890 г.

[2]) № 2-й *Московскихъ Вѣдомостей* за 1891 г.

хологія Толстаго—простая физіологія. Мало того, что онъ грѣшитъ противъ литературнаго вкуса: у него отсутствуетъ простой человѣческій стыдъ“ [1]). О несомнѣнно обнаруживаемомъ вредномъ вліяніи *Крейцеровой Сонаты* на воспріимчивыя и некритичныя натуры свидѣтельствуетъ сама дѣйствительность. По словамъ извѣстнаго французскаго писателя, Вогюэ, нѣкоторые университетскіе студенты въ Парижѣ испытали такое сильное нравственное потрясеніе отъ прочтенія *Крейцеровой Сонаты*, рисующей семейную жизнь самыми отталкивающими красками и заподозривающей даже возможность инаго ея склада, что они, уже рѣшившись было жениться, поколебались въ своемъ рѣшеніи [2]). Намъ передавали въ октябрѣ 1890 года изъ вѣрныхъ источниковъ объ еще болѣе вопіющемъ фактѣ. Одинъ молодой человѣкъ, принадлежавшій къ сонму ярыхъ приверженцевъ соціальныхъ идей гр. Толстаго, собирался вступить въ супружескій союзъ съ горячо любимой имъ дѣвушкою. Попадаются ему въ руки *Крейцерова Соната* и *Послѣсловіе* къ ней. Довѣрчивый и фанатичный сторонникъ Л. Н. Толстаго былъ такъ подавленъ мыслью о непозволительности половой любви и женитьбы, что впалъ въ тихое умопомѣшательство и застрѣлился. Вотъ даже какое пагубное дѣйствіе могутъ оказывать эти сочиненія на нѣкоторыхъ лицъ!

Какъ видимъ, *Крейцерова Соната* и *Послѣсловіе* къ ней способны производить весьма разнообразное вредное дѣйствіе, смотря, конечно, по различію духовнаго склада и направленія читателей, коль скоро послѣдніе отличаются довѣрчивостью и воспріимчивостью, необладаютъ даромъ здравой критики и неимѣютъ твердыхъ и здравыхъ убѣжденій.

---

[1]) См. статью: *Графъ Л. Толстой въ Америкѣ* въ № 21 *Волжскаго Вѣстника* за 1891 г. Что нѣкоторыя рѣчи Позднышева исполнены цинизма, это признаетъ и А. С. Суворинъ (см. *Новое Время* отъ 5 февр. 1891 года).

[2]) Стран. 515 въ дек. кн. *Русскаго Обозрѣнія* за 1890 г.

Важность вопросовъ, затрогиваемыхъ въ *Крейцеровой Сонатѣ* и въ *Послѣсловіи* къ ней, производимое ими вліяніе и не способность многихъ читателей лично разобраться въ хаосѣ лжи и горькой правды, преисполняющихъ эти произведенія, дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ для насъ, почему *лучшіе*, т. е. болѣе истинолюбивые, изъ представителей общества жаждутъ слышать или имѣть подъ руками безпристрастный разборъ ученія гр. Толстаго о бракѣ и безбрачіи прежде всего и главнымъ образомъ, конечно, съ богословско-философской точки зрѣнія, такъ какъ и первое изъ этихъ произведеній нашего писателя преслѣдуетъ дидактическую цѣль. Съ другой стороны, кто-же, если не на основаніи исторіи и опыта, то по крайней мѣрѣ инстинктивно не сознаетъ той истины, что въ дѣлѣ борьбы съ вредными и ложными ученіями *всего важнѣе и цѣлесообразнѣе* устное или печатное слово?... Эта жажда разбора взглядовъ гр. Толстаго на бракъ и безбрачіе заявилась со стороны публики и во время публичныхъ чтеній, предпринятыхъ мною въ Казани, во Владимірской Читальнѣ, въ октябрѣ и ноябрѣ 1890 года по воскреснымъ днямъ. Чтенія имѣли своей задачей критическій разборъ ученія гр. Толстаго о „пяти евангельскихъ" заповѣдяхъ. Первыя три чтенія были посвящены разбору ученія этого писателя о непротивленіи злу, о судахъ и о негнѣвливости. Послѣднія-же двѣ лекціи, именно 4 и 11 ноября, должны бы имѣть предметомъ своимъ критическое разсмотрѣніе остальныхъ Толстовскихъ заповѣдей, но нельзя и грѣшно было не уступить настоятельнымъ и весьма резоннымъ просьбамъ многихъ изъ моихъ слушателей, чтобы я занялся возможно-подробнымъ разборомъ ученія *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловія* къ ней. Насколько вполнѣ основательна была эта просьба, блистательно доказалось и количествомъ лицъ, собравшихся на чтеніе. „Оно,—какъ свидѣтельствуетъ одна изъ мѣстныхъ газетъ,—привлекло такую массу публики, что еще до начала лекціи въ Читальнѣ была

давка. Многіе не могли пробраться въ залъ, а другіе уходили до начала чтенія изъ страха предъ тѣснотою и духотою“ [1]). Указываю на это, какъ на весьма знаменательное и поучительное соціальное явленіе....

Имѣя въ виду столь энергично заявившійся на моихъ лекціяхъ противъ гр. Толстаго интересъ публики къ разбору взглядовъ этого писателя на бракъ и безбрачіе, нравственно обязывался я не откладывать и печатанія двухъ послѣднихъ моихъ чтеній. То, чтó въ лекціяхъ, за недостаткомъ времени, невольно приходилось или передать кратко, или совсѣмъ опустить, восполнено по возможности передъ печатаніемъ ихъ. Но какъ въ устномъ изложеніи, такъ и въ печатномъ имѣлось въ виду слѣдующее. Во-первыхъ, мнѣ казалось необходимымъ возможно-полнѣе передать ученіе гр. Толстаго о бракѣ и безбрачіи и приводимые имъ аргументы въ пользу его воззрѣній. Чтобы, при самостоятельномъ изложеніи ученія и аргументаціи Льва Николаевича, какъ-либо не допустить малѣйшей неточности или недомолвки, я находилъ наилучшимъ излагать дѣло его собственными словами. Понятно, что при этомъ нельзя было обойтись безъ значительныхъ выдержекъ изъ его твореній. Нѣкогда совершенно вѣрно было замѣчено г. профессоромъ А. А. Волковымъ, что и вообще съ толстовцами, какъ и съ раскольниками, можно спорить не безъ нѣкотораго успѣха только по книгѣ, т. е. дѣлая постоянныя ссылки и извлеченія [2]). Во-вторыхъ, авторъ заботился о возможно-всестороннемъ разборѣ взглядовъ и аргументаціи гр. Толстаго. Такого обстоятельнаго разбора требуетъ самая важность предмета. Семейство составляетъ основную ячейку, изъ которой развивается и въ которой вращается всякая другая общественность. Если законно существованіе брака и семьи, то безъ логической непослѣдо-

---

[1]) № 240 *Каз. Бирж. Листка.*

[2]) Стран. 230 и друг. во 2 т. *Православнаго Собесѣдника* за 1886 г.

вательности нельзя отвергать законности существованія и другихъ основныхъ формъ общественной жизни человѣка, равно какъ собственности и т. под. Съ другой стороны, семейство—первоначальная и необходимая сфера духовнаго развитія людей, нерѣдко залагающая въ нихъ тѣ или иныя понятія и воззрѣнія, тѣ или другія сердечныя настроенія, тѣ или иныя волевыя склонности до такой степени прочно и глубоко, что и послѣдующая жизнь человѣка не въ состояніи вырвать ихъ изъ него или существенно измѣнить даже, повидимому, при самыхъ благопріятныхъ къ тому условіяхъ. Значитъ, коль скоро похристіански поставлены взаимныя отношенія супруговъ и въ христіанскомъ духѣ и направленіи ведется воспитаніе новаго поколѣнія, то не можетъ страдать теперешними недугами и жизнь церковная, государственная, общественная, народная. Не очевидно-ли, что по возможности основательное и обстоятельное опроверженіе отрицательныхъ взглядовъ гр. Толстаго на половую любовь, на бракъ, на семейную жизнь есть дѣло особенной важности? Наконецъ, авторъ считалъ своей прямой обязанностью вести идейную борьбу съ этимъ писателемъ не иначе, какъ употребляя въ дѣло тоже законное оружіе, какимъ самъ онъ пользуется для обоснованія и оправданія своего ученія о бракѣ и безбрачіи. Аргументы заимствуются гр. Толстымъ изъ изреченій I. Христа, изъ свидѣтельствъ христіанскаго сознанія, исторіи и житейскаго опыта, изъ соображеній разума. Поэтому, и для опроверженія ученія нашего знаменитаго писателя я обязывался обращаться и обращаюсь къ словамъ-же Спасителя, къ свидѣтельствамъ христіанскаго сознанія, исторіи и житейскаго опыта, къ соображеніямъ разума. Сколько знаю, нѣтъ и быть не можетъ болѣе естественныхъ, основательныхъ и „честныхъ“ пріемовъ критики, чѣмъ эти пріемы.

Публичныя лекціи мои о бракѣ и безбрачіи противъ гр. Л. Толстаго были напечатаны въ 12 кн. *Православнаго*

Собесѣдника за 1890 годъ и затѣмъ выпущены въ свѣтъ, 21-го декабря того же года, отдѣльною брошюрою въ *значительномъ* количествѣ экземпляровъ. Въ сравнительно короткое время первое изданіе уже разошлось. Такимъ сравнительно быстрымъ своимъ распространеніемъ брошюра въ значительной степени обязана,—увѣренъ я,—и сочувственнымъ отзывамъ о ней *болѣе истинолюбивой* части нашей „свѣтской" печати, которой, въ интересахъ дорогой и мнѣ истины, не могу не выразить здѣсь искренней признательности. Если большинство органовъ этой періодической печати по обычаю замалчивало, сколько знаю, и мое сочиненіе, а одинъ изъ нихъ пытался обезцѣнить его во мнѣніи публики, хотя и голословно [1]), то, наоборотъ, болѣе солидные, по общему признанію, органы „свѣтской" печати, принадлежащіе, при томъ, къ *разнымъ* лагерямъ, не только отнеслись сочувственно къ данной моей полемикѣ противъ гр. Толстаго, но и указывали его почитателямъ и послѣдователямъ на ихъ *нравственный долгъ* ознакомиться съ нею. Не знаемъ, какъ отнеслись къ этому истинолюбивому и нравственно-доброму совѣту наиболѣе рьяные почитатели и сторонники „великаго учителя". Неужели всѣ они—фанатики, стоящіе въ нравственномъ отношеніи гораздо ниже даже язычниковъ—римлянъ, не только выработавшихъ высокое моральное изреченіе: *audiatur et altera pars*, но часто и поступавшихъ согласно съ нимъ?!..

Выпуская теперь въ свѣтъ новое изданіе брошюры, авторъ,—какъ увидитъ самъ читатель,—никѣмъ и ничѣмъ не вызывался нравственно на то, чтобы отречься отъ чего-нибудь изъ высказаннаго въ первомъ изданіи противъ сужденій гр. Толстаго о половой любви, о бракѣ, о семейной жизни и о тому подобныхъ предметахъ.

---

[1]) Бездоказательныя осужденія, но произносимыя авторитетно людьми, видимо мало учившимися и смыслящими, способны только изумлять и смѣшить серьезнаго читателя.... (sic)

Уже послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія настоящаго сочиненія отечественная публика была обстоятельно ознакомлена съ иностранной критикою *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловія* къ ней [1]). Въ этой критикѣ мы, однако, не нашли ничего такого, что́ могло-бы насъ заставить отречься отъ чего-либо изъ сказаннаго въ первомъ изданіи противъ взглядовъ гр. Толстаго. Несомнѣнно, встрѣчается у французскихъ и нѣмецкихъ критиковъ *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловія* къ ней не мало остроумныхъ частныхъ замѣчаній и мыслей, вызванныхъ этими произведеніями. Но замѣчанія и мысли эти относятся къ такимъ сторонамъ означенныхъ произведеній, коихъ касаться намъ не было ни малѣйшей нужды. Иностранные критики высказываются и по существенному вопросу, касающемуся брака и безбрачія, но ихъ мнѣніе о несостоятельности ученія гр. Толстаго объ этомъ предметѣ тожественно съ нашимъ взглядомъ. Различіе же состоитъ только въ томъ, что нашъ взглядъ представляется мотивированнымъ, тогда какъ у нихъ онъ выраженъ голословно. Что же касается другихъ сторонъ иностранной критики, то мы не находимъ раціональныхъ основаній даже къ тому, чтобы видѣть въ нихъ дѣйствительно критику ученія гр. Толстаго, если подъ критикою разумѣть уясненіе основнаго тезиса и существенныхъ сторонъ этого ученія и показаніе его несостоятельности въ силу такихъ-то ясно выраженныхъ соображеній или такихъ-то опредѣленныхъ данныхъ. Вынуждаемся сказать, что критикамъ этимъ недостаетъ пониманія самой главной и существенной стороны дѣла: пониманія основной тенденціи и практической цѣли ученія гр. Толстаго о половыхъ отношеніяхъ. Причина этого непониманія заключается, конечно, и въ томъ, что нашъ писатель, по справедливому замѣчанію Вогюэ и другихъ

---

[1]) См. 1) статью Вогюэ о *Крейцеровой Сонатѣ* въ 12 кн. *Русскаго Обозрѣнія* за 1890 г. и 2) статью: *Нѣмецкіе критики Крейцеровой Сонаты* въ 1 кн. *Недѣли* за 1891 г.

иностранныхъ критиковъ, лавируетъ, т. е. двусмысленно высказывается особенно въ *Крейцеровой Сонатѣ* своей, не излагаетъ съ надлежащей ясностью и послѣдовательностью коренной тенденціи своего ученія о бракѣ и безбрачіи, категорически не раскрываетъ практической цѣли этого ученія. Такое лавированіе несомнѣнно есть, и оно, конечно, не даромъ допущено у гр. Толстаго: ему, какъ увидимъ, нужно было не въ слишкомъ обнаженномъ видѣ представить желаемыя имъ половыя отношенія между людьми и прикрыть низменность своего взгляда возвышеннымъ вербализмомъ. Тѣмъ не менѣе, иностранные критики и сами повинны въ томъ, что не уяснили себѣ основной тенденціи и практической цѣли филиппикъ нашего писателя противъ половой любви, брака, семьи. Ни *Крейцерову Сонату*, ни *Послѣсловіе* къ ней нельзя брать и изучать внѣ органической связи съ такими произведеніями Льва Николаевича, каковы наприм. а) *Въ чемъ моя вѣра*, б) *О жизни*, в) *Чтожъ намъ дѣлать* и др. Между тѣмъ, иностранные критики и допустили этотъ существенный пробѣлъ, какъ допустили его писавшіе и у насъ противъ и по поводу первыхъ изъ названныхъ сочиненій гр. Толстаго. По всему этому приходится не заимствоваться чѣмъ-либо полезнымъ у этихъ критиковъ, а поправлять допущенныя ими ошибки, въ особенности поскольку у нихъ идётъ рѣчь о смыслѣ и практической цѣли ученія гр. Толстаго по вопросу о половыхъ отношеніяхъ.

Такъ, что касается даровитаго французскаго писателя, Вогюэ, то онъ безъ достаточныхъ основаній утверждаетъ, будто бы идеалъ гр. Толстаго состоитъ въ томъ, чтобы міръ окончился какъ можно скорѣе посредствомъ всеобщаго безбрачія [1]), и будто бы мы въ правѣ поставить гр. Толстаго въ прямую связь со школою Оригена и длиннымъ рядомъ средневѣковыхъ монаховъ [2]). Между тѣмъ, критикуемый оте-

[1]) Стран. 518 въ дек. кн. *Русскаго Обозрѣнія* за 1890 г.

[2]) Ibid. Стран. 523.

чественный писатель, выступая во всѣхъ своихъ произведеніяхъ своеобразнымъ утилитаристомъ, поставляющимъ конечной цѣлью человѣческой жизни общее матеріальное благосостояніе, ясно говоритъ и въ *Крейцеровой Сонатѣ* своей, что цѣль какъ человѣка, такъ и человѣчества благо. Графъ Толстой указываетъ, и изъ какихъ элементовъ или въ чемъ собственно состоитъ благо человѣка и человѣчества [1]). Уничтоженіе же послѣдняго мыслится имъ вовсе не какъ благо, къ коему должны стремиться люди, а только какъ *неизбѣжное* послѣдствіе *полнаго* достиженія въ нашемъ мірѣ этого блага, но вѣдь это—вещь совершенно иная. Самый пессимизмъ у гр. Толстаго служитъ лишь средствомъ къ тому, чтобы наилучше расположить людей достигать блага жизни не иначе, какъ общими силами и одинаково для всѣхъ..... Вогюэ полемизируетъ противъ Зола, утверждающаго, что нашъ знаменитый писатель—своеобразный соціалистъ, пользующійся всѣмъ, даже Свящ. писаніемъ, для построенія и успѣховъ своей радикально-соціалистической доктрины. На самомъ-же дѣлѣ Зола глубже и вѣрнѣе понимаетъ истинный смыслъ и практическую цѣль ученія нашего писателя, чѣмъ доселѣшніе иностранные и русскіе критики послѣднихъ произведеній гр. Толстаго. Понятна отсюда неправильность и мысли Вогюэ о связи гр. Толстаго со школою Оригена и съ средневѣковыми монахами. Положимъ, нашъ знаменитый писатель, подобно Оригену и другимъ, на словахъ чрезмѣрно превозноситъ дѣвство и безбрачіе, но вѣдь слова эти имѣютъ у него на дѣлѣ совершенно другой смыслъ и совсѣмъ иную практическую цѣль, чѣмъ у Оригена и у его единомышленниковъ. Съ другой стороны, очень высоко ставить дѣвство вовсе еще не значитъ высказывать о бракѣ то, что́ высказываетъ гр. Толстой.... Чего собственно хочетъ

---

[1]) Доказательства этого читатель найдетъ въ нашемъ изложеніи ученія гр. Толстаго.

этотъ послѣдній отъ людей, это указано въ заключительномъ отдѣлѣ настоящаго моего сочиненія, и мы не имѣемъ никакихъ раціональныхъ основаній къ отреченію отъ сказаннаго даже и въ виду слѣдующаго возраженія. Коль скоро нашему „знаменитому учителю“,—пишетъ мнѣ одинъ изъ нерьяныхъ толстовцевъ,—желательно, въ видахъ наилучшаго и болѣе равномѣрнаго пользованія животными благами, только то, чтобы люди экономичнѣе размножались, то зачѣмъ же онъ отвергаетъ употребленіе средствъ противъ забеременѣнія и къ изгнанію плода? На это сравнительно дѣльное возраженіе отвѣчу слѣдующее. Еслибы гр. Толстой сталъ ратовать за употребленіе этихъ средствъ, то какъ же бы могъ онъ сохранить видимость строгаго моралиста, столь нужную для него? Во-вторыхъ, гр. Толстой очень хорошо понимаетъ, что не всѣмъ же женщинамъ и дѣвицамъ совѣсть дозволитъ прибѣгать къ этимъ средствамъ, а потому станетъ, пожалуй, рождаться гораздо больше дѣтей, чѣмъ это допускается требованіями экономичнаго населенія земнаго шара.... На такихъ-то представительницъ женскаго пола нашъ писатель и хочетъ подѣйствовать разными возвышенными фразами и разными гиперболами.

Въ одинаковую ошибку съ Вогюэ впадаетъ и талантливый нѣмецкій писатель, Брандесъ, утверждающій, а) будто бы гр. Толстой выставляетъ для всѣхъ людей идеаломъ „абсолютное пожизненное воздержаніе“ и б) будтобы взглядъ нашего писателя выражаетъ „древне-христіанское воззрѣніе на бракъ“ [1]). Невѣрность первой мысли достаточно ясна

---

[1]) Стран. 188 и 189 въ янв. кн. *Недѣли* за 1891 г. Въ подобную же ошибку впадаетъ и Беккъ, авторъ брошюры: *Des Grafen Lev Tolstoi Kreutzersonate vom Standpunkt des Irrenarztes* (Leipzig, 1890 г.), преисполненной *самыхъ странныхъ* соображеній касательно и вообще связи между религіозной настроенностью и половой жизнью.... Брошюра эта какъ нельзя лучше доказываетъ, что гг. врачамъ не слѣдуетъ браться за обсужденіе вопросовъ, въ коихъ ихъ компетентность равняется, пожалуй, нулю, не болѣе.

уже изъ того одного, что гр. Толстой не признаетъ вполнѣ осуществимымъ идеалъ „полнаго единенія“ между людьми и что онъ видитъ именно въ экономично-разсчитанномъ рожденіи дѣтей одно изъ неизбѣжныхъ и цѣлесообразныхъ средствъ для всё бóльшаго и бóльшаго приближенія человѣчества къ этому идеалу [1]). Что касается второй мысли Брандеса, позаимствованной имъ, очевидно, изъ *чисто-католическихъ* источниковъ, то, для наибольшаго показанія ея неправильности, мною нарочито сдѣлано въ новомъ изданіи значительное дополненіе къ тому отдѣлу, въ которомъ разсматривается сравнительное достоинство брака и безбрачія съ истнино-христіанской точки зрѣнія.

Только благодаря не знакомству съ подлиннымъ православно-христіанскимъ взглядомъ на бракъ и безбрачіе, могъ сказать и даровитый шведъ, Ола Ганссонъ, будтобы „кислое направленіе *Крейцеровой Сонаты* произошло отъ богословскихъ занятій“ гр. Толстаго, якобы „развившихъ до послѣдней крайности естественное предрасположеніе его къ аскетизму“ [2]). На самомъ же дѣлѣ оказывается, что въ самый, такъ сказать, разгаръ богословскихъ занятій Льва Николаевича, когда онъ писалъ *Предисловіе къ краткому изложенію евангелія*, *Въ чемъ моя вѣра* и прочее, не только не было у него унизительнаго взгляда на бракъ, но этотъ взглядъ прямо и рѣзко порицался имъ, какъ нелѣпый. Не только гр. Толстой, но и католическіе богословы, еслибы они не ставили земныхъ человѣческихъ интересовъ папизма выше христіанской истины, то отнюдь неистолковывали бы превратно христіанскаго ученія о бракѣ и безбрачіи и не нарушали бы самыхъ элементарныхъ понятій о нравственно-совершенномъ и несовершенномъ, поставляя *само по себѣ* безбрачіе выше *всякаго* семейнаго состоянія. Не правъ Ола

[1]) См. доказательства въ нашемъ изложеніи ученія гр. Толстаго.

[2]) Стран. 192 въ янв. кн. *Недѣли* за 1891 г.

Ганссонъ, усвояя гр. Толстому и якобы свойственное ему отъ природы предрасположеніе къ аскетизму. Кто знакомъ со всѣми произведеніями нашего писателя, появившимися до *Исповѣди*, и съ этою послѣднею, тотъ скорѣе сказалъ бы совершенно противоположное мысли этого критика. Гораздо ближе къ дѣлу вѣнскій критикъ, Лео Бергъ, видящій въ гр. Толстомъ натуру чувственную, страстную [1]). Но оба эти критика впадаютъ въ одну и туже капитальную ошибку, усиливаясь изъяснить взглядъ гр. Толстаго на бракъ и безбрачіе изъ индивидуальныхъ особенностей его натуры, а не изъ требованій своеобразной его радикально-соціалистической доктрины.

Обращаясь къ нашей отечественной литературѣ, мы не нашли и въ ней ничего такого, чтó нравственно обязывало-бы насъ отречься отъ чего-либо изъ высказаннаго въ первомъ изданіи брошюры противъ взглядовъ гр. Толстаго и преслѣдуемой имъ практической цѣли. Первый въ нашей литературѣ, сдѣлавшій попытку систематически изложить міровоззрѣніе нашего знаменитаго писателя и органически связать всѣ частные пункты этого міровоззрѣнія другъ съ другомъ, это—П. Е. Астафьевъ.

По его мнѣнію, отрицаніе гр. Толстымъ половой любви и брака, какъ и все остальное, вытекаетъ изъ его взгляда на человѣческую личность, какъ на зло, призракъ и нелѣпость [2]). При всемъ нашемъ уваженіи къ мнѣніямъ почтеннаго П. Е. Астафьева, никакъ не можемъ согласиться съ настоящей его мыслью. Во-первыхъ, не видимъ достаточныхъ основаній къ тому, чтобы и вообще признать взглядъ гр. Толстаго на человѣческую личность исходнымъ и основнымъ пунктомъ его доктрины и ея отдѣльныхъ частей, какъ это думаетъ П. Е. Астафьевъ. Въ нашей литературѣ правиль-

---

[1]) Ibid. Стран. 193—195.

[2]) Стран. 35 и друг. въ брошюрѣ: *Ученіе гр. Л. Н. Толстаго въ его цѣломъ* (Москва, 1890 г.).

нѣе всего уловилъ и опредѣлилъ основную тенденцію въ *прежнихъ* произведеніяхъ гр. Толстаго г. Михайловскій [1]). Тенденція эта несомнѣнно-соціалистическая, хотя прежде не всегда послѣдовательно выступавшая у Льва Николаевича и часто заслонявшаяся чуждыми ей элементами. По нашему убѣжденію, то, что́ прежде у гр. Толстаго лишь порою сквозило и высказывалось въ рядѣ отрывочныхъ мыслей и взглядовъ, въ *новѣйшихъ* его произведеніяхъ вылилось въ весьма своеобразную радикально-соціалистическую доктрину, въ коей и взглядъ на человѣческую личность установленъ наиболѣе для нее подходящій [2]). Затѣмъ, еслибы у гр. Толстаго отрицаніе половой любви и брака вытекало изъ вгляда его на человѣческую личность, то такое же отрицаніе *должно* было-бы встрѣчаться и у всѣхъ мыслителей, прежнихъ и новыхъ, имѣвшихъ этотъ же взглядъ на человѣческую личность. Между тѣмъ, кто же не знаетъ, что нѣкоторые изъ весьма послѣдовательныхъ мыслителей этого рода отстаивали половую любовь и бракъ? Наконецъ, раньше, до *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловія* къ ней, гр. Толстой тоже не выступалъ съ отрицаніемъ половой любви и брака, хотя взглядъ его на человѣческую личность былъ тотъ же самый. Значитъ, отрицаніе половой любви и брака требуется чѣмъ-то инымъ, а именно своеобразнымъ его радикально-соціалистическимъ ученіемъ. Если же раньше онъ невыступилъ съ этимъ отрицаніемъ, то—только потому, что ему или трудно было разстаться съ тѣмъ, чему онъ всегда *особенно* симпатизировалъ, по справедливому замѣчанію г. Андреевскаго [3]),

---

[1]) Стран. 29 и друг. въ кн. *Графъ Л. Н. Толстой* (Спб. 1887 г.).

[2]) Если ничто невоспрепятствуетъ мнѣ написать и напечатать разборъ нравственно-соціальнаго ученія гр. Толстаго, въ такомъ случаѣ я непремину обстоятельнѣе доказать правильность своего взгляда на дѣло.

[3]) Стран. 281 въ книгѣ: *Литературныя чтенія* (Спб. 1891 г.). Съ замѣчаніями же автора касательно *Крейцеровой Сонаты* большей частью нельзя согласиться, тѣмъ болѣе, что онъ мѣстами впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Основанія, по которымъ мы не можемъ согласиться со многими изъ мыслей автора, читатель найдетъ въ настоящемъ нашемъ сочиненіи.

или онъ неуспѣлъ еще выяснить себѣ надлежащимъ образомъ всего того, къ чему ведетъ основная тенденція его ученія.

Не находимъ никакихъ разумныхъ основаній къ отреченію и отъ той мысли, что гр. Толстой *сознательно* фальшивитъ, выдавая, ради *наибольшаго* успѣха своей доктрины, свои собственныя соціалистическія идеи за подлинное ученіе I. Христа, апостоловъ и проч. Мнѣ возражаютъ противъ этого, выдвигая такую аргументацію: „Можно, если угодно, упрекать гр. Толстаго въ излишней самоувѣренности, въ скороспѣлости выводовъ, въ недостаточно обдуманной критикѣ, но отсюда еще далеко до обвиненія въ сознательной лжи, въ заранѣе обдуманномъ намѣреніи обмануть читателя. Весь нравственный обликъ Л. Н. Толстаго, какимъ мы его знаемъ, противорѣчитъ такому тяжкому обвиненію“ [1]). Спрашивается: способны-ли эти слова заставить отречься отъ того, что̀ намъ пришлось, съ болью въ душѣ, сказать объ образѣ дѣйствій гр. Толстаго? Посмотримъ.

Какъ сталъ извѣстенъ автору возраженія нравственный обликъ этого писателя, мы, конечно, незнаемъ. Однако, этотъ нравственный обликъ выходитъ, и по воззрѣнію возражателя, далеко несовсѣмъ чистымъ и симпатичнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, и возражатель допускаетъ *), что гр. Толстой обнаруживаетъ излишнюю самоувѣренность, скороспѣлость выводовъ, недостаточно-обдуманную критику. Но неужели,— спрошу я,—*нравственно-серьезный* человѣкъ позволитъ себѣ подобныя вещи, въ особенности тогда, когда идетъ рѣчь о словахъ Богочеловѣка и объ истинномъ существѣ Его уче-

---

[1]) № 11-й *Казанскихъ Вѣстей* за 1890 г. Это было сказано намъ по другому случаю, но тогда мы оставили сказанное безъ опроверженія до благопріятнаго момента, каковой теперь самъ собою представился.

*) Не допуститъ же онъ не можетъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, ему пришлось-бы опровергать и *неопровержимое* изъ того, что̀ направлено противъ гр. Толстаго въ духовной литературѣ....

нія, благоговѣйно исповѣдуемаго милліонами людей и имѣющаго для всей ихъ жизни первостепенную важность? Нѣтъ сомнѣнія, что возражатель нравственно обязывается къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ,—отвѣту, весьма невыгодному для его кліента. Коль скоро же нравственный характеръ послѣдняго допускаетъ его до самоувѣренности и до тому подобныхъ дурныхъ вещей, когда дѣло идётъ о самыхъ святѣйшихъ предметахъ, то чтó же удивительнаго въ томъ, что онъ *сознательно* истолковываетъ слова Спасителя и вообще христіанское ученіе въ духѣ своихъ предвзятыхъ идей ради наибольшаго ихъ успѣха? А что онъ именно такъ поступаетъ, оспорить это нѣтъ никакой возможности. Въ самомъ дѣлѣ, кто же можетъ *доказать* не только дѣйствительную тождественность, но и самую возможность добросовѣстнаго отождествленія, съ одной стороны, религіозно-нравственнаго ученія Спасителя, а, съ другой, — пантеистическо-соціалистической доктрины гр. Толстаго? За это, — мы увѣрены,—невозьмётся ни одинъ и изъ тѣхъ, кто ратуетъ за безусловную искренность этого писателя. Вѣдь всякому образованному человѣку въ большей или меньшей степени очевидна не тождественность, а, наоборотъ, противоположность вообще между ученіемъ І. Христа и ученіемъ гр. Толстаго. Эта противоположность не можетъ не быть ясною и для послѣдняго, если только онъ находится въ здравомъ умѣ.... Поэтому, писатель этотъ, настойчиво выдавая свои пантеистическо-соціалистическія идеи за подлинное ученіе Богочеловѣка, несомнѣнно фальшивитъ,—при томъ вполнѣ сознательно. Сотнями фактовъ, взятыхъ изъ сочиненій гр. Толстаго, доказывается *преднамѣренное* извращеніе имъ смысла однихъ и *преднамѣренное* замалчиваніе другихъ словъ І. Христа, но укажемъ хотя на одинъ примѣръ. Гр. Толстой теперь утверждаетъ, въ противоположность прежнему своему мнѣнію, будтобы Спаситель учитъ о бракѣ, какъ паденіи, грѣхѣ, непозволительной сквернѣ. Прочитавши настоящее мое сочиненіе, всякій убѣ-

дится, что нашъ знаменитый писатель для этого то прямо извращаетъ смыслъ однихъ словъ І. Христа, то дипломатично замалчиваетъ другія, неблагопріятныя ему. Благоволите, читатель, объяснить этотъ образъ дѣйствій излишней самоувѣренностью гр. Толстаго, скороспѣлостью выводовъ, недостаточно-обдуманной критикою, и вамъ придётся встать въ *непримиримое* противорѣчіе не только съ существомъ дѣла, весьма простаго и яснаго, и не только съ важнымъ фактомъ поворота гр. Толстаго отъ прежняго его мнѣнія о бракѣ къ теперешнему, но и съ увѣреніями самаго Льва Николаевича, что онъ до тонкостей и подробностей изучилъ евангелія, берётъ во вниманіе даже каждое слово въ нихъ, старается всячески объ объективномъ пониманіи содержанія ихъ, т. е. *всевозможно* избѣгаетъ скороспѣлости выводовъ или недостаточно-обдуманной критики и т. под. *). Какъ видимъ, самъ же Левъ Николаевичъ приводитъ правдиваго читателя къ убѣжденію, что мы имѣемъ дѣло, въ лицѣ его, съ человѣкомъ, который способенъ на *сознательную* фальшь, на превращеніе истины въ своего рода игрушку, для оправданія и успѣховъ *своего* ученія. Какъ бы ни было горько и тяжело говорить это, но *неизбѣжно* приходится. Про представителей церковной іерархіи и про богослововъ гр. Толстой говоритъ-же самыя ужасныя „небылицы". Почему же относительно его нельзя высказывать даже и *несомнѣнной* правды?!

Но если авторъ неимѣлъ никакихъ *резонныхъ* основаній къ отреченію отъ чего-либо изъ высказаннаго противъ гр. Толстаго въ первомъ изданіи брошюры, то это обстоятель-

---

*) Такихъ увѣреній масса разсѣяна въ а) *Предисловіи къ краткому изложенію евангелія*, б) *Въ чемъ моя вѣра* и проч. Въ концѣ *Послѣсловія* къ *Крейцеровой Сонатѣ* гр. Толстой *завѣряетъ*, что «разумъ и совѣсть» *невольно* привели его къ извѣстному пониманію ученія Христова о бракѣ и безбрачіи (стр. 16). Это признаніе въ *высшей* степени важно: гр. Толстой высказалъ его съ цѣлію наилучшей пропаганды своего ученія, но это-то признаніе и доказываетъ, что онъ *играетъ* ученіемъ и словами Спасителя....

ство нисколько неисключало потребности внести въ новое изданіе нѣкоторыя исправленія и дополненія. Собственно исправленій требовалось весьма немного на мой взглядъ, и они коснулись только тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ фразъ и выраженій. Дополненій же сдѣлано несравненно больше. Цѣлію дополненій поставлялось главнымъ образомъ или усиленіе и наибольшее раскрытіе прежнихъ доводовъ, направленныхъ противъ ученія гр. Толстаго, или критическое обсужденіе нѣкоторыхъ, болѣе важныхъ, частнѣйшихъ его мыслей, опущенное прежде. Такъ, напримѣръ, съ достаточной обстоятельностью разсмотрѣнъ теперь вопросъ и о томъ, разумно-ли проповѣдывать безбрачіе въ видахъ устраненія перенаселенія земнаго шара? Сдѣлавши это существенное дополненіе, мы опровергли и послѣдній аргументъ гр. Толстаго, имѣющій въ его воззрѣніи *особую* важность, какъ справедливо замѣтилъ намъ письменно одинъ изъ умѣренныхъ толстовцевъ.

Сдѣлать-же что-либо иное въ новомъ изданіи, — повторяю,—ничѣмъ и никѣмъ нравственно невызывался я. Еслибы гр. Л. Н. Толстой или кто-нибудь изъ его убѣжденныхъ послѣдователей *основательно доказалъ* неправоту даже основныхъ мыслей, раскрытыхъ въ этомъ моемъ сочиненіи, то, во имя обязательныхъ для каждаго требованій истины, я отрексябы и отъ нихъ, а не только что отъ чего-либо побочнаго и второстепеннаго. Между тѣмъ, даже самъ Левъ Николаевичъ не попытался, сколько я знаю, сдѣлать это, хотя болѣе всѣхъ другихъ имѣетъ и шансовъ, и нравственнаго обязательства къ тому, если ему дорога только истина и ея торжество. Напрасно, разумѣется, увѣряла одна провинціальная газета, будто бы гр. Толстой *лишенъ* возможности вступать въ состязаніе съ своими противниками [1]). Стран-

[1]) № 11-й *Казанскихъ Вѣстей* за 1890 г. По логикѣ автора замѣтки выходитъ, къ нашему изумленію, будтобы нападающая сторона и въ данномъ случаѣ — я, а не гр. Толстой. Между тѣмъ, для кого-же тайна, что именно гр. Толстой обвиняетъ какъ представителей церковной іерархіи, такъ и богослововъ въ извращеніи и забвеніи Христова ученія? Слѣдов.

ное и загадочное увѣреніе! Вѣдь гр. Толстой находитъ-же полную возможность отвѣчать на запросы *наприм.* о томъ, что́ собственно хотѣлъ онъ сказать и сказалъ *Крейцеровой Сонатою* своей, и отвѣты его быстро распространяются не только въ Россіи, но и заграницею. Съ другой стороны, вѣдь издаетъ-же гр. Толстой одно за другимъ сочиненія съ цѣлію дальнѣйшаго раскрытія и выясненія своей доктрины, пользуясь для этого и иностранной печатью, и русской литографіей и гектографіею.... Куда же и какъ, спрашивается, исчезаетъ эта возможность въ тѣхъ только случаяхъ, когда дѣло касается возраженій, предъявляемыхъ „великому учителю", и вообще опроверженія его взглядовъ? Отвергать существованіе возможности для гр. Толстаго отвѣчать даже обстоятельно на предъявляемыя ему серьезныя возраженія могутъ только тѣ, кому почему-нибудь или *пріятно*, или *выгодно* поддерживать гр. Л. Н. Толстаго и его ученіе, даже и нераздѣляя послѣдняго.... Нѣтъ! Для него *неспоримо* существуетъ *полная возможность* опровергать возраженія, дѣлаемыя ему, а если онъ не пользуется ею, то, конечно, потому только, что для *него* и для успѣховъ *его* ученія *крайне невыгодно* вступать въ прямую и систематическую полемику съ тѣми, кто, на основаніи словъ-же Спасителя и т. под., ясно показываетъ всю произвольность и несостоятельность аргументаціи этого писателя. Храня олимпійское молчаніе, онъ мало рискуетъ потерять, въ мнѣніи извѣстной части публики, титулъ носителя и борца истины. Эта часть публики, навѣрное, воображаетъ, что ея кумиръ, еслибы захотѣлъ,

---

обвиняемымъ, какъ богословъ, являюсь и я. Всё, что́ высказывалось и высказывается мною противъ гр. Толстаго, въ сущности имѣетъ значеніе самозащиты.... Если же, по мнѣнію автора замѣтки, собственно обвинитель обязанъ доказать свое обвиненіе, то, значитъ, гр. Толстой, какъ обвинитель, долженъ или показать неправильность моей самозащиты, или публично сознаться въ томъ, что онъ напрасно обвинялъ публично же представителей церковной іерархіи и богослововъ въ тяжкой винѣ....

ниспровергъ-бы всѣ возраженія противъ него. Какъ-же не поддерживать этой иллюзіи? Между тѣмъ, дорожи Л. Н. Толстой болѣе всего истиною ради ней самой, онъ давно а) или попытался бы отвѣтить на болѣе серьезныя изъ сдѣланныхъ ему возраженій въ духовной и свѣтской литературѣ, б) или печатно отказался-бы по крайней мѣрѣ отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ, *до очевидности намѣренно-ложныхъ*, рѣчей о христіанствѣ и ученіи Спасителя и отъ значительной доли другихъ своихъ фикцій. Если я ошибаюсь, трактуя гр. Толстаго, на основаніи доселѣшняго образа его дѣйствій, скорѣе своеобразнымъ дипломатомъ, чѣмъ истинолюбивымъ человѣкомъ, то хоть въ настоящемъ случаѣ пусть онъ или основательно опровергнетъ сказанное мною противъ него въ этомъ сочиненіи, или печатно откажется отъ своихъ взглядовъ на половую любовь, на бракъ, на безбрачіе. Въ томъ и другомъ разѣ *съ радостью* возьму назадъ свои слова о Львѣ Николаевичѣ, какъ о такомъ дипломатѣ, для котораго сама по себѣ истина — дѣло побочное, мало значащее. Теперь же *здравый смыслъ* и *совѣсть* не позволяютъ думать о нёмъ иначе, чѣмъ думаю.

20-е февраля 1891 года.

ИЗЛОЖЕНІЕ И РАЗБОРЪ УЧЕНІЯ
„КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ“ И „ПОСЛѢСЛОВІЯ“ КЪ НЕЙ.

Героемъ разсказа: *Крейцерова Соната* выставленъ Позднышевъ, говорящій о себѣ, что онъ—„сынъ богатаго степнаго дворянина, бывшаго предводителя, и воспитанникъ университета, кандидатъ, юристъ“ [1]). Отъ лица этого Позднышева и ведется весь разсказъ. Интересъ послѣдняго сосредоточивается на той печальной исторіи, которую онъ съ мельчайшими подробностями передаетъ, проѣздомъ по желѣзной дорогѣ, совершенно незнакомому своему спутнику о томъ, какъ онъ мало-по-малу дошелъ, изъ-за ревности, до убійства своей жены, совершивши его, когда она, вѣроятно, разыгравши съ ихъ знакомымъ, Трухачевскимъ, какую-либо музыкальную пьесу, сѣла съ своимъ партнеромъ за ужинъ и когда неожиданно засталъ ихъ вдвоемъ Позднышевъ, уѣзжавшій въ уѣздъ и вернувшійся домой раньше предположеннаго срока. Разсказывая исторію своей юношеской жизни, своей женитьбы, своихъ семейныхъ неурядицъ, ссоръ и бурь, завершившихся убійствомъ жены, Позднышевъ изображаетъ, при этомъ, самыми мрачными

[1]) Стран. 14-я *Крейцеровой Сонаты* (Берлинъ, 1890 г.). Изданіе Библіографич. Бюро въ Берлинѣ. Типографія А. Островскаго. Просимъ имѣть въ виду, что содержаніе этого разсказа весьма подробно передано въ *Бесѣдѣ* высокопреосвящ. Никанора *о христіанскомъ супружествѣ* (изданіе Аѳонскаго Русскаго Пантелеймонова Монастыря).

красками половую распущенность юношей и мужчинъ того круга, къ коему принадлежалъ онъ, превратное воспитаніе дѣвицъ, вообще разлагающееся состояніе у насъ семьи. Не ограничиваясь объективнымъ разсказомъ о себѣ самомъ и простою характеристикою общаго склада семейной жизни въ такъ называемой интеллигентной средѣ, Позднышевъ вдается въ весьма пространныя разсужденія вообще о половой любви и о бракѣ и говоритъ своему собесѣднику, что даже въ супружеской жизни половое физическое общеніе—„неестественно" [1]). Такъ какъ для насъ въ этихъ разсужденіяхъ *вся* сущность дѣла, то приведу буквально одну важную часть бесѣды между Позднышевымъ и его собесѣдникомъ—авторомъ разсказа.

„Какъ-же, сказалъ я съ удивленіемъ, какъ-же бы продолжался родъ человѣческій? — Да зачѣмъ же ему продолжаться? неожиданно возразилъ Позднышевъ.— Какъ зачѣмъ? Иначе бы насъ не было. — Да зачѣмъ намъ быть?—Какъ зачѣмъ? Да чтобы жить. — Зачѣмъ жить? Вѣдь Шопенгауэры, Гартманы, да и всѣ буддисты утверждаютъ, что благо—въ томъ, чтобы не жить. И они правы въ томъ, что благо человѣческое совпадаетъ съ самоуничтоженіемъ. Только они не такъ выражаются: они говорятъ, что роду человѣческому надо уничтожиться, чтобы избавиться отъ страданій, что цѣль его— самоуничтоженіе. Это неправда. Цѣлью человѣчества не можетъ быть избавленіе отъ страданій чрезъ самоуничтоженіе, потому что страданія суть послѣдствія дѣятельности: цѣль дѣятельности не можетъ состоять въ уничтоженіи ея послѣдствій. Цѣль какъ человѣка,

---

[1]) Ibid. стран. 33.

такъ и человѣчества—благо. Для достиженія-же блага человѣчеству данъ законъ, который оно должно исполнять. Законъ же состоитъ въ единеніи людей *). Мѣшаютъ этому единенію страсти. Изъ страстей самая сильная и злая — половая плотская любовь, и потому, если уничтожатся вообще страсти и послѣдняя, самая сильная изъ нихъ, плотская любовь, то единеніе совершится, человѣчество исполнитъ свой законъ, и ему незачѣмъ будетъ жить.—Ну, а пока не исполнится?—Ну вотъ и данъ спасительный клапанъ. Признакъ неисполненнаго закона есть присутствіе плотской любви. А какъ только есть плотская любовь, такъ вслѣдствіе именно ея и является новое поколѣніе, въ которомъ можетъ осуществиться законъ. Не осуществило и то, опять слѣдующія — до тѣхъ поръ, пока осуществится всё. Когда же осуществится, тогда вслѣдствіе этого самаго осуществленія и самъ собою уничтожится родъ человѣческій. По крайней мѣрѣ мы не можемъ себѣ представить жизни при условіи полнаго единенія людей.— Странная теорія, сказалъ я. — Что тутъ страннаго? отвѣтилъ Позднышевъ. По всѣмъ ученіямъ церковнымъ придетъ конецъ міра; по всѣмъ ученіямъ научнымъ неизбѣжно тоже самое. Такъ что́ же страннаго, что и по ученію нравственному выходитъ тоже самое? „Могущіе вмѣстить да вмѣстятъ“, сказалъ Христосъ. И я прямо понимаю это, какъ Онъ сказалъ. Для того, чтобы между людьми была нравственность въ половомъ отношеніи, нужно, чтобы цѣлью они себѣ ставили полное цѣломудріе. Стремясь къ цѣломудрію, человѣкъ падаетъ;

---

*) Какое благо и какое единеніе человѣчества имѣетъ въ виду Позднышевъ, это впослѣдствіи разъяснится мною.

падётъ онъ, и тогда будетъ бракъ нравственный. Если же человѣкъ, какъ въ нашемъ обществѣ, стремится уже прямо къ плотской любви, то, хотя-бы онъ облекъ её и въ мнимо-нравственную форму брака, все-таки выйдетъ безнравственная жизнь“ [1]).

Такъ смотритъ на бракъ и на половую любовь Позднышевъ. Но не есть-ли это—точка зрѣнія только героя *Крейцеровой Сонаты*, а не ея автора? Въ нашей печати на этотъ вопросъ давались самые различные отвѣты. Такъ, наприм. одни склонны думать, будтобы подобныя разсужденія Позднышева не выражаютъ взглядовъ самого гр. Толстаго [2]). Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что онъ вложилъ въ уста своего героя не иное что, какъ свои излюбленныя идеи [3]). Третьи, затѣмъ, предполагаютъ, что гр. Толстой только не отдѣлилъ рѣзкою чертою своихъ взглядовъ на бракъ и безбрачіе отъ мнѣній Позднышева [4]). Если въ печати оказались возможными столь противорѣчивыя сужденія о смыслѣ и идеѣ *Крейцеровой Сонаты*, то о разноголосицѣ въ сужденіяхъ о ней читающей публики и говорить нечего. Чтобы рѣшить съ безусловной основательностію, что́ именно хотѣлъ сказать и сказалъ гр. Толстой этимъ своимъ произведеніемъ, рѣшающее значеніе можетъ имѣть только его собственное слово. Оно и сказано имъ въ его *Послѣсловіи* къ *Крейцеровой Сонатѣ*,

---

1) Ibid. стр. 33—35.

2) См. статью Н. К. Михайловскаго въ 64 № *Русскихъ Вѣдомостей* за 1890 годъ.

3) См. слова высокопреосвящ. Никанора на стран. 12, 14 и друг. въ его *Бесѣдѣ о христіанскомъ супружествѣ* противъ гр. Л. Толстаго.

4) См. статью Л. Е. Оболенскаго въ 85 № *Новостей* за 1890 г.

написанномъ специально для выясненія его взглядовъ. Чтобы никто изъ сторонниковъ и вообще почитателей этого писателя не имѣлъ права упрекнуть меня въ неправильномъ пониманіи мнѣній его или въ неполной передачѣ его доводовъ, буквально воспроизведу здѣсь *Послѣсловіе*, откинувши лишь ненужныя повторенія или не имѣющія значенія подробности. Это тѣмъ болѣе необходимо сдѣлать, что въ *Послѣсловіи* сгруппирована самая значительная часть доказательствъ, приводимыхъ гр. Толстымъ въ пользу его ученія о бракѣ и безбрачіи и подлежащихъ нашему разбору.

„Я получилъ и получаю, говоритъ онъ, много писемъ отъ незнакомыхъ мнѣ лицъ, просящихъ меня объяснить въ простыхъ и ясныхъ словахъ то, что́ я думаю о предметѣ написаннаго мною разсказа подъ заглавіемъ „Крейцерова Соната“? Попытаюсь это сдѣлать. Я думаю объ этомъ предметѣ слѣдующее:

Во-первыхъ, я думаю то, что въ нашемъ обществѣ сложилось твердое и общее всѣмъ сословіямъ, поддерживаемое ложной наукою, убѣжденіе въ томъ, что половое общеніе есть дѣло необходимое для здоровья мужчинъ и что потому вполнѣ простительное, а поэтому холостые люди съ совершенно спокойной совѣстью предаются разврату другъ передъ другомъ. Нѣкоторые родители, по совѣту врачей, устраиваютъ развратъ для своихъ дѣтей, а правительство, единственный смыслъ существованія котораго состоитъ въ заботѣ о нравственномъ благосостояніи своихъ гражданъ, учреждаетъ проституцію, т. е. регулируетъ цѣлое сословіе женщинъ, долженствующихъ погибать тѣлесно и душевно для удовлетворенія мнимыхъ потребностей здоровья своихъ

гражданъ *). И я думаю, что это нехорошо. Нехорошо потому, что не должно быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно было пить кровь другихъ. И поддаваться этому заблужденію или обману не нужно. А для того, чтобы не поддаваться, надо, во-первыхъ, не вѣрить безнравственнымъ ученіямъ, какими-бы они ни подтверждались науками, а, во-вторыхъ, понимать, что вступленіе за деньги или даромъ въ половое общеніе, при которомъ люди освобождаютъ себя отъ возможныхъ послѣдствій его, сваливая всю отвѣтственность на женщину или содѣйствуя ея погибели, есть подлость. И потому холостымъ людямъ, не хотящимъ жить подло, надо воздерживаться по отношенію всѣхъ женщинъ,— точно также какъ бы они воздерживались, еслибы вокругъ нихъ не было другихъ женщинъ, кромѣ ихъ матерей и сестеръ. Для того же, чтобы люди могли воздерживаться, они должны вести естественный образъ жизни: не пить (водки и вина), не ѣсть мяса и не избѣгать труда, — не избѣгать не гимнастики, а утомляющаго, не игрушечнаго труда. Доказательствъ же того, что воздержаніе возможно и менѣе опасно и вредно для здоровья, чѣмъ невоздержаніе, всякій мужчина найдетъ вокругъ себя сотни. Это—первое.

Во-вторыхъ, я думаю то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе взгляда на любовное общеніе и какъ на поэтическое, возвышенное благо жизни, и какъ на необходимое условіе здоровья, супружеская невѣрность сдѣлалась во всѣхъ слояхъ общества (въ крестьянскомъ, особенно благодаря солдатамъ) самымъ обычнымъ, пріят-

*) Неужели незнаетъ гр. Толстой, что правительство дѣлаетъ это во избѣжаніе еще бо́льшаго зла?!

нымъ поступкомъ, украшающимъ жизнь, какъ это изображается въ поэмахъ, повѣстяхъ, романахъ, операхъ, романсахъ, картинахъ. И я думаю, это нехорошо. А такъ какъ происходитъ это не столько отъ вложеннаго въ человѣка животнаго свойства — стремленія къ продолженію рода, сколько отъ возведенія этого животнаго свойства на степень поэтическаго блага или молодечества, то и для того, чтобы измѣнился взглядъ на влюбленіе и плотскую любовь, нужно, чтобы мужчины и женщины воспитывались въ семьяхъ и общественномъ мнѣніи такъ, чтобы они и до женитьбы, и послѣ женитьбы смотрѣли на влюбленіе и плотское общеніе, лежащее въ основѣ его, не какъ на самое поэтическое и возвышенное состояніе или молодечество, которымъ можно хвастаться, а какъ на *унизительное* для человѣка скотское состояніе. Это—второе.

Въ-третьихъ, я думаю то, что въ нашемъ обществѣ вслѣдствіе опять того ложнаго значенія, которое придано влюбленію и плотской любви, рожденіе дѣтей потеряло свой смыслъ,—вмѣсто того, чтобы быть цѣлью и оправданіемъ супружескихъ отношеній, стало помѣхою для пріятнаго продолженія любовныхъ отношеній и что потому и внѣ брака, и въ бракѣ, благодаря безнравственному вмѣшательству такъ называемой науки медицыны, а) или стало распространяться употребленіе средствъ, лишающихъ женщину возможности дѣторожденія, б) или стало входить въ обычай и привычку то, — чего не было прежде и теперь еще нѣтъ въ крестьянскихъ патріархальныхъ семьяхъ, — продолженіе супружескихъ отношеній при беременности и кормленіи. И это очень нехорошо. Нехорошо потому, что это губитъ тѣлесныя и, главное, душевныя силы жен-

щины. И этого не надо дѣлать. Надо понять, что воздержаніе, составляющее необходимое условіе человѣческаго достоинства при безбрачномъ состояніи, еще болѣе обязательно въ бракѣ и что разсудокъ данъ человѣку не на то, чтобы стать ниже животнаго, а выше его. Истребленіе же плода, съ цѣлью наслажденія и продолженія общенія во время беременности и кормленія, есть превосхожденіе животнаго въ животности. Это—третье.

Въ-четвертыхъ, я думаю то, что въ нашемъ обществѣ, въ которомъ дѣти являются помѣхою для наслажденія, несчастной случайностью или своего рода наслажденіемъ, когда ихъ рождается напередъ опредѣленное количество,—эти дѣти воспитываются не въ виду тѣхъ задачъ жизни, которыя предстоятъ имъ, а только въ виду тѣхъ удовольствій, которыя они могутъ доставить родителямъ. Вслѣдствіе этого дѣти людей воспитываются, какъ дѣти животныхъ, такъ что главная забота родителей состоитъ не въ томъ, чтобы приготовить ихъ къ достойной человѣка дѣятельности, а въ томъ, чтобы какъ можно лучше напитать ихъ, увеличить въ нихъ количество мяса, увеличить ихъ ростъ, сдѣлать ихъ чистыми, бѣлыми, сытыми, красивыми. Ихъ всячески холятъ, моютъ, много кормятъ и не заставляютъ работать, и вотъ въ перекормленныхъ дѣтяхъ, какъ и во всякихъ перекормленныхъ животныхъ, неестественно рано появляется непреодолимая, мучительная чувственность. Наряды, чтеніе, зрѣлища, музыка, танцы, сладкая пища,—вся обстановка жизни, отъ картинокъ на коробочкахъ до романовъ, повѣстей и поэмъ, еще болѣе разжигаетъ эту чувственность, и вслѣдствіе этого половые пороки и болѣзни дѣлаются

обычными условіями возраста дѣтей обоего пола, оставаясь часто и въ зрѣломъ возрастѣ. И это нехорошо. И надо перестать воспитывать дѣтей — людей, какъ животныхъ, и для воспитанія людскихъ дѣтей поставить другія цѣли, кромѣ красиваго, выхоленнаго тѣла. Это—четвертое,

Въ-пятыхъ, я думаю то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе приданнаго важнаго значенія плотской любви и сопутствующему ей влюбленію, главныя силы людей поглощены въ лучшее время ихъ жизни не тѣмъ, чѣмъ нужно: у мужчинъ — выглядываніемъ, пріисканіемъ и овладѣваніемъ наилучшихъ предметовъ любви, для достиженія чего считаются простительными ложь и обманъ, а у женщинъ и дѣвушекъ — заманиваніемъ и вовлеченіемъ мужчинъ въ связь или въ бракъ, для чего женщины не брезгаютъ употребленіемъ самыхъ низкихъ средствъ — подражаніемъ модамъ проститутокъ и выставленіемъ напоказъ частей тѣла, вызывающихъ чувственность *). И я думаю, что это нехорошо. Нехорошо потому, что достиженіе цѣли наслажденія плотскою любовью, какъ бы она ни была опоэтизирована, есть *животная грязь, недостойная человѣка*, и вытекаетъ изъ взгляда на жизнь, столь же грубаго и искаженнаго, какъ и тотъ взглядъ, очень часто встрѣчаемый на низшихъ ступеняхъ развитія, по которому сладкая и изобильная пища представляется высшимъ благомъ и достойной цѣлью дѣятельности человѣка. Это не хорошо,

---

*) **Нѣтъ никакаго сомнѣнія въ томъ, что гр. Толстой какъ въ *Крейцеровой Сонатѣ*, такъ и въ приведенныхъ пяти пунктахъ *Послѣсловія* высказываетъ *весьма много* горькой правды касательно и половой распущенности, и дурнаго склада семейной жизни въ окружающей насъ средѣ....**

и дѣлать этого не нужно. А для того, чтобы этого не дѣлать, вѣдь должно понять, что цѣль, достойная человѣка, — служеніе-ли человѣчеству, отечеству, наукѣ, искусству, не говоря уже о служеніи Богу,—какая-бы она ни была, если только мы считаемъ ее достойною человѣка, непремѣнно находится *внѣ личнаго наслажденія* и что, поэтому, вступленіе не только въ любовную связь, но и въ бракъ, есть не возвышеніе, а *паденіе* съ христіанской точки зрѣнія, такъ какъ влюбленіе и сопутствующая ему плотская любовь, какъ бы ни старались доказывать противное въ стихахъ и прозѣ, *никогда* не облегчаетъ достиженія достойной человѣка цѣли, а *всегда* затрудняетъ его. Это—пятое.

Вотъ приблизительно то главное, говоритъ гр. Толстой о себѣ, что́ я думаю о предметѣ разсказа.

Но родъ человѣческій? Если признать то, что безбрачіе лучше брака и что цѣль человѣчества—въ стремленіи къ цѣломудрію, то родъ человѣческій, говорятъ, прекратится. А если выводъ изъ всего разсужденія получается тотъ, что долженъ прекратиться родъ человѣческій, то все это разсужденіе, думаютъ, невѣрно.

Но разсужденіе это *не мое*, — не я выдумалъ его, продолжаетъ гр. Толстой. То, что человѣкъ долженъ стремиться къ цѣломудрію и что безбрачіе лучше брака, есть истина, открытая Христомъ 1900 лѣтъ тому назадъ, которая написана въ нашихъ катехизисахъ и которую мы всѣ исповѣдуемъ. Въ Евангеліи ясно и безъ возможности какого-либо перетолкованія сказано, что женатому, кого сознаніе истины застаетъ женатымъ, должно оставаться съ тою, съ которою онъ сошелся, т. е. не перемѣнять жены и жить цѣломудреннѣе, чѣмъ онъ жилъ прежде (Матѳ. 5, 32; 19, 8 и др.), что не-

женатому лучше вовсе не жениться и продолжать быть цѣломудреннымъ (Матѳ. 19, 10—12) и что какъ тому, такъ и другому, стремясь къ наибольшему цѣломудрію, грѣшно и посмотрѣть на женщину, какъ на предметъ наслажденія (Матѳ. 5, 28). Это сказалъ Христосъ, и это же самое свидѣтельствуютъ и исторія человѣчества, и совѣсть, и разумъ каждаго отдѣльнаго человѣка. Исторія показываетъ намъ непрестающее и невозвращающееся назадъ движеніе человѣчества отъ распущенности къ цѣломудрію, отъ полнаго смѣшенія половъ къ многомужеству и многоженству, отъ многоженства къ единобрачію, отъ невоздержнаго единобрачія къ цѣломудрію въ бракѣ. Совѣсть наша подтверждаетъ тоже самое, всегда осуждая невоздержаніе въ комъ бы то ни было, всегда одобряя цѣломудріе и всегда ставя человѣка тѣмъ выше въ нравственной оцѣнкѣ, чѣмъ болѣе онъ цѣломудренъ. Тоже утверждаетъ и *разумъ*, показывая, что *единственное*, непротивное чувству человѣка, разрѣшеніе вопроса о *неизбѣжномъ перенаселеніи* земли достигается *только* естественнымъ для человѣка, хотя и противнымъ животному, стремленіемъ къ цѣломудрію. И удивительное дѣло то, что были и есть теоріи Мальтуса, то, что всё болѣе и болѣе распространяется проституція,—а я не умѣю назвать всякое половое общеніе безъ рожденія дѣтей иначе, какъ проституціею,—то, что одни милліоны дѣтей убиваются въ утробахъ матерей, что другіе милліоны дѣтей гибнутъ отъ голода и нищеты, то, что милліоны и милліоны людей убиваются на войнахъ и что главная дѣятельность государствъ направлена на то, чтобы какъ можно болѣе увеличить свою способность убивать людей, и все это представляется ничего

незначащимъ и неопаснымъ для рода человѣческаго, но заикнись человѣкъ о томъ, что надо умѣрять свои страсти и воздерживаться *), и родъ человѣческій оказывается въ опасности.

Говорятъ, не можетъ быть идеаломъ человѣчества цѣломудріе и безбрачіе, потому что цѣломудріе уничтожаетъ того, кто стремится къ идеалу. Но вѣдь идеалъ только тогда идеалъ, когда онъ не достижимъ и когда возможность приближенія къ нему безконечна. Таковъ христіанскій идеалъ установленія царства Бога, соединенія любовію *всего* живущаго. Представленіе о достиженіи его несовмѣстимо съ представленіемъ о движеніи жизни. Какая можетъ быть жизнь, когда *всё* живое соединено любовью во едино? Никакой. Представленіе о жизни возможно только при стремленіи къ недостижимому идеалу. Но еслибы мы даже и допустили, что христіанскій идеалъ полнаго цѣломудрія осуществился бы, то и тогда мы не пришли бы ни къ чему иному, какъ къ самымъ знакомымъ намъ утвержденіямъ, съ одной стороны, религіи, однимъ изъ догматовъ которой есть конецъ свѣта, а, съ другой, — такъ называемой науки, утверждающей процессъ охлажденія солнца, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего долженъ быть конецъ рода человѣческаго.

Только потому и живемъ мы, христіане, въ томъ сумасшедшемъ противорѣчіи дѣйствительности съ нашимъ сознаніемъ, что, не понимая указующаго недостижимый вѣчный идеалъ ученія Христа, церковныя

---

*) Еслибы у гр. Толстаго шла рѣчь только объ умѣреніи страстей и о воздержаніи, но не о разрушеніи брака, никто изъ нравственно-развитыхъ людей не порицалъ-бы его, а, напротивъ, только благодарилъ-бы.

ученія, незаконно называющія себя христіанскими, замѣнили этотъ христіанскій идеалъ внѣшними опредѣленіями. Это сдѣлано и въ отношеніи брака. Христосъ не только никогда не устанавливалъ брака, но если ужь отыскивать внѣшнія опредѣленія, то скорѣе отрицалъ его („оставь жену и иди за Мною", говорилъ Онъ). Онъ только указалъ какъ женатымъ, такъ и неженатымъ стремленіе къ совершенству, включающее въ себѣ цѣломудріе въ бракѣ и внѣ его.

Христіанскаго брака, утверждаетъ гр. Толстой, быть не можетъ. Такъ и понималось это *всегда* истинными христіанами первыхъ и послѣдующихъ вѣковъ. Идеалъ христіанства не есть бракъ, но любовь къ Богу и ближнему, и потому для христіанина плотское общеніе въ бракѣ не только не можетъ представляться законнымъ, праведнымъ и счастливымъ состояніемъ, какимъ оно представляется въ нашемъ обществѣ нашими церквами, а *всегда* паденіемъ, слабостью, грѣхомъ. Христіанскаго брака *никогда* не было. Христосъ не женился и *не устанавливалъ* брака, и ученики его не женились. Брака христіанскаго и *не можетъ* быть, но есть христіанское отношеніе къ браку. Отношеніе же это таково: христіанинъ, — я говорю, резонёрствуетъ гр. Толстой, не про того человѣка, который считаетъ себя христіаниномъ потому только, что его крестили и онъ говѣетъ каждый годъ, а про христіанина, руководящагося въ своей жизни ученіемъ Христа,—христіанинъ *не можетъ* смотрѣть на плотское общеніе иначе, какъ на *отступленіе* отъ ученія, какъ на *грѣхъ*, что и сказано въ евангеліи Матѳея (5, 28). Такъ называемый христіанскій обрядъ брака не можетъ *ни на волосъ* измѣнить этого. Истинный христіанинъ никогда

не будетъ желать брака, а *всегда* станетъ избѣгать его.

Если же христіанина застанетъ познаніе истины уже въ бракѣ, или христіанинъ, не преодолѣвши слабости любви, вступитъ въ половое общеніе при условіяхъ церковнаго брака или внѣ его, то онъ *не можетъ* дѣлать *ничего* инаго, какъ, не покидая жены (или жена мужа, если говорить о женщинахъ), стремиться вмѣстѣ съ участникомъ или участницею грѣха къ *освобожденію* себя отъ него, къ наибольшему цѣломудрію въ бракѣ и къ конечному идеалу — къ *замѣнѣ* плотской любви чистыми отношеніями брата и сестры. Таково христіанское отношеніе къ браку, и *инаго нѣтъ* и *не можетъ* быть для человѣка, руководящагося въ жизни ученіемъ Христа“ [1]).

Такимъ образомъ, герой *Крейцеровой Сонаты* оказывается высказывающимъ воззрѣнія самого гр. Толстаго на бракъ и безбрачіе, равно какъ на господствующую въ обществѣ половую разнузданность и на упадокъ у насъ истинной семейной жизни. Значитъ, именно по мнѣнію гр. Толстаго, выходитъ, будтобы половое общеніе и въ супружеской жизни противоестественно и будтобы половая любовь и бракъ — антихристіанское явленіе безусловно и по самому существу дѣла.

Однимъ изъ необходимыхъ и существенныхъ способовъ опредѣленія состоятельности и достоинства какого-либо ученія служитъ обсужденіе того, не противорѣчитъ-ли оно самому себѣ въ чемъ-нибудь? Коль скоро противорѣчіе важное бросается въ глаза въ разсуж-

---

[1]) Стран. 3—15. Печатное русское изданіе Г. Ушмана въ Веймарѣ. Передавая содержаніе *Послѣсловія*, мы сличаемъ текстъ печатнаго заграничнаго изданія съ имѣющимся у насъ литографированнымъ экземпляромъ Петербургскаго изданія.

деніяхъ человѣка о какомъ-нибудь предметѣ, то они невольно должны потерять въ нашихъ глазахъ свою цѣнность. Иногда, какъ говоритъ здравая логика, одного этого бываетъ достаточно, чтобы признать какое-нибудь ученіе несостоятельнымъ. Противъ предположеннаго мною и этого способа критики ученія гр. Толстаго могутъ возставать только тѣ, кому по чему-либо *не выгодно* признать этотъ способъ однимъ изъ самыхъ естественныхъ и плодотворныхъ. Лично никогда незаинтересованный относиться съ предубѣжденіемъ къ нему, нахожу *весьма важнымъ* дѣломъ прежде всего дать серьезную и обстоятельную очную ставку гр. Толстому съ нимъ же самимъ, т. е. документально показать, такъ-ли смотритъ онъ на бракъ въ сочиненіяхъ своихъ, явившихся послѣ *Исповѣди*, и, затѣмь, вездѣ-ли онъ вѣренъ себѣ даже въ *Крейцеровой Сонатѣ* и въ *Послѣсловіи* къ ней? Въ сочиненіи своемъ: *Въ чемъ моя вѣра* этотъ писатель выступилъ съ собственнымъ своимъ ученіемъ, единственно, будтобы, истиннымъ, которое предстояло ему лишь дальше раскрывать и выяснять въ другихъ сочиненіяхъ, но не измѣнять. Есть мнѣніе, будтобы гр. Толстой и въ самомъ дѣлѣ остается вѣрнымъ себѣ и ничего новаго не сказалъ по вопросу о бракѣ и безбрачіи въ *Крейцеровой Сонатѣ* и въ *Послѣсловіи* къ ней? [1]). Посмотримъ, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ?

Въ сочиненіи своемъ: *Въ чемъ моя вѣра* гр. Толстой высказалъ на бракъ и на половыя отношенія взглядъ, *совершенно противоположный* теперешнему. Изъ словъ

[1]) См. стран. 27 въ брошюрѣ г. Николаева: *Послѣднія произведенія графа Л. Н. Толстаго.* (Москва. 1890 г.). Также смотритъ на дѣло и высокопреосвящ. Никаноръ въ упомянутой *Бесѣдѣ* своей (стран. 9).

I. Христа о бракѣ и разводѣ онъ выводилъ то заключеніе, что „назначеніе человѣка жить не иначе, какъ парами“ [1]). Еще сильнѣе и рѣзче говоритъ онъ объ этомъ въ слѣдующихъ своихъ словахъ: одинокое „безбрачное состояніе“ человѣка, созрѣвшаго для половыхъ отношеній, есть „уродство и позоръ“ [2]). Затѣмъ, *что не менѣе важно*, перечисляя условія счастливой жизни людей, гр. Толстой однимъ изъ „несомнѣнныхъ“ условій таковой жизни призналъ семейную жизнь [3]). Въ извѣстномъ же письмѣ своемъ: *Женщинамъ* онъ весьма обстоятельно раскрываетъ ту мысль, что половое физическое общеніе въ супружеской жизни и вообще бракъ не только естественны, но и имѣютъ великое значеніе въ дѣлѣ служенія даже Богу, а не только-что человѣчеству. Письмо это было напечатано уже послѣ появленія сочиненія: *Въ чемъ моя вѣра* и представляетъ собою отвѣтъ на предъявлявшіяся гр. Толстому возраженія по вопросу о бракѣ [4]). Слѣдов. оно имѣетъ *особую* для насъ важность. Поэтому, почти сполна воспроизведемъ его.

„Призваніе всякаго человѣка, мужчины и женщины, говоритъ гр. Толстой, состоитъ въ томъ, чтобы служить людямъ. Служеніе человѣчеству само собою раздѣляется на двѣ части: одно—увеличеніе блага въ существующемъ человѣчествѣ, другое—продолженіе самаго человѣчества. Къ первому призваны преимущественно женщины, такъ какъ исключительно онѣ спо-

---

[1]) Стран. 89 въ книгѣ: *Worin besteht mein Glaube* (Leipzig, 1885).

[2]) Ibid. стран. 119 и 281.

[3]) Ibid. стран. 212.

[4]) Стран. 283—293 въ 5—6 кн. *Русскаго Богатства* за 1886 г.

собны къ нему. Этого различіи *нельзя, не должно* и *грѣшно* (т. е. ошибочно) не помнить и стирать. Изъ этого различія вытекаютъ обязанности тѣхъ и другихъ, —обязанности, *не выдуманныя* людьми, но лежащія въ *природѣ* вещей. Изъ этого же различія вытекаетъ оцѣнка добродѣтели и порока женщины и мужчины,—оцѣнка, существовавшая во *всѣ* вѣка, теперь существующая и *никогда* не перестанущая существовать, пока въ людяхъ былъ, есть и будетъ разумъ. Всегда было и *будетъ* то, что мужчина, проводящій большую часть своей жизни въ свойственномъ ему многообразномъ физическомъ и умственномъ общественномъ трудѣ, и женщина, проводящая бо́льшую часть своей жизни въ свойственномъ исключительно ей трудѣ рожденія, кормленія и возращенія дѣтей, будутъ одинаково чувствовать, что они дѣлаютъ то, что *должно*, и будутъ одинаково возбуждать уваженіе и любовь другихъ людей, потому что оба исполняютъ свое то, что̀ *предназначено* имъ по *ихъ* природѣ. Призваніе мужчины многообразнѣе и шире, призваніе женщины однообразнѣе и уже, но глубже, и потому всегда было и *будетъ* то, что мужчина, имѣющій сотни обязанностей, измѣнивши одной, десяти изъ нихъ, остаётся недурнымъ, невреднымъ человѣкомъ, исполнивъ бо́льшую часть своего призванія. Женщина-же, имѣющая малое число обязанностей, измѣнивши одной изъ нихъ, тотчасъ же нравственно падаетъ ниже мужчины, измѣнившаго девяти изъ своихъ сотни обязанностей. Таково *всегда* было *общее* мнѣніе и таково оно *всегда будетъ*, потому что *такова сущность* дѣла [1]).

---

[1]) Стран. 467—469 въ 12 т. *Собранія сочиненій* (седьмое изданіе).

Мужчина, для исполненія *воли Бога* *), долженъ, продолжаетъ гр. Толстой, служить ему и въ области физическаго труда, и мысли, и нравственности: онъ всѣми этими дѣлами можетъ исполнить *свое* назначеніе. Для женщины средства служенія *Богу* суть преимущественно и *почти исключительно* дѣти, потому что, кромѣ нея, никто не можетъ этого сдѣлать. Только чрезъ дѣла свои призванъ служить Богу и людямъ мужчина; только чрезъ дѣтей своихъ призвана служить женщина. И потому любовь къ своимъ дѣтямъ, вложенная въ женщину, исключительная любовь, съ которою *совершенно напрасно* бороться разсудочно, *всегда* будетъ и *должна быть* свойственна женщинѣ—матери. Любовь эта къ ребенку въ младенчествѣ есть вовсе не эгоизмъ, а это есть любовь работника къ той работѣ, которую онъ дѣлаетъ въ то время, какъ она у него въ рукахъ. Отнимите эту любовь къ предмету своей работы, и не возможна работа. Пока я дѣлаю сапогъ, я его люблю больше всего. Еслибы я не любилъ его, я бы не могъ и работать его. Испортятъ мнѣ его, я буду въ отчаяніи, но я люблю его такъ до тѣхъ поръ, пока работаю. Когда сработаю, остается привязанность, предпочтеніе слабое и незаконное. Тоже и съ матерью [1]).

---

*) Читатель долженъ имѣть въ виду, что для гр. Толстаго Богъ не есть личный всесовершенный Духъ, а нѣкое безличное бытіе, раскрывающееся и проявляющееся въ мірѣ и въ человѣкѣ. Что Бога нужно представлять не иначе, какъ личнымъ Существомъ, Творцемъ и Промыслителемъ міра, это обстоятельно доказывается въ моемъ сочиненіи: *Гр. Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимоновая вѣра* (стран. 164—298). Москва. 1890 г.

[1]) Ibid. стран. 469. И сравненіе странное, и мысль невѣрная: если любовь матери законна къ ребенку, то почему же ей не быть такою и тогда, когда сынъ или дочь станутъ зрѣлыми людьми? Охлажденіе еще умѣстно, если они своимъ дурнымъ поведеніемъ оттолкнутъ мать, но не иначе.

По общему призванію служить Богу и людямъ, говоритъ гр. Толстой, мужчина и женщина совершенно равны, не смотря на различіе *въ формѣ* этого служенія. Равенство—въ томъ, что одно служеніе *столь же важно*, какъ и другое, что одно *не мыслимо* безъ другаго, что одно *обусловливаетъ* другое. Но трудъ мужчины тогда только полезенъ, и его работа, физическая, умственная, общественная, тогда только и плодотворна, когда совершается во имя истины и блага другихъ людей. Какъ бы усердно ни занимался мужчина увеличеніемъ своихъ удовольствій, празднымъ умствованіемъ и общественной дѣятельностью для своей пользы, трудъ его не будетъ плодотворенъ. Онъ будетъ плодотворенъ только тогда, когда будетъ направленъ къ тому, чтобы уменьшать страданія людей отъ нужды, отъ невѣжества и отъ ложнаго общественнаго устройства. Тоже и съ призваніемъ женщины: ея рожденіе, кормленіе, возращеніе дѣтей будетъ полезно человѣчеству только тогда, когда она будетъ выращивать не просто дѣтей для своей радости, а будущихъ слугъ человѣчества, и когда воспитаніе этихъ дѣтей будетъ совершаться во имя истины и для блага людей, т. е. когда она будетъ воспитывать дѣтей такъ, чтобы они были наилучшими людьми и работниками для другихъ людей. Идеальная женщина, по мнѣ, будетъ та, которая, усвоивши высшее міровоззрѣніе того времени, въ которомъ она живетъ, отдается своему женскому, *непреодолимо вложенному въ нее*, призванію, т. е. родитъ, выкормитъ и воспитаетъ *наибольшее* количество дѣтей, способныхъ работать для людей по усвоенному ей міросозерцанію. Для усвоенія же высшаго міросозерцанія нужно только

прочесть Евангеліе и не закрывать глазъ, ушей и, главное, сердца“ [1]).

Но спрашивается: что́ же дѣлать тѣмъ лицамъ женскаго пола, которыя не вышли замужъ или овдовѣли въ сравнительно молодые годы? „Тѣ, отвѣчаетъ гр. Толстой, будутъ прекрасно дѣлать, если будутъ участвовать въ мужскомъ многообразномъ трудѣ. Но нельзя будетъ не жалѣть о томъ, что такое драгоцѣнное орудіе, какъ женщина, лишилось возможности исполнять ей одной свойственное *великое* назначеніе, тѣмъ болѣе, что всякая женщина, отрожавшись, если у ней есть силы, успѣетъ заняться этой помощью мужчинѣ въ трудѣ. Помощь женщины въ этомъ трудѣ очень драгоцѣнна, но видѣть молодую женщину, готовую къ дѣторожденію, занятою мужскимъ трудомъ, *всегда* будетъ жалко. Видѣть такую женщину всё равно, что видѣть драгоцѣнный черноземъ, засыпанный щебнемъ для плаца или гулянья, Еще жалче, потому что земля эта могла бы родить только хлѣбъ, а женщина могла бы родить того, чему не можетъ быть оцѣнки, выше чего ничего нѣтъ — человѣка [*]). И только одна она можетъ это сдѣлать“ [2]).

Такимъ образомъ, до написанія *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловія* къ ней гр. Толстой былъ, какъ несомнѣнно оказывается, рѣшительнымъ сторонникомъ

[1]) Ibid. стран. 469—471.

[*]) Для гр. Толстаго, не признающаго ни личнаго Бога, ни ангельскаго міра, человѣкъ есть своего рода божество....

[2]) Стран. 471 въ 12 т. Собранія сочиненій. Что гр. Толстой впалъ въ противорѣчіе съ прежнимъ своимъ взглядомъ на половыя отношенія, на это и самъ онъ указываетъ въ концѣ *Послѣсловія* къ *Крейцеровой Сонатѣ* своей. Какъ увидимъ дальше, гр. Толстой противорѣчитъ себѣ и въ этихъ своихъ произведеніяхъ: таковъ ужъ удѣлъ борющихся съ истиною....

брака и столь же рѣшительнымъ противникомъ безбрачія. Жить парами онъ находилъ тогда требованіемъ I. Христа, назначеніемъ человѣка и несомнѣннымъ условіемъ его счастія. Въ половыхъ сношеніяхъ и въ бракѣ онъ видѣлъ тогда одно изъ существенныхъ и необходимыхъ средствъ служенія Богу и человѣчеству. Онъ утверждалъ тогда, что разумъ человѣческій всегда былъ, есть и будетъ на сторонѣ брачнаго сожитія. Онъ говорилъ, что не сами люди выдумали половыя сношенія и бракъ, но что въ основаніи брачныхъ половыхъ связей лежитъ воля Бога и требованіе природы вещей. Онъ возводилъ на степень идеальной, т. е. наиболѣе совершенной, женщины именно ту, которая народитъ, выкормитъ и воспитаетъ наибольшее количество дѣтей. Онъ признавалъ достойнымъ сожалѣнія дѣломъ и нарушеніемъ интересовъ человѣчества, если женщина останется незамужней и не сдѣлается матерью. Половое физическое общеніе въ супружеской жизни, значитъ, казалось ему не чѣмъ-то неестественнымъ, не паденіемъ мужчины и женщины въ нравственномъ отношеніи, но выполненіемъ воли Бога и закона природы. Всё это было для нашего перепрославляемаго писателя *аксіомой* своего рода. Но что же? Не прошло и полныхъ трехъ лѣтъ, какъ въ мнѣніи гр. Толстаго и I. Христосъ, и нашъ разумъ, и законъ природы, и нравственное чувство заговорили *совершенно противоположное* прежнему. Чтó за непостижимая странность и загадочность! Слова I. Христа всегда остаются одними и тѣми же. Разумъ человѣческій въ пониманіи и оцѣнкѣ брачныхъ связей, какъ видно изъ исторіи и изъ наличнаго порядка вещей, остается вѣренъ себѣ: онъ находилъ и находитъ бракъ и супружескія половыя сношенія дѣломъ добрымъ, если

бракъ и супружескія половыя сношенія соотвѣтствуютъ достоинству человѣческой природы и своему истинному назначенію. Что касается закона природы, то онъ остается тоже неизмѣннымъ: какими были по своей особой организаціи мужчина и женщина, такими они остаются и теперь. Нравственное чувство какъ прежде, такъ и теперь возмущается въ насъ лишь нарушеніемъ супружеской вѣрности, дурнымъ направленіемъ семейной жизни и половыми грѣхами не вступившихъ въ бракъ, но отнюдь не бракомъ и не супружескими половыми сношеніями. Все это осталось и останется неизмѣннымъ,—тѣмъ, чѣмъ было прежде. Не ясно-ли, что нѣкая метаморфоза случилась теперь только съ гр. Толстымъ? Рѣзкое и непримиримое противорѣчіе, въ которое онъ впалъ съ самимъ собою, можетъ свидѣтельствовать собственно о *произвольной*, вызванной посторонними соображеніями, перемѣнѣ его взглядовъ, такъ какъ для иной перемѣны нельзя указать ни объективныхъ, ни субъективныхъ *разумныхъ* основаній. Не истина, должно быть, дорога̀ гр. Толстому, а что-то другое, ради чего она превращается у него въ своего рода игрушку. Что̀ онъ предпочитаетъ истинѣ, это увидимъ послѣ.

Дѣло, однако, не ограничивается только тѣмъ, что у гр. Толстаго вдругъ теперь заговорили иное и І. Христосъ, и разумъ, и законъ природы, и нравственное чувство. Внимательный читатель *Крейцеровой Сонаты* откроетъ и въ ней много мѣстъ, въ которыхъ авторъ ея впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою и самъ же опровергаетъ собственныя свои мысли. Остановимся лишь на *болѣе важныхъ* мѣстахъ, имѣющихъ *существенное* отношеніе къ вопросу о бракѣ и безбрачіи,—мѣстахъ, коихъ обойти нельзя въ раціональной и

послѣдовательной полемикѣ съ гр. Толстымъ. Таковы мѣста, касающіяся половой любви, физическаго половаго общенія и условій доброй супружеской жизни.

Пока Позднышевъ еще не начиналъ разсказывать одному изъ своихъ спутниковъ исторіи своей жизни, въ вагонѣ происходила общая бесѣда о любви и бракѣ между нѣсколькими пассажирами: какимъ-то адвокатомъ, какой-то эмансипированной дамой и др. Высказанное дамою мнѣніе, что „любовь есть исключительное предпочтеніе одного или одной предъ всѣми остальными", вызвало слѣдующій споръ: „Предпочтеніе на сколько времени? на мѣсяцъ? на два дня? на полчаса? съ особенною злостью сказалъ Позднышевъ.—Нѣтъ, позвольте, вы, очевидно, не про то говорите.—Нѣтъ, я про то самое,—про предпочтеніе одного или одной предъ всѣми другими, но я только спрашиваю: предпочтеніе на сколько времени?—Насколько времени? на долго, на всю жизнь иногда.—Да вѣдь это только въ романахъ. А въ жизни—никогда. Въ жизни бываетъ это предпочтеніе одного передъ другими рѣдко на годы, чаще на мѣсяцы, а то на недѣли, на дни, на часы.—Ахъ, что вы! Да нѣтъ. Нѣтъ, позвольте, заговорили мы въ одинъ голосъ всѣ трое. Даже прикащикъ издалъ какой-то неодобрительный звукъ.—Да-съ, я знаю, перекрикивалъ Позднышевъ насъ, вы говорите про то, что̀ считается существующимъ, а я говорю про то, что̀ есть. Всякій мужчина испытывветъ то, что́ вы называете любовью, къ каждой красивой женщинѣ и менѣе всего къ своей женѣ *). Но на то и пословица, говорящая:

*) По *необходимости* приводя подобныя мѣста, успокоиваемся тѣмъ, что даже библейскіе авторы (наприм. *Второз.* 25, 11) и церковные писатели (стран. 69 *Требника*) не могли избѣгнуть,

„чужая жена—лебедушка, а своя—полынь горькая".— Ахъ, это ужасно, что вы говорите. Но есть же между людьми то чувство, которое называется любовью и которое дается не на мѣсяцы и годы, а на всю жизнь?— Нѣтъ, нѣтъ! Если допустить даже, чтобы Менелай предпочелъ Елену на всю жизнь, то Елена предпочла-бы Париса, а такъ *всегда* было и есть на свѣтѣ. И *не можетъ* быть иначе, также какъ не можетъ быть, чтобы въ возѣ гороха двѣ замѣченныя горошины легли рядомъ. Да, кромѣ того, тутъ не вѣроятность одна, а навѣрное — пресыщеніе Елены Менелаемъ или наоборотъ. Вся разница только въ томъ, что у одного раньше, у другаго позднѣе. Только въ глупыхъ романахъ пишутъ, что они любили другъ друга всю жизнь. И только дѣти могутъ вѣрить этому. Любитъ всю жизнь одну или одного—это всё равно, что сказать, будто одна свѣчка будетъ горѣть всю жизнь... Да-съ, я утверждаю, что любовь, настоящая любовь, не освящаетъ бракъ, какъ мы привыкли разумѣть его, на всю жизнь, а, напротивъ, разрушаетъ его" [1]).

Не стану распространяться о томъ, что стоящій за спиною Позднышева и резонёрствующій гр. Толстой не имѣетъ ни малѣйшихъ основаній утверждать, будто бы не существовало и нѣтъ постоянной неугасающей любви между супругами. Чтобы утверждать это, необходимо близко и основательно знать исторію *всѣхъ* когда-либо бывшихъ и *всѣхъ* теперь существующихъ супружествъ. Но таковое знаніе доступно одному Богу.

благодаря внѣшнимъ причинамъ, употребленія выраженій, касающихся грязныхъ, или потаённыхъ сторонъ человѣческой жизни. Отвѣтственность за это въ нашемъ дѣлѣ должна пасть лишь на гр. Толстаго и ни на кого болѣе: онъ—сочинитель такихъ мѣстъ.

[1]) Стран. 9—11 въ *Крейцеровой Сонатѣ* гр. Толстаго.

Не стану распространяться и о томъ, что гр. Толстой не имѣетъ никакихъ данныхъ для того, чтобы заподозривать истинность библейскихъ ли разсказовъ о супругахъ, горѣвшихъ всю жизнь взаимной любовью и донесшихъ её до могилы, или вѣрность разныхъ другихъ историческихъ сообщеній о подобныхъ супружескихъ отношеніяхъ. Не буду распространяться и о томъ, что гр. Толстой произвольно утверждаетъ, будтобы безъ исключенія во всѣхъ романахъ и повѣстяхъ лгутъ, говоря о неугасаемой супружеской любви. Возьмите хотя бы повѣсть Гоголя: *Старосвѣтскіе помѣщики*, изображающую беззавѣтно и нѣжно преданныхъ другъ другу супруговъ. Кто сказалъ-бы, что ихъ соединило мимолетное влеченіе и связывала только привычка, тотъ глубоко ошибся-бы и обнаружилъ-бы поверхностныя психологическія познанія.... Наконецъ, не стану входить и въ разсмотрѣніе того, согласимъ-ли съ ученіемъ гр. Толстаго о неосужденіи людей и о единеніи съ ними повальный безпощадно-суровый приговоръ касательно *всѣхъ* безъ исключенія супруговъ, между которыми и теперь найдется не мало заслуживающихъ глубокаго уваженія и серьезнаго подражанія? Такой приговоръ, впрочемъ, авторъ *Исповѣди* дѣлаетъ только касательно другихъ людей, а о себѣ предупредительно сообщаетъ въ ней, что его семейная жизнь счастлива и что какъ онъ, такъ и его супруга полны взаимной любви [1].... Болѣе поговоримъ о томъ, что гр. Л. Н. Толстой устами-же Позднышева обличаетъ себя.

Во-первыхъ, по ходу и смыслу рѣчей противниковъ его должна-бы быть рѣчь объ истинной любви

---

[1]) Стран. 22 и 24 въ книгѣ моей: *Графъ Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра.*

между мужчиною и женщиною, по которой они другъ для друга становятся незамѣнимыми и какъ-бы сливаются духовно въ одно существо *). Между тѣмъ, Позднышевъ, *отдѣлываясь голословностями*, вездѣ говоритъ собственно даже не о какой-либо любви, а о простомъ *чувственномъ* влеченіи, которое въ нравственно-испорченныхъ людяхъ вспыхиваетъ то къ одному, то къ другому субъекту. Чѣмъ бы ни называли эти люди вспышки чувственности, но ни одинъ психологъ и ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не назоветъ этихъ вспышекъ любовью. Истинной половой любви, какъ и всякой любви, свойственно крѣпко держаться своего предмета, а не переходить постоянно съ одного субъекта на другой. Мало того: какъ всякое другое чувство, имѣющее основаніе свое въ человѣческой природѣ, истинная половая любовь способна къ наибольшему и наибольшему возрастанію. Вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ духовнымъ сближеніемъ и нравственнымъ развитіемъ супруговъ, они всё дороже и необходимѣе становятся другъ другу. Ихъ души, по мѣрѣ соотвѣтствія ихъ супружеской жизни нравственно-воспитательной цѣли брака, переплетаются тысячами новыхъ нитей, крѣпче и крѣпче связующихъ ихъ. Не одна біографія Джонъ-Стюартъ Милля, а цѣлыя тысячи подобныхъ документовъ служатъ фактическимъ подтвержденіемъ такого свойства половой любви. Но, само собою разумѣется, не нужно отожествлять съ истинной половой

*) Что чувственное влеченіе присуще и такой любви, это не уничтожаетъ ея достоинства: чувственное влеченіе здѣсь не только не господствуетъ, но иногда даже не сознается и во всякомъ случаѣ выступаетъ временно, одухотворяется, облагороживается. Прекрасную характеристику половой любви см. въ *Психологіи* проф. Владиславлева (стран. 125 и друг. во 2 томѣ).

любовью даже и нѣкоторыхъ самыхъ сильныхъ влеченій мужчины къ женщинѣ. Въ основѣ ихъ можетъ лежать необузданная полуживотная страсть, но еще не любовь. Не даромъ охваченные такой страстью иногда убиваютъ предметъ своей страсти, чего любовь допустить не можетъ. Любовь располагаетъ ко всякому самопожертвованію и безконечно далека отъ причиненія хотя бы малѣйшаго сознательнаго вреда любимому существу. Подмѣняя-же истинную половую любовь, непремѣнно предполагающую на первомъ планѣ духовную, нравственную связь, чисто-животнымъ влеченіемъ, Позднышевъ, очевидно, или сознательно фальшивитъ, или имѣетъ въ виду только себя и подобныхъ себѣ. Послѣднее предположеніе, пожалуй, наиболѣе допустимо. Въ самомъ дѣлѣ, не самъ-ли онъ свидѣтельствуетъ, что онъ „позналъ свою жену, не любя ея", и что до самаго вступленія въ бракъ онъ велъ жизнь распутную, которая должна была убить въ немъ, какъ и во всякомъ другомъ, самую способность къ чистой и прочной привязанности [1])? Судя *по себѣ* о всѣхъ, герой *Крейцеровой Сонаты* и отрицаетъ возможность чистой и неувядающей любви. Это все равно, какъ еслибы слѣпой сталъ увѣрять, что ни солнечнаго, ни другаго свѣта не было и нѣтъ. Сравненія, къ которымъ прибѣгаетъ гр. Толстой, тоже рѣшительно ничего не доказываютъ. Любовь чисто-психическое явленіе и не подчиняется одинаковымъ со свѣчкою законамъ. Даже самыя сравненія, избираемыя этимъ писателемъ, говорятъ опять о томъ, что онъ нарочито или не нарочито, но несомнѣнно подмѣняетъ рѣчь о любви рѣчью о вспышкахъ животной похоти.... Впрочемъ, и

---

[1]) Стран. 17 и 14—15 въ *Крейцеровой Сонатѣ*.

эта подмѣна одного явленія другимъ, противоположнымъ, неоправдываетъ взгляда гр. Толстаго. Въ самомъ дѣлѣ допустимъ, что любовь стала ослабѣвать наприм. въ мужѣ къ женѣ подъ вліяніемъ чувственнаго влеченія къ иной. Но изъ этого развѣ слѣдуетъ, будто это непоправимо и будтобы животная похоть должна восторжествовать, а не быть подавленною? Мужъ вѣдь *обязанъ* не давать любви потухнуть и *можетъ* возращать её въ себѣ. Тоже должно сказать и о женѣ: она не только должна, но и можетъ возгрѣвать и усиливать любовь свою къ мужу, еслибы и замѣтила ослабленіе ея. Коль скоро люди не были-бы обязаны и не могли-бы этого дѣлать, тогда нельзя и напрасно было-бы обращаться къ нимъ съ какимъ бы то ни было нравственнымъ требованіемъ....

Во-вторыхъ, обращаютъ на себя наше вниманіе слѣдующія слова Позднышева: „воспитавшись въ семьѣ, гдѣ ни отецъ, ни мать не измѣняли другъ другу, я съ раннихъ лѣтъ лелѣялъ мечту о самой возвышенной и поэтической семейной жизни. Жена моя должна была быть верхомъ совершенства. Любовь наша взаимная должна была быть самая возвышенная. Чистоты наша семейная жизнь должна была быть голубиной“ [1]). Оказывается, что семейная жизнь родителей Позднышева нисколько не оправдываетъ его взглядовъ на половую любовь, которая, будтобы, есть предпочтеніе одного или одной только на годы, чаще на мѣсяцы, а то на недѣли, на дни, на часы. Не нужно забывать того, что родители Позднышева жили въ пору крѣпостнаго права, когда, по словамъ его самого, измѣна по крайней мѣрѣ со стороны мужа женѣ была явленіемъ и весьма

---

[1]) Ibid. стран. 15.

частымъ, и весьма удобоисполнимымъ. Спрашивается: что же удерживало супруговъ Позднышевыхъ въ границахъ взаимной вѣрности и преданности? Еслибы половая любовь была непремѣнно такова по своему существу, за какую выдаетъ ее позднышевъ, въ такомъ случаѣ что же именно недопускало его отца до похожденій, какими хвалился ѣхавшій съ нимъ въ одномъ вагонѣ купецъ, любившій Нижегородское Кунавино [1])? Толстой обошелъ этотъ важный вопросъ дипломатическимъ умолчаніемъ. Уже и эти факты требуютъ допустить, что родителей Позднышева крѣпко связывала и супружеская любовъ, горѣвшая въ нихъ всю жизнь. Допустить это требуется тѣмъ болѣе, что въ мечтахъ Позднышева о чистой половой любви и о безупречной семейной жизни, всего вѣроятнѣе, отразилось именно то, что онъ наблюдалъ въ жизни своихъ родителей. Жизнь внѣ родительскаго крова, какъ видно изъ его-же разсказа, способна была только разсѣивать эти мечты и грязнить ихъ, но не порождать [2]).

Какъ видимъ, графъ Толстой устами Позднышева разрушаетъ то прямо, то косвенно собственное мнѣніе свое о томъ, будтобы нѣтъ продожительной половой любви и будтобы всякая половая любовь, по самому существу ея, мимолетна. Но, говоритъ гр. Толстой, доказывать существованіе истинной половой любви браками нельзя, такъ какъ, по его увѣренію, бракъ въ наше время есть лишь обманъ и насиліе [3]). На это замѣчу слѣдующее. Утверждать, будтобы въ наше

---

[1]) Ibid. стран. 2 и 7.
[2]) Ibid. стран. 17 и др.
[3]) Ibid. стран. 11.

время *всѣ* браки суть обманъ и насиліе, не значитъ-ли опять приписывать себѣ Божественное всевѣдѣніе и безъ достаточныхъ основаній повально чернить нашихъ ближнихъ? Вѣдь самъ-же гр. Толстой десятки разъ повторяетъ, что изъ ста браковъ развѣ одинъ разуменъ и нравственъ. Очевидно, такіе браки непремѣнно предполагаютъ и истинную половую любовь между супругами.... Но коль скоро есть хотя одинъ изъ сотни таковой бракъ, значитъ, слова нашего писателя о всѣхъ бракахъ противорѣчатъ истинѣ и представляютъ собою намѣренное преувеличеніе. Разсуждая о половой любви, слѣдуетъ имѣть въ виду не отсутствіе только ея и не уродливыя только проявленія ея, а и лучшія, и стараться не о томъ, чтобы не было никакой половой любви, но о томъ, чтобы люди не принимали вспышекъ чувственности и мимолетныхъ страстныхъ движеній за ту любовь [1]), которой требуетъ православная церковь отъ брачущихся и безъ которой бракъ превращается въ чисто животное общеніе. Таковы требованія здравой логики, видимо попираемыя гр. Толстымъ.

Но перейдемъ къ другимъ важнымъ противорѣчіямъ въ *Крейцеровой Сонатѣ* гр. Толстаго. На слова своего собесѣдника о томъ, что физическое общеніе въ супружеской жизни дѣло естественное, Позднышевъ разразился слѣдующею тирадою, которую я *вынужденъ* привести почти цѣликомъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ одно изъ главныхъ положеній въ ученіи гр. Толстаго и единственный аргументъ въ пользу этого

---

[1]) Стран. 92—93 и 95 въ *Требникѣ* (Москва. Синодальн. типографія. 1882 г.).

положенія и такъ какъ на нее ссылаются сторонники этого писателя въ доказательство *противоестественности* брака. „Нѣтъ, скажу вамъ, что я, напротивъ, пришелъ къ убѣжденію, что это неестественно. И это убѣдился я, испорченный, развращенный человѣкъ. Чтó же бы было, если бы я не былъ развращенный человѣкъ? Для дѣвушки, для *всякой* неразвращенной дѣвушки, это въ *высшей степени* неестественно, какъ и для дѣтей. Моя сестра очень молодая вышла замужъ за человѣка вдвое старше ея и развратника. Я помню, какъ мы были удивлены въ ночь свадьбы, когда она, блѣдная, въ слезахъ убѣжала отъ него.... Вы говорите,—естественно? Естественно ѣсть. И ѣсть—радостно, легко, пріятно и не стыдно съ самаго начала; здѣсь же и мерзко и стыдно и больно. Нѣтъ, это неестественно“ [1])! Мысль о неестественности того, безъ чего не могутъ существовать ни бракъ, ни люди, самъ же гр. Толстой прекрасно опровергаетъ во многихъ мѣстахъ *Крейцеровой Сонаты* своей.

Только что высказавши, что извѣстное въ супружеской жизни физическое явленіе мерзко, Позднышевъ прибавляетъ, что „дѣвушка чистая желаетъ одного—дѣтей“ [2]). Это желаніе гр. Толстой признаетъ выраженіемъ „закона природы“ [3]). Далѣе, у него мы находимъ слѣдующія важныя слова: „вѣдь только подумайте, какое великое дѣло совершается въ женщинѣ, когда она носитъ или кормитъ! Растетъ то, чтó призвано замѣнять насъ“ [4]). Справедливо возставая противъ докто-

---

[1]) Ibid. стран. 33.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid. стран. 43.
[4]) Ibid. стран. 44.

ровъ, дающихъ избалованнымъ и нравственно-испорченнымъ женщинамъ средства для устраненія забеременѣнія, графъ Толстой иронически замѣчаетъ: „выходитъ, что Богъ не понималъ того, что̀ нужно, и потому, неспросившись у волхвовъ, дурно устроилъ“ [1]). Наконецъ, въ разсматриваемомъ произведеніи есть и слѣдующее мѣсто, имѣющее чрезвычайную важность въ данномъ случаѣ. Грязь, развратъ, говоритъ гр. Толстой устами Позднышева, не состоитъ въ чемъ-либо физическомъ. Она состоитъ именно въ освобожденіи отъ нравственныхъ отношеній къ женщинѣ, съ которою входишь въ физическое общеніе [2]). Благоволите теперь внимательно сопоставить всѣ эти мѣста съ той рѣчью Позднышева, въ которой говорится о мерзкости физическаго общенія даже въ супружеской жизни, и что же окажется? То, что̀ раньше было признано мерзкимъ, теперь должно представляться неиначе, какъ выраженіемъ естественнаго закона и плодомъ воли Божіей, не заключающимъ само въ себѣ ничего мерзкаго при истинно-нравственныхъ супружескихъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ быть мерзкимъ извѣстное въ супружеской жизни физическое явленіе, когда самъ же гр. Тостой призналъ, что физическое, какъ физическое, само по себѣ не можетъ быть мерзкимъ, коль скоро человѣкъ не освобождаетъ себя отъ нравственныхъ отношеній къ этому физическому и къ его послѣдствіямъ? Какъ можетъ быть само по себѣ мерзкимъ то, что̀ служитъ прямымъ натуральнымъ условіемъ для удовлетворенія жажды имѣть дѣтей,—жажды, при-

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid. стран. 15 и 16.

знанной у самого-же гр. Толстаго выраженіемъ воли Бога? Если жажда эта есть выраженіе воли Бога, то вѣдь и указанное природою единственное и неизбѣжное условіе удовлетворенія этой жажды тоже есть выраженіе воли Бога. Такъ удачно умѣетъ опровергать гр. Толстой свои же предвзятыя и эксцентричныя мысли!

Но опроверженіе взгляда этого писателя на физическое общеніе супруговъ заключается даже въ тѣхъ самыхъ словахъ, въ которыхъ эта мысль высказана и которыя приведены выше. Самъ же Позднышевъ говоритъ, что сестра его вышла замужъ за человѣка, не только вдвое старшаго ея, но и развратнаго. Естественно предположить, что она и въ супружество вступила съ нимъ, вовсе не питая къ нему любви и бывъ, вѣроятно, вынуждена настояніями родителей и родственниковъ или какимъ-нибудь личнымъ разсчётомъ. Чтó же удивительнаго въ томъ, что самое близкое общеніе съ человѣкомъ, чуждымъ ея душѣ и къ тому же развратнымъ, покоробило и потрясло всё существо дѣвушки? Можно даже сомнѣваться въ томъ, чтобы благовоспитанная дѣвица предала такой гласности дѣло, о которомъ разсказываетъ Позднышевъ.... Во всякомъ-же случаѣ изъ сообщенной Позднышевымъ исторіи каждый человѣкъ, имѣющій сколько-нибудь логическій умъ, въ правѣ вывести только то заключеніе, что молодымъ дѣвушкамъ не слѣдуетъ выходить замужъ за развратныхъ, нелюбимыхъ и престарѣлыхъ мужчинъ. Равнымъ образомъ, и всё то, чтò разсказываетъ Позднышевъ о „медовомъ" (странное выраженіе, хотя и обычное) мѣсяцѣ своей брачной жизни, говоритъ тоже противъ гр. Толстаго, а отнюдь не за него. Не самъ-ли Позднышевъ сообщаетъ о томъ, что его молодая жена была

для него въ сущности лишь орудіемъ эгоистическаго грубаго наслажденія и что ея нервы были измучены имъ [1])? Этимъ всё сказано, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что уже на третій или на четвертый день брака онъ замѣтилъ въ своей супругѣ не только унылое настроеніе, но и враждебное чувство къ себѣ. Изъ разсказа Позднышева объ его брачномъ „медовомъ" мѣсяцѣ слѣдуетъ не то, будтобы физическое общеніе въ законной супружеской жизни мерзко, а только то, что вступившіе въ бракъ отнюдь не должны забывать о томъ „цѣломудріи" и „ложѣ нескверномъ", о коемъ молится православная церковь во время вѣнчанія и котораго она требуетъ отъ брачущихся [2]).

Что извѣстное физіологическое явленіе въ супружеской жизни само по себѣ не есть мерзкое, это вполнѣ согласно и съ взглядомъ православной церкви. О чувтвенныхъ органахъ и ихъ функціяхъ вотъ что говоритъ въ своемъ каноническомъ посланіи къ монаху Аммуну св. Аѳанасій великій: „скажи мнѣ, возлюбленный и благоговѣйнѣйшій, что имѣетъ грѣховнаго или нечистаго какое-либо естественное изверженіе, какъ, напримѣръ, аще бы кто захотѣлъ поставити въ вину исхожденіе мокротъ изъ ноздрей и плюновеніе изъ устъ?... Аще по Божественному писанію вѣруемъ, яко человѣкъ есть дѣло рукъ Божіихъ, то какъ могло отъ чистыя силы произойти дѣло оскверненное? Аще родъ Божій есмы, по Божественному писанію Апостольскихъ дѣяній, то не имѣемъ въ себѣ ничего нечистаго. Ибо тогда токмо мы оскверняемся, когда грѣхъ, всякаго

---

[1]) Ibid. стран. 36 и друг.

[2]) Стран. 96 и 106 въ *Требникѣ*.

смрада худшій, содѣлываемъ. Но могутъ рещи: посему не будетъ грѣхомъ и самое употребленіе, когда орудія Творцемъ устроены. Таковыхъ вопрошеніемъ заставимъ умолкнути, глаголя сіе: о какомъ употребленіи глаголеши? о законномъ-ли? о томъ-ли, которое Богъ позволилъ, глаголя: раститеся, множитеся и наполняйте землю? о томъ-ли, которое Апостолъ допустилъ, глаголя: честна женитва и ложе нескверно? или о томъ, которое бываетъ между людьми, но происходитъ тайно и прелюбодѣйно?... Такимъ образомъ, одно и тоже, смотря по времени и въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, не позволительно, а въ другихъ обстоятельствахъ и благовременно, и допускается, и позволяется. Такожде разсуждати должно и о тѣлесномъ совокупленіи. Блаженъ, кто, въ юности составя свободную чету, употребляетъ естество къ дѣторожденію“ [1]). Таковъ глубоко-философскій и въ высшей степени трезвый взглядъ церкви на то, чтó гр. Толстой ради заднихъ цѣлей объявляетъ безусловно мерзкимъ.

За тѣмъ, что касается половаго стыда и половыхъ болей, то прежде всего не нужно забывать теперешняго нравственнаго состоянія человѣческаго рода. Чтó бы ни говорили легкомысленные представители поверхностнаго раціонализма, но нравственное сознаніе всего человѣчества, поскольку оно выразилось въ разныхъ религіяхъ, и совѣсть всякаго, серьезно настроеннаго въ нравственномъ отношеніи, человѣка констатируютъ, и независимо отъ христіанскаго ученія, фактъ нашей нравственной испорченности. Несомнѣнно, гово-

---

[1]) Стран. 330—332 въ *Книгѣ правилъ св. апостолъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. отецъ* (Спб. 1839 г.).

ритъ Шопенгауэръ, ученіе христіанства о наслѣдственномъ грѣхѣ есть великая истина [1]). Половой стыдъ и боли зачатія и рожденія и суть послѣдствія нравственнаго паденія человѣка. По свидѣтельству книги Бытія первые люди, наши прародители, не знали половаго стыда до грѣхопаденія, а потому не нуждались даже и въ одеждѣ [2]). Никогда не знала-бы женщина и болей, сопровождающихъ зачатіе и разрѣшеніе отъ бремени, еслибы мы нравственно не пали, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ, обращенныхъ Богомъ къ нашей прародительницѣ послѣ нарушенія ею заповѣди о невкушеніи плодовъ съ древа познанія добра и зла: *умножая умножу скорбь твою въ беременности твоей; въ болѣзни будешь рождать дѣтей* [3]). Но такъ какъ наказанія Божіи всегда являются въ сущности и благодѣяніями человѣку, если онъ умѣетъ пользоваться ими къ своему *нравственному* благу, то и половой стыдъ, возникшій въ мужчинѣ и женщинѣ послѣ грѣхопаденія нашихъ прародителей, служитъ однимъ изъ важныхъ средствъ противодѣйствія ниспаденію человѣка въ половомъ отношеніи до животнаго состоянія и своего рода гарантіею цѣломудрія. Только это, а не другое какое-либо значеніе имѣетъ половой стыдъ. Онъ проявляется и въ самыхъ законныхъ супружескихъ сношеніяхъ, какъ а) свидѣтельство того, что и сюда невольно

---

[1]) Стран. 480 во 2 т. Sämmtliche Werke (изданіе 187³/₄ г.). Что наши прародители сперва находились въ томъ нормальномъ состояніи, о какомъ повѣствуетъ Библія, и за тѣмъ утратили это состояніе чрезъ добровольное грѣхопаденіе, это доказывается въ моей книгѣ: *Графъ Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра* (стран. 338—345).

[2]) 2, 5.

[3]) Быт. 3, 16.

иногда привносится нами, вслѣдствіе нашей нравственной испорченности, грѣховный элементъ, и какъ б) узда для сдерживанія нашихъ чувственныхъ инстинктовъ. А что боли зачатія и рожденія тоже имѣютъ свою благодѣтельную сторону, это также не подлежитъ сомнѣнію. Не самъ-ли гр. Толстой въ своемъ сочиненіи: *О жизни* говоритъ, что страданія необходимы для блага людей [1])? Относительно же мукъ рожденія вотъ что замѣчаетъ онъ: „женщины безъ родовыхъ болей рождали-бы дѣтей въ такихъ условіяхъ, при которыхъ рѣдкія дѣти оставались бы живыми“ [2]). Не будь болей зачатія, скажу съ своей стороны, и тогда уже самое паденіе дѣвицъ, помимо всего другаго, было-бы болѣе облегчено, чѣмъ теперь.... Ѣсть, говоритъ гр. Толстой, пріятно и небольно. Это такъ, но почему-же, спросимъ его, прорѣзываніе зубовъ у дѣтей, предшествующее употребленію твердой пищи, сопровождается болѣзненнымъ состояніемъ? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ онъ найдетъ новое опроверженіе своего тенденціознаго взгляда на физическое общеніе супруговъ, начавшихъ брачную жизнь.

Какъ видимъ, самъ-же Левъ Николаевичъ разными способами ниспровергаетъ и мысль Позднышева о томъ, будтобы противоестественно половое сношеніе даже мужа и жены. Чѣмъ дальше пошли-бы мы въ анализѣ *Крейцеровой Сонаты* Льва Николаевича, тѣмъ встрѣтили бы больше и больше самыхъ вопіющихъ самопротиворѣчій у этого „великаго учителя“, какъ его называютъ люди простоватые и довѣрчивые. Укажемъ, однa-

---

[1]) Стран. 234 въ книгѣ: Ueber das Leben (Leipzig, 1889 г.).
[2]) Ibid. стран. 248.

ко, только еще на одно противорѣчіе, но за то въ нашей полемикѣ съ нимъ *весьма* важное.

Онъ увѣряетъ, будтобы половая любовь не получаетъ особенной чистоты и продолжительности, а половое общеніе — урегулированія и облагороженія отъ того, что люди держатся христіанскихъ убѣжденій и по влеченію ихъ духа вступаютъ не иначе, какъ въ христіанскій бракъ [1]). Въ *Послѣсловіи* же къ *Крейцеровой Сонатѣ* гр. Толстой старается унизить христіанскій бракъ даже предъ бракомъ еврейскимъ и магометанскимъ. „Христіанская церковь, говоритъ онъ, пытаясь, *противно ученію Христа*, установить бракъ, какъ внѣшнее учрежденіе, т. е. опредѣлить внѣшнія условія, при которыхъ плотская любовь можетъ, будтобы, быть безгрѣшною и вполнѣ законною, но не установивши твердыхъ внѣшнихъ постановленій [*]) касательно супружеской жизни, лишила людей руководящаго идеала Христа. Отъ этого-то и произошло то явленіе, кажущееся сначала страннымъ, что семейное начало и супружеская вѣрность безъ сравненія тверже въ народахъ, признающихъ внѣшнія религіозныя ученія, а именно: у евреевъ, у магометанъ, чѣмъ у такъ называемыхъ христіанъ. У тѣхъ есть ясныя, точныя внѣшнія опредѣленія брака, а у христіанъ нѣтъ никакого. Только изрѣдка,—надъ нѣкоторой малой частью изъ совершающихся въ дѣйствительности половыхъ общеній,—производя чрезъ духовенство извѣстную церемонію, называемую ими церковнымъ бракомъ, люди нашего общества живутъ въ полной распущенности

[1]) Стран. 31, 35 и друг. въ *Крейцеровой Сонатѣ*.

[*]) Разумѣются, очевидно, мелочныя формальныя опредѣленія, встрѣчающіяся у магометанъ и евреевъ.

многоженства и многомужества, не подчиняясь никакимъ опредѣленіямъ и предаваясь въ этомъ отношеніи ужасающимъ половымъ порокамъ, но въ тоже время воображая, будтобы они живутъ въ томъ единобрачіи, которое проповѣдуютъ“ [1]).

Противно-ли ученію І. Христа существуетъ церковный бракъ, это увидимъ ниже. Теперь же посмотримъ, какъ гр. Толстой опровергаетъ свой же взглядъ на значеніе условій брака и какъ оказывается несправедливою его мысль о нерегулированіи православною церковью половыхъ отношеній. Прежде приведемъ слова самого гр. Толстаго, въ коихъ онъ опровергаетъ себя же самого, а затѣмъ разъяснимъ, что только для людей, проникнутыхъ христіанскими убѣжденіями и одушевленныхъ живымъ христіанскимъ настроеніемъ, возможны и чистота до брака, и правильная семейная жизнь.

На замѣчаніе своего спутника-адвоката, что существовали-же и существуютъ браки, Позднышевъ отвѣчаетъ слѣдующее: „да какъ и отъ чего они существуютъ? Они существовали и существуютъ только у тѣхъ людей, которые въ бракѣ видятъ таинство, обязывающее предъ Богомъ. У тѣхъ они существуютъ, а у насъ ихъ нѣтъ, и они намъ кажутся только лицемѣріемъ и насиліемъ. И вотъ мы чувствуемъ это; чтобы избавиться

---

[1]) Стран. 13—14 по печатному изданію. Гр. Толстой противопоставляетъ вездѣ какое-то внѣшнее религіозное ученіе какому-то внутреннему и свое ученіе считаетъ ученіемъ послѣдняго рода. Странное разграниченіе, чуждое всякаго смысла! Развѣ ученіе гр. Толстаго не есть «внѣшнее» въ отношеніи ко всѣмъ людямъ? Если же онъ хочетъ сказать этимъ, будтобы только его ученіе соотвѣтствуетъ духу человѣческому и благу людей, то уже изъ взгляда его на бракъ и безбрачіе видны античеловѣчность и вредъ его ученія сравнительно въ особенности съ христіанскимъ ученіемъ....

отъ этого, проповѣдуемъ свободную любовь. Въ сущности-же проповѣдь свободной любви есть ничто иное, какъ призывъ къ возвращенію назадъ, къ смѣшенію половъ,—извините меня, обратился онъ къ дамѣ,—къ свальному грѣху“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ *Крейцеровой Сонаты* Позднышевъ замѣчаетъ слѣдующее: „вѣдь вы поймите, что если женятся по Домострою, какъ говорилъ этотъ старикъ, то пуховики, приданое, постель— всё это подробности освященнаго таинства. Но у насъ, когда изъ десяти брачущихся едва-ли есть одинъ, который не то, что не вѣритъ въ таинство, но не вѣритъ и въ то, что̀ онъ обѣщаетъ, когда изъ ста мужчинъ едва-ли есть одинъ, уже неженатый прежде *), и изъ пятидесяти такой, который впередъ не готовился бы измѣнять своей женѣ, когда большинство смотритъ на поѣздку въ церковь, только какъ на особенное условіе обладанія извѣстной женщиною, — подумайте, какое ужасное значеніе получаютъ при этомъ всѣ эти подробности! Выходитъ что-то въ родѣ продажи. Развратнику продаютъ невинную дѣвушку и обставляютъ эту продажу самымъ пріятнымъ образомъ“ [2]). Говоря о людяхъ подобной категоріи, т. е. невѣрующихъ въ Бога и въ таинство брака, Позднышевъ замѣчаетъ, что они, вступивши въ бракъ, легко нарушаютъ супружескую вѣр-

---

[1]) Стран. 11 въ *Крейцеровой Сонатѣ*. Мѣстами мы сопоставляемъ Берлинское изданіе *Крейцеровой Сонаты* съ имѣющимся у насъ литографированнымъ Петербургскимъ изданіемъ ея и передаемъ нѣкоторыя отдѣльныя фразы по послѣднему, если представляется очевидною его наибольшая точность. Разности эти встрѣчаются крайне рѣдко и касаются мелочей.

*) Авторъ имѣетъ въ виду какую-нибудь преступную связь до брака.

[2]) Стран. 31 и 32 въ «Крейцеровой Сонатѣ».

ность, такъ какъ для нихъ нѣтъ никакой узды [1]. „Большинство теперешняго образованнаго міра предается, говоритъ онъ, разврату безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти. Да нечему и угрызать, потому что совѣсти въ нашемъ быту нѣтъ никакой, кромѣ, если можно такъ сказать, совѣсти общественнаго мнѣнія и уголовнаго закона. А тутъ и та, и другая не нарушаются“ [2]. Въ заповѣдяхъ, правда, есть запрещеніе блуда до брака и въ бракѣ, замѣчаетъ Позднышевъ, но заповѣди нужны учащимся, по его словамъ, только на то, чтобы отвѣчать на экзаменѣ батюшкѣ, да и то нужны далеко не такъ, какъ нужна заповѣдь объ употребленіи *ut* въ условныхъ предложеніяхъ [3]. Если и рождаются дѣти у людей разсматриваемой категоріи, то отношеніе ихъ къ дѣтямъ устанавливается уродливое, какъ утверждаетъ графъ Толстой устами Позднышева. „Мысли о таинственномъ значеніи появленія новаго человѣческаго существа, которое замѣнитъ насъ, говоритъ Позднышевъ, нѣтъ у нихъ. Нѣтъ того, что при крещеніи говорятъ и дѣлаютъ надъ ребенкомъ. Вѣдь никто не вѣритъ въ это, а между тѣмъ вѣдь это было ничто иное, какъ напоминаніе о человѣческомъ значеніи младенца. Это бросили, не вѣрятъ, а ничѣмъ не замѣнили, и остались одни ленточки, кружева, ручки, ножки. Словомъ: осталось то, что̀ есть животнаго“ [4]. Заболятъ дѣти въ такой средѣ какой-нибудь болѣзнью, и начинаются часто совершенно напрасныя душевныя муки у роди-

---

[1] Ibid. стран. 69.
[2] Ibid. стран. 68.
[3] Ibid. стран. 18.
[4] Ibid. стран. 56.

телей,—муки, переходящія въ отчаяніе, если ребенку, повидимому, угрожаетъ смерть. „Вѣдь еслибы у нихъ, замѣчаетъ Позднышевъ, была, какъ въ старину, вѣра, что Богъ далъ, Богъ и взялъ, что ангельская душа къ Богу идетъ, что ему, умершему ребенку, лучше умереть невинному, чѣмъ умереть въ грѣхахъ и т. под., чему вѣдь вѣрили люди,—еслибы у нихъ было что-нибудь подобное этой вѣрѣ, то они могли бы иначе переносить болѣзни дѣтей, а то вѣдь этого ничего нѣтъ“ [1]. „Еслибы у нихъ была вѣра, то они-бы знали, продолжаетъ Позднышевъ, что скарлатины и т. под. совсѣмъ не такъ страшны, потому что отъ нихъ не можетъ нарушиться то, что̀ можетъ и долженъ любить человѣкъ —душа, а можетъ произойти то, чего никто изъ нихъ не можетъ избѣжать — болѣзни и смерть, а такъ какъ у нихъ нѣтъ вѣры въ Бога, то они и любятъ только физически и вся энергія ихъ направлена на то, чтобы сохранить жизнь“ [2]. Что же касается до ссоръ, взаимной чувственной ревности и всякихъ другихъ уродливостей, которыми богата семейная жизнь людей этой категоріи и которыя превращаютъ её въ чистый адъ, нерѣдко располагающій супруговъ „спиваться, стрѣляться, убивать и отравлять себя и другъ друга“ [3], то изображеніями этихъ ссоръ, взаимной чудовищной ревности и прочихъ уродливостей семейной жизни невѣрующихъ супруговъ полна вся *Крейцерова Соната* гр. Толстаго. Что онъ, изображая семейную жизнь Позднышевыхъ, имѣлъ въ виду не исключительное явле-

---

[1]) Ibid. стран. 59—60.

[2]) Ibid. стран. 61.

[3]) Ibid. стран. 12.

ніе, а преобладающее, на это есть прямыя указанія у него же самого [1]).

Итакъ, по словамъ Льва-же Николаевича, оказывается, что люди, вѣруя въ Бога, слѣдуя Его заповѣдямъ и видя въ семейной жизни дѣло святое, не предавались-бы половымъ грѣхамъ до брака, вступали-бы въ бракъ съ чистой совѣстью и съ готовностью проводить семейную жизнь согласно съ требованіями воли Божіей, имѣли-бы возвышенный взглядъ на своихъ дѣтей и на ихъ судьбу и не только не превращали-бы семейнаго очага въ бранное поле, но создавали бы возможный на землѣ рай или царство добра и счастія.... Всѣ эти мысли съ логическою неизбѣжностію слѣдуютъ изъ словъ гр. Толстаго, только-что нами приведенныхъ, если мы органически свяжемъ всѣ эти слова другъ съ другомъ и приведемъ ихъ къ ихъ естественнымъ слѣдствіямъ. Съ тѣмъ, что̀ слѣдуетъ изъ приведенныхъ словъ этого писателя, трудно не согласиться, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ несомнѣнную истину. Это мы и должны, насколько здѣсь возможно, раскрыть и доказать.

Всякій истинный христіанинъ не можетъ не находить глубокой правды въ томъ, что говоритъ Левъ Николаевичъ противъ нарушенія людьми седьмой заповѣди Божіей до ихъ вступленія въ законную брачную жизнь. Ни одинъ истинный христіанинъ не усумнится въ истинѣ и того, что нарушенія этой заповѣди не состоящими въ законной супружеской жизни нельзя оправдать никакими резонами медиковъ и кого-бы то ни было: съ точки зрѣнія истинной нравственности человѣку лучше даже поболѣть тѣлесно, чѣмъ нарушить волю

[1]) Ibid. стран. 39.

Божію.... Но напрасно было-бы думать, будтобы, оставляя чисто христіанскую точку зрѣнія, люди чѣмъ-либо съ достаточной настоятельностью вынуждаются къ соблюденію полнаго цѣломудрія до вступленія въ бракъ. Совершенно оставить христіанскую, или вполнѣ родственную ей, точку зрѣнія значитъ оставить строгій взглядъ и на досупружеское цѣломудріе. Коль скоро отброшено христіанское, или родственное ему, воззрѣніе на человѣка и его обязанности, то человѣкъ превращается въ одно изъ животныхъ, для коихъ не существуетъ никакихъ заповѣдей, кромѣ требованій ихъ инстинктовъ.

Гр. Толстой возстаетъ противъ докторовъ, совѣтующихъ, въ чисто гигіеническихъ и медицинскихъ видахъ, молодымъ людямъ нарушеніе седьмой заповѣди. Между тѣмъ, доктора являются вполнѣ послѣдовательными съ своей, большею частью чисто-матеріалистической, точки зрѣнія на человѣка. Взгляни они иначе на него, именно похристіански, тогда съ ихъ стороны не послѣдовало-бы и указанныхъ разрѣшеній и совѣтовъ. Тогда они стали-бы рекомендовать волнующимся молодымъ людямъ соблюденіе христіанскихъ постовъ, воздержаніе въ пищѣ вообще, молитву, упорный трудъ, избѣганіе всего, возбуждающаго чувственность, и проч.

Внѣ христіанской точки зрѣнія и самъ гр. Толстой не имѣетъ никакихъ твердыхъ основаній для того, чтобы настаивать на добрачномъ цѣломудріи. Бытія личнаго Бога, а слѣдов. откровенной Его воли, имѣющей *только* для истинно вѣрующихъ абсолютно-обязательное значеніе, онъ не признаетъ и признавать не можетъ, пока остается на своей пантеистической точкѣ зрѣнія, предоставляющей человѣческому разуму широкій просторъ для придумыванія самыхъ противоположныхъ правилъ пове-

денія.... Для гр. Толстаго человѣкъ не есть особое творение Божіе, призванное выше всего ставить нравственный интересъ и покорность волѣ Божіей. Даже въ *Крейцеровой Сонатѣ* этотъ писатель невольно обронилъ фразу, доказывающую, что онъ видитъ въ человѣкѣ просто животное, не болѣе. Онъ категорически утверждаетъ, что женщина, а слѣдов. и мужчина, „не выше животнаго", а только „другое существо", или другое животное [1]). Многое, на основаніи чего гр. Толстой ратуетъ противъ нарушенія добрачнаго цѣломудрія, будучи взято имъ прямо изъ христіанскаго міровоззрѣнія, никакъ, однако, не вяжется съ его взглядомъ на человѣка. Остальное же, на что у него опирается проповѣдь цѣломудрія, имѣетъ чисто-утилитарный характеръ, т. е. вытекаетъ изъ его произвольнаго понятія о высшемъ благѣ людей. Но на такого рода доводы всякій, отбрасывающій истинно-христіанскую, или родственную ей, точку зрѣнія, въ правѣ отвѣтить ему, что въ половыхъ возбужденіяхъ разумъ его видитъ выраженіе мудрыхъ велѣній природы и что онъ ничѣмъ не обязывается нарушать ихъ ради воображаемаго блага человѣчества. Мало того: онъ можетъ усматривать пользу и благо людей, между прочимъ, именно въ свободномъ удовлетвореніи и половыхъ ихъ инстинктовъ. Смотря такъ на дѣло, онъ явится усерднымъ подражателемъ самаго же гр. Толстаго. Вѣдь этотъ послѣдній, какъ мы видѣли, самъ, менѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, возводилъ на степень нѣкоего культа возможно—бóльшее размноженіе рода человѣческаго, а слѣдовательно и широкое удовлетворе-

---

[1]) Ibid. стран. 57.

ніе половыхъ влеченій. Да и вообще съ утилитарной точки зрѣнія можно говорить лишь о нѣкоей умѣренности въ удовлетвореніи половыхъ потребностей въ чисто-гигіеническихъ и другихъ видахъ, но не объ абсолютномъ добрачномъ цѣломудріи *). Кто *законно* проповѣдывалъ послѣднее, тотъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, всегда становился если не на точку зрѣнія христіанскую, то на близкую къ ней. Точка-же зрѣнія гр. Толстаго на абсолютное бытіе и на человѣка — безусловно антихристіанская, а если онъ пользуется и христіанствомъ, то лишь для санкціонированія своихъ воззрѣній въ глазахъ читателей.

Такъ какъ только христіанство имѣетъ основаніе предъявлять людямъ требованіе абсолютнаго добрачнаго цѣломудрія, то православная церковь всегда и обращается къ имѣющимъ вступить въ бракъ, чрезъ совершителя таинства, съ такимъ важнымъ запросомъ: „не обѣщался-ли еси иной невѣстѣ“ и „не обѣщалася-ли иному мужу“ [1])? Этотъ запросъ есть въ сущности запросъ о томъ, какъ выполнялась женихомъ и невѣстою седьмая заповѣдь. Православная церковь, какъ видно изъ этого запроса, требуетъ, однако, отъ жениха и невѣсты не того только, чтобы они сохранили незапятнаннымъ свое физическое дѣвство, но и того, чтобы самое сердце ихъ не было увлечено инымъ или иною и чтобы они не давали никому иному обѣщанія вступить

---

*) Что міровоззрѣніе гр. Толстаго вообще не въ состояніи дать людямъ достаточныхъ побужденій къ исполненію нравственныхъ предписаній, это доказывается нами подробно въ нашей книгѣ: *Гр. Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра* (стран. 120—202).

[1]) Стран. 93 въ *Требникѣ*.

даже и въ законный бракъ. Не ясно-ли, что только отъ людей, обладающихъ твердыми христіанскими убѣжденіями и проникнутыми христіанскимъ настроеніемъ, здравая логика требуетъ ожидать *полнаго* добрачнаго цѣломудрія, т. е. не физической только чистоты, но и душевной? Нѣтъ сомнѣнія, что только такіе люди съ *полной* послѣдовательностію могутъ заботиться объ оправданіи требованій цѣломудрія. Вѣдь только для нихъ нравственныя требованія теряютъ характеръ человѣческой условности и произвольности и имѣютъ, какъ выраженіе воли Божіей, абсолютно-высокую цѣну и абсолютно-обязательную силу. Измѣна ихъ этимъ требованіямъ означала-бы только то, что христіанскія воззрѣнія касаются лишь поверхности ихъ души, говоря образно, и что ихъ внутреннее настроеніе въ разладѣ съ требованіями православной церкви. Словомъ: только для христіанина-жениха и только для христіанки-невѣсты неестественно принести другъ другу загрязненное тѣло и запачканную душу.

Великую христіанскую истину повторяетъ гр. Толстой устами Позднышева, утверждая, что проповѣдь свободной любви, какъ ее понимаютъ многіе изъ отступниковъ отъ христіанства, есть въ сущности проповѣдь половой разнузданности и что практикованіе этой любви есть одно изъ крупнѣйшихъ преступленій, разрушающее семью и порождающее чистый адъ въ семейной жизни. То, чтó часто называютъ „свободною любовью", обыкновенно есть болѣе или менѣе сильная и слѣпая полуживотная страсть, но еще не любовь въ нравственномъ смыслѣ этого слова *). Истинная любовь

*) Охваченные таковой страстью, но встрѣчающіе препятствія къ ея удовлетворенію, не рѣдко лишаютъ жизни другъ друга. По-

между мужемъ и женою, условливающая правильное направленіе и возможное счастіе семейной жизни, мыслима только въ истинныхъ христіанахъ-супругахъ.

Прежде, чѣмъ дать предъ Богомъ, предъ Церковью и предъ собственной совѣстью великій обѣтъ принадлежать другъ другу и вступить въ христіанскій бракъ, христіанинъ и христіанка постараются всесторонне и благоговѣйно обсудить вопросы: есть-ли въ нихъ искренняя любовь другъ къ другу, способны-ли они дѣлить другъ съ другомъ не только радости, но и горести жизни, готовы-ли они на всякое доброе самопожертвованіе другъ для друга, то-ли дорого и священно для одного, что́ таково для другаго, есть-ли между ними единомысліе относительно самыхъ существенныхъ вопросовъ бытія и жизни, расположены-ли они мириться съ неизбѣжными во всякомъ человѣкѣ, а слѣдов. и въ каждомъ изъ нихъ, недостатками, склонны-ли идти рука объ руку на встрѣчу даже самымъ тяжкимъ скорбямъ и бѣдствіямъ, еслибы такія случились въ ихъ жизни, и облегчать другъ другу перенесеніе ихъ и имѣютъ-ли твердое намѣреніе вообще осуществить, по мѣрѣ возможности, въ своей супружеской жизни идеалъ христіанской семьи? Всякіе чувственные, матеріальные или честолюбивые разсчёты при выборѣ однимъ будущей супруги своей, а другою—будущаго супруга своего, не имѣютъ мѣста тамъ, гдѣ поставлены и рѣшаются эти вопросы предъ собственной совѣстью и предъ лицемъ

добные факты служатъ наилучшимъ доказательствомъ отсутствія истинно-нравственнаго элемента въ такой любви и неоспоримо свидѣтельствуютъ о крайней нравственной одичалости погибающихъ такъ.....

вездѣсущаго и всевѣдущаго Бога. Но разъ эти вопросы рѣшены, и христіански-настроенные женихъ и невѣста вступили въ освященный Богомъ супружескій союзъ, въ ихъ жизни немыслимо ничто изъ того, чѣмъ характеризуется семейная жизнь Позднышевыхъ разнаго рода.

Вся ихъ жизнь и всѣ ихъ отношенія, согрѣваясь возрастающей взаимной любовью [1]), подчинены требованіямъ долга, возложённаго ими на себя добровольно, и служатъ къ прославленію имени Божія, къ ихъ духовному и матеріальному благу и къ разнообразной пользѣ окружающихъ ихъ людей. Съ радостію и съ благодарностью къ Богу встрѣчаютъ такіе родители каждое дитя, явившееся отъ нихъ въ міръ [*]). Ихъ главною заботою можетъ быть только то, чтобы воспитать изъ своихъ дѣтей истинныхъ христіанъ, т. е. возможно-лучшихъ работниковъ въ области добра и истины. Не даромъ столько великихъ столповъ церкви и благодѣтелей человѣчества воспитано именно христіанскими родителями, всего болѣе дорожащими истинно-христіанскимъ воспитаніемъ и направленіемъ своихъ дѣтей, но не будущею карьерою ихъ и внѣшними успѣхами ея. Но еслибы даже одинъ изъ супруговъ и оказался обманувшимъ въ чемъ-нибудь ожиданія другаго, этотъ послѣдній своей искренней любовью, терпѣніемъ, самоотверженіемъ и вообще разумнымъ образомъ дѣйствій въ большинствѣ случаевъ можетъ нравственно пересоздать перваго при помощи Божіей. Если это—мужъ, то истинная христіанка—жена не только не станетъ

[1]) Ефес. 5, 25 и др.

[*]) При правильномъ христіанскомъ складѣ и направленіи частной и государственно-общественной жизни неженитьба изъ-за невозможности «прокормить» семью едвали можетъ имѣть мѣсто....

увеличивать существующее зло заносчивостью, пренебреженіемъ, насмѣшками, сердитымъ ворчаніемъ, всякими выраженіями животной ревности и устроиваніемъ разныхъ бурныхъ сценъ, но не позволитъ себѣ прибѣгать и къ проституціонному способу привлеченія къ себѣ мужа кокетствомъ, нарядами и тому подобнымъ. Жена, христіанка не по имени только, но и по своему внутреннему настроенію, не бывши Аспазіей до брака, никогда не превратится въ неё и въ супружеской жизни [1]). Христіански-нравственное вліяніе на заблудшаго мужа — вотъ только чѣмъ можетъ бороться истинная христіанка съ его дурными увлеченіями и пороками [2]). Исторія христіанской женщины занесла на свои скрижали огромное число женскихъ именъ, навсегда прославившихся своими нравственными побѣдами надъ дурными мужьями. Для примѣра укажемъ только на Нонну, жену родителя Св. Григорія Назіанзина, или на Монику, жену Патриція и мать блаж. Августина. Мужья этихъ незабвенныхъ женщинъ обязаны были именно имъ своимъ нравственнымъ перерожденіемъ. Тоже самое должно сказать и о мужьяхъ. Видя въ женѣ своей отнюдь не орудіе физическаго наслажденія, а родное и дорогое существо, призванное вмѣстѣ съ нимъ выразить въ совмѣстной жизни священную идею отношеній между І. Христомъ и Церковью, мужъ—истинный христіанинъ и къ женѣ, впавшей въ порокъ, съумѣетъ отнестись похристіански, съ нравственной пользою и

---

[1]) 1 Тимоѳ. 2, 9—10. Аспазія—извѣстная прелестница въ древней Греціи временъ Перикла, привлекавшая мужчинъ кокетствомъ, нарядами, утонченностью обращенія, напускной образованностью и вообще наружнымъ лоскомъ.

[2]) 1 Коринѳ. 13, 4—7 и 13.

для ней самой, и для себя. Развѣ только *окончательно* испорченная въ нравственномъ отношеніи жена не уступитъ, наконецъ, христіански-доброму вліянію мужа своего. Такая жена, впрочемъ, и не должна быть имъ избираема въ подруги жизни, какими-бы обаятельными внѣшними качествами она ни отличалась, а столь испортиться ей въ нравственномъ отношеніи нѣтъ условій при христіански мыслящемъ и настроенномъ мужѣ.

Что только при христіанскихъ убѣжденіяхъ и при христіанскомъ душевномъ настроеніи супруговъ семейная жизнь можетъ представлять зрѣлище, вполнѣ радующее и краснорѣчиво поучающее всякаго наблюдателя, это фактически доказано исторіею брачной жизни. Вотъ наприм. какую чудную картину семейной жизни первенствующихъ христіанъ рисуетъ предъ нами Тертулліанъ. „Какъ я могу, говоритъ онъ, достойно изобразить счастье брака, который заключаетъ церковь, скрѣпляя принесенной жертвою и запечатлѣвая благословеніемъ, который возвѣщаютъ ангелы и который объявляется дѣйствительнымъ со стороны Отца Небеснаго? Какое славное иго двухъ вѣрующихъ, которые имѣютъ одну надежду, живутъ по однимъ правиламъ и служатъ одному Господу! Оба суть братъ и сестра, оба сорабы; въ немъ нѣтъ раздѣленія плоти или духа. Въ немъ по истинѣ два въ плоть едину, а гдѣ одна плоть, тамъ и одинъ духъ. Вмѣстѣ молятся они, вмѣстѣ постятся, поучая одинъ другаго, увѣщевая одинъ другаго и поддерживая одинъ другаго. Вмѣстѣ они въ церкви, вмѣстѣ за вечерей Господней, вмѣстѣ въ скорбяхъ, въ гоненіяхъ, во времена покоя и радости. Никто изъ нихъ не скрываетъ чего-нибудь отъ другаго, никто не избѣгаетъ другаго, никто не бываетъ

другому въ тягость. Безпрепятственно посѣщаются больные, поддерживаются бѣдные. Въ немъ безъ принужденія даются милостыни, безъ смущенія приносится жертва, безъ препятствія совершается молитва. Нѣтъ скрытаго знаменія крестомъ, нѣтъ трепещущаго привѣтствія, нѣтъ нѣмаго благословенія. Въ совмѣстномъ пѣніи раздаются псалмы и пѣсни. Супруги соперничаютъ между собою, кто изъ нихъ лучше хвалитъ своего Господа. Христосъ радуется, видя и слыша всё это, и посылаетъ имъ миръ Свой. Гдѣ двое, тамъ и Онъ, а гдѣ Онъ, тамъ уже нѣтъ мѣста какому-либо злу" [1]). Много такихъ супружествъ знаетъ исторія въ особенности первенствующей церкви. Христіанскіе супруги, какъ наприм. Акила и Прискилла, будучи образцовыми супругами въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, весьма много и различными способами послужили дѣлу распространенія и утвержденія христіанства. Вотъ какъ, между прочимъ, относился св. апостолъ Павелъ къ этимъ супругамъ: *привѣтствуйте*, говоритъ Онъ, *Прискиллу и Акилу, сотрудниковъ моихъ во Христѣ Іисусѣ, которые голову свою полагали за мою душу и которыхъ не я одинъ благодарю, но и всѣ церкви изъ язычниковъ* [2]). Не даромъ и не обратившіеся къ христіанству язычники выражали невольное изумленіе предъ доблестями многихъ христіанскихъ супруговъ и въ особенности женщинъ [3]).

Уже и изъ сказаннаго достаточно видна несправедливость мысли гр. Толстаго, будтобы православ-

---

[1]) Lib. II. Cap. 9 въ сочиненіи Ad uxorem.

[2]) Римлян. 16, 3—4.

[3]) Стран. 114 и друг. въ сочиненіи Фаррара: *Первые дни христіанства* (Спб. 1888 г.).

ная церковь не регулируетъ половыхъ отношеній и склада семейной жизни у истинно-вѣрующихъ. Какого-же лучшаго регулированія этихъ отношеній и какого лучшаго направленія семейной жизни можно желать и требовать?! Однакоже, не излишне сказать еще нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

Нужно какъ-бы не знать общеизвѣстной коренной язвы магометанской семейной жизни, чтобы превозносить послѣднюю предъ истинно-христіанскою, какъ это дѣлаетъ гр. Толстой. Въ магометанскомъ бракѣ женщина именно и разсматривается, только какъ средство къ наслажденію мужчинъ. Многоженство, допускаемое кораномъ, есть наилучшее выраженіе таковаго взгляда. При полигаміи жена низводится въ рядъ житейскихъ прихотей, забавляющихъ и удовлетворяющихъ животные инстинкты. Здѣсь, строго говоря, она даже перестаетъ быть человѣкомъ, а становится однимъ изъ видовъ собственности, имущества. Полигамія, нравственно деморализуя мужчину, развращаетъ и женщину, такъ какъ неизбѣжно возбуждаетъ и укореняетъ въ ней кокетство, зависть, ненависть, плотскія вожделѣнія и т. под. Уже это одно свидѣтельствуетъ, что магометанскій бракъ, по идеѣ своей совмѣстный не только съ многоженствомъ, но и съ наложничествомъ, не обуздываетъ, а разжигаетъ животные инстинкты въ людяхъ, возводя въ какой-то идеалъ физическое общеніе и связанное съ нимъ наслажденіе. Если вдуматься въ еврейскій бракъ, какъ онъ установился подъ вліяніемъ талмуда, то и этотъ бракъ унизителенъ для женщины и благопріятенъ чувственности [1]). Все же то, что́ въ немъ есть

[1]) Стран. 48 и друг. въ книгѣ Диминскаго: *Изслѣдованіе о талмудѣ* (Кіевъ, 1869 г.).

хорошаго, получаетъ въ христіанскомъ бракѣ высшее свое выраженіе.

Откуда же взялъ гр. Толстой, будтобы православная церковь недостаточно регулируетъ половыя отношенія и семейную жизнь? Тотъ фактъ, что изъ принадлежащихъ къ этой церкви весьма многіе, даже и крестьяне, отличаются наприм. половой распущенностью, тогда какъ, евреи, положимъ, меньше повинны въ ней, говоритъ только о томъ, что не всякій, считающійся православнымъ христіаниномъ, на самомъ дѣлѣ таковъ. Можно считаться принадлежащимъ къ православной церкви и въ тоже время быть фактически вышедшимъ изъ ней. Господь І. Христосъ говоритъ, что признакомъ, по которому узнаются истинные Его послѣдователи, служитъ и должно служить, вмѣстѣ съ истинной вѣрою, исполненіе преподанныхъ Имъ заповѣдей [1]). Зачѣмъ-же, послѣ этого, считать православными христіанами тѣхъ, кто половую распущенность возводитъ въ своего рода культъ, считаетъ дѣломъ пустымъ запрещённое самимъ Спасителемъ міра и упорно противится своею жизнію требованіямъ церкви? Не церковь повинна въ томъ, что многіе изъ ея сыновъ и дщерей живутъ хуже наприм. евреевъ въ половомъ отношеніи, а сами эти сыны и дщери, поощряемые разными проповѣдниками и защитниками „свободной" любви и внѣбрачныхъ половыхъ связей.

---

[1]) Іоан. 13, 35; 14, 21; 16, 27—30. Что гр. Толстой безъ малѣйшихъ основаній заподозриваетъ достовѣрность евангельскаго текста и отношеніе къ нему православной церкви, превратно передавая и содержаніе Евангелій въ своемъ *Краткомъ изложеніи* ихъ, объ этомъ достаточно говорится въ моей книгѣ: *Графъ Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра* (стран. 299—334).

Намъ, однако, могутъ замѣтить, что гр. Толстой, обвиняя православную Церковь въ недостаточномъ регулированiи половыхъ отношенiй внѣ брака и въ бракѣ, имѣетъ въ виду какiя-то „внѣшнiя“ учрежденiя или установленiя. На это отвѣчу слѣдующее.

Во-первыхъ, требуя этого, гр. Толстой впадаетъ въ явное противорѣчiе съ самимъ собою. Чтобы и скептики по отношенiю къ намъ увѣрились въ несомнѣнности самопротиворѣчiй у „титана мысли“, вынуждаюсь привести сполна и буквально все мѣсто изъ *Послѣсловiя* къ *Крейцеровой Сонатѣ*, свидѣтельствующее о томъ, что „титанъ мысли“ ребячески путается, сильно противорѣча себѣ и въ данномъ случаѣ.

„Есть, говоритъ гр. Толстой, два способа указанiя пути ищущему его человѣку. Одинъ способъ состоитъ въ томъ, что ищущему говорятъ: иди вотъ на то дерево, отъ дерева на деревню, отъ деревни вдоль рѣки на курганъ и т. д. Другой способъ состоитъ въ томъ, что ищущему указывается направленiе: иди на востокъ; недосягаемое солнце или звѣзда всегда укажутъ тебѣ направленiе. Первый способъ есть способъ временныхъ, внѣшнихъ религiозныхъ опредѣленiй. Другой способъ есть способъ внутренняго сознанiя вѣчной неизмѣнной истины. Въ первомъ случаѣ человѣку даются опредѣленные признаки поступковъ, которые онъ долженъ и которыхъ не долженъ дѣлать. Во второмъ случаѣ человѣку указывается вѣчная, недостижимая, но сознаваемая имъ цѣль, и цѣль эта даетъ направленiе всей его жизненной дѣятельности. „Помни день субботнiй, обрѣзывайся, не пей хмѣльнаго, не крадь, отдавай десятину бѣднымъ, не прелюбодѣйствуй, крестись, причащайся“ и прочее.—Таковы внѣшнiя ученiя: брамин-

ское, буддійское, еврейское, магометанское и церковное, называемое христіанскимъ. „Люби Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею твоей, а ближняго, какъ самого себя. Какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы". Таково ученіе Христа. Оно не даетъ *никакихъ* опредѣленій поступкамъ и лишь указываетъ людямъ тотъ неизмѣнный идеалъ, который всякій человѣкъ находитъ въ своемъ сердцѣ, какъ скоро онъ открытъ ему *). Для исповѣдающаго внѣшнее ученіе точное исполненіе закона составляетъ достиженіе совершенства, и достиженіе это прекращаетъ всякое дальнѣйшее стремленіе. Фарисей благодаритъ Бога за то, что онъ исполняетъ всё, и фарисеи не могутъ думать иначе: впереди ихъ нѣтъ того, къ чему они могутъ продолжать стремиться, но для исповѣдающаго христіанское ученіе достиженіе всякой ступени совершенства вызываетъ потребность вступленія на высшую, съ которой открывается еще высшая, и такъ безъ конца.... Христіанинъ—всегда въ положеніи мытаря: онъ всегда чувствуетъ себя несовершеннымъ, видя впереди себя тотъ путь, по которому ему надо идти и который онъ еще не прошелъ" [1]).

*) «Великій учитель» совсѣмъ запутался въ противорѣчіяхъ. Оказывается, по нему, будто І. Христосъ не заповѣдалъ не только креститься, причащаться, но даже не прелюбодѣйствовать и проч.! Всего же интереснѣе было-бы знать, кому теперь припишетъ Левъ Толстой заповѣди: «не противься злому, не судись, не сердись» и проч.? Просимъ его *печатно* указать намъ и всѣмъ читателямъ его произведеній: чьи же—это заповѣди? Оказывается, что и гр. Толстому не проходитъ безнаказанно его борьба со Христомъ и съ христіанской церковью: истина отмстила за себя, заставивъ играющаго ею утверждать въ сущности то, что 2×2 не$=4$, а 3 или 5.... Это-то собственно и продѣлываетъ гр. Толстой въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ.

[1]) Стран. 10—12 по печатному изданію.

Не станемъ много доказывать того, что, говоря это, не иной кто, а только гр. Толстой оказывается пофарисейски смотрящимъ на заповѣди Божіи, о коихъ еще Псалмопѣвецъ сказалъ, что онѣ безмѣрно обширны [1]). Въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію гр. Толстаго, выходитъ, будтобы человѣкъ, если принялъ наприм. таинство крещенія, то этимъ сдѣлалъ всё, требовавшееся отъ него. Такой взглядъ—чистѣйшее фарисейство! Принять крещеніе значитъ принять на себя непремѣнное *обязательство* выполнять *всѣ* христіанскія требованія, касающіяся внутренней жизни человѣка и всѣхъ его отношеній къ Богу и людямъ. Но хватитъ-ли всей нашей жизни, чтобы хотя въ малой степени свято выполнить возложенный на насъ долгъ и принятыя нами обязательства? Христіанскій нравственно-религіозный идеалъ безпредѣленъ, и мы, при всемъ усердіи приблизиться къ нему, всегда будемъ крайне далеки отъ него.... Тоже должно сказать въ частности касательно заповѣди о супружествѣ. Христіанскій идеалъ брачныхъ отношеній такъ высокъ, что, конечно, и самые лучшіе супруги сполна не осуществляли и не осуществятъ его въ своей жизни. Не станемъ распространяться и о томъ, что наприм. заповѣдь І. Христа: „какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ постуйайте и вы съ ними“ въ сущности есть не иное что, какъ своего рода и несомнѣнное внѣшнее опредѣленіе нашихъ поступковъ, подобное заповѣдямъ: „не противься злому, не судись“ и т. д., въ коихъ гр. Толстой видитъ всю сущность ученія І. Христа [2]). Это ясно и безъ коментаріевъ. Обратимъ

[1]) Псаломъ 118, 96 въ русскомъ переводѣ.

[2]) Стран. 269—272 въ книгѣ: Worin besteht mein Glaube?

особое вниманіе собственно на то, что гр. Толстой настоящими своими словами самъ же постарался зачеркнуть свои упреки православной церкви за отсутствіе въ ней внѣшнихъ установленій, регулирующихъ *до мелочей* половыя отношенія. Съ точки зрѣнія самого гр. Толстаго теперь выходитъ, что было-бы даже вредно дѣлать такія установленія, такъ какъ они способны развивать духъ фарисейства и убивать постоянное стремленіе къ совершенству.

Затѣмъ, если имѣть въ виду не мелочныя какія-либо установленія касательно половыхъ отношеній, существующія, между прочимъ, въ магометанствѣ и іудействѣ, а болѣе важныя и существенныя, то послѣднія извѣстны въ православной церкви, такъ что и съ этой стороны упреки гр. Толстаго свидѣтельствуютъ только объ его рѣшительномъ незнакомствѣ съ тѣмъ, о чемъ онъ обыкновенно говоритъ съ поразительной самоувѣренностью. Изъ многихъ церковныхъ установленій этого рода укажемъ хотя на нѣкоторыя, чтобы избѣжать упрека въ голословности, весьма возможнаго при борьбѣ съ „всероссійскимъ фаворитомъ“ [1]), какъ выразился о гр. Толстомъ г. Михайловскій. Чтобы предохранить въ особенности молодыхъ людей отъ возбужденія чувственныхъ инстинктовъ и отъ духовнаго растлѣнія, православная церковь на шестомъ вселенскомъ соборѣ постановила слѣдующее: „изображенія на дскахъ, или на иномъ чемъ представляемыя, обаяющія зрѣніе, растлѣвающія умъ и производящія воспламененія нечистыхъ удовольствій, не позволяемъ отнынѣ, какимъ-бы то ни было способомъ, начертывати. Аще кто сіе тво-

---

[1]) Стран. 197 и 200 въ 4 кн. *Сѣвернаго Вѣстника* за 1886 г.

рити дерзнетъ, да будетъ отлученъ" [1]). Этимъ соборнымъ опредѣленіемъ порицается въ сущности и все то, что въ повѣстяхъ, въ стихотвореніяхъ, въ драматическихъ сочиненіяхъ и вообще въ какихъ бы то ни было человѣческихъ произведеніяхъ или нарочито разсчитано на угожденіе чувственнымъ половымъ похотямъ, или само по себѣ способно разжигать ихъ. Этимъ соборнымъ опредѣленіемъ осуждается и сама *Крейцерова Соната*, безъ нужды изобилующая самыми нецѣломудренными картинами, фразами и выраженіями. Тотъ-же соборъ постановилъ отлучать отъ церкви тѣхъ лицъ, которые „на пагубу душъ собираютъ и содержатъ блудницъ" [2]). Лицъ,—кто бы они ни были,—дающихъ средства къ изгнанію плода, церковь разсматриваетъ, по постановленію того-же собора, какъ человѣкоубійцъ [3]). Весьма строго смотритъ церковь и на лицъ, изобрѣтающихъ и пускающихъ въ ходъ средства, препятствующія забеременѣнію [4]). Въ самой супружеской жизни православная церковь своими постановленіями обуздываетъ безпорядочное половое общеніе, воспрещая его въ извѣстные дни недѣли [5]), въ посты [6]) и проч. Насколько православная церковь возстаетъ противъ увлеченія половыми наслажденіями даже законныхъ супруговъ, это видно и изъ того, что она, при вѣнчаніи вторымъ бракомъ, возноситъ о брачущихся молитвы, испрашивающія имъ у

---

[1]) Стран. 124 въ *Книгѣ правилъ*.
[2]) Ibid. стран. 118.
[3]) Ibid. стран. 120.
[4]) Ibid. стран. 154.
[5]) Ibid. стран. 422.
[6]) Стран. 426 въ *Требникѣ*.

Бога прощенiе ихъ половыхъ грѣховъ и вожделѣнiй [1]). Вступающiй или вступающая во второй бракъ, вслѣдствiе-ли смерти одного изъ супруговъ или вслѣдствiе законнаго расторженiя перваго брака, такъ или иначе, но нарушаютъ великiй религiозно-нравственный принципъ, лежащiй въ основанiи христiанскаго брака и осмысливающiй его. Вотъ почему при вѣнчанiи второбрачныхъ православная церковь сперва возноситъ отъ лица ихъ, отъ лица совершителей таинства и отъ лица всѣхъ при этомъ присутствующихъ *покаянныя* молитвы.

Сопоставленiе мыслей гр. Толстаго, высказанныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненiй, но касающихся одного и того-же предмета, равно какъ сдѣланныя при этомъ нами разъясненiя и замѣчанiя касательно ихъ, приводятъ къ слѣдующимъ весьма важнымъ выводамъ. Оказывается, что гр. Толстой не только не имѣетъ надлежащихъ основанiй къ тому, чтобы выдавать всякую половую любовь за мимолетную и чуждую идеальнаго элемента, но и самъ онъ подрываетъ силу и значенiе своего взгляда на неё, впадая въ противорѣчiе съ самимъ собою. Оказывается, далѣе, что половое физическое общенiе, будучи взято независимо отъ незаконныхъ проявленiй его, не представляетъ собою ничего такого, за что самопротиворѣча выдаетъ его гр. Толстой, видящiй въ немъ, будтобы, нѣчто противоестественное. Оказывается, что, и по нѣкоторымъ яснымъ словамъ самого этого писателя, и по существу самаго дѣла, семейная жизнь можетъ быть вполнѣ нормальною и возможно-счастливою только тогда,

---

[1]) Ibid. стран. 115 и другiя.

когда люди, по христіански заключивши бракъ, по христіански-же выполняютъ налагаемыя имъ требованія на нихъ, и что православная церковь наилучшимъ образомъ регулируетъ вообще половыя человѣческія отношенія. Если эти выводы получены правильно *), въ такомъ случаѣ нами достигнута уже значительная часть взятой на себя задачи. Теперь слѣдуетъ показать, что церковный бракъ имѣетъ природныя основанія, божественное происхожденіе и высокую цѣль и что православная церковь предоставляетъ свободному избранію людей бракъ или безбрачіе, отнюдь не унижая перваго ради другаго, и наоборотъ, а *высоко цѣня* тотъ и другое, если они отвѣчаютъ своей идеѣ.

Чтó такое бракъ? Съ православно-христіанской точки зрѣнія „бракъ есть таинство, въ которомъ, при свободномъ предъ священникомъ и церковью обѣщаніи женихомъ и невѣстою взаимной ихъ супружеской вѣрности, благословляется ихъ супружескій союзъ, во образъ духовнаго союза Христа съ церковью, и испрашивается имъ благодать чистаго единодушія къ благословенному рожденію и христіанскому воспитанію дѣтей“ [1]). Если поглубже вдуматься въ это опредѣленіе брака, то оно указываетъ на органически связанныя одна съ другою *двѣ* цѣли брака.

---

*) Еслибы послѣдовали въ печати возраженія противъ сказаннаго мною, почту своимъ долгомъ, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, отвѣтить на нихъ подъ условіемъ, конечно, серьезности и добросовѣстности возраженій. Такого отвѣта съ нашей стороны требуетъ и интересъ истины, и важность предмета, о коемъ идетъ у насъ рѣчь, и несомнѣнное вліяніе идей гр. Толстаго на многихъ особенно изъ молодежи....

[1]) Стран. 70 въ *Пространн. Катехизисѣ* высокопреосв. Филарета (61-е изд.).

Во-первыхъ, онъ имѣетъ цѣлію соединить личности индивидуумовъ различнаго пола, восполнить естественную односторонность одного изъ нихъ тѣмъ, что́ есть въ другомъ, и содѣйствовать ихъ духовному совершенствованію и объединенію въ совмѣстной ихъ жизни. Такъ именно и смотрять на дѣло серьезные богословы. Вотъ что наприм. говоритъ Кейль: „бракъ выходитъ изъ различія и раздѣленія человѣческой природы на два полюса и изъ прирожденной потребности соединенія ихъ для взаимнаго восполненія и совершенства и по своему существу состоитъ въ половой любви, которая въ своемъ самомъ чистомъ стремленіи всегда ищетъ уравненія и уничтоженія раздѣленій, чтобы чрезъ взаимное восполненіе мужа и жены усовершить человѣческую личность въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніи. Эта любовь находитъ совершенное удовлетвореніе только во взаимномъ общеніи всей, не только чувственной и тѣлесной, но также нравственной и психически-духовной собственности пола. Силою ея супруги сходятся въ личномъ жизненномъ единеніи, какъ бы въ единствѣ лица“ [1]). Мнѣніе о такой цѣли брака вытекаетъ и изъ словъ, сказанныхъ Богомъ предъ созданіемъ нашей прародительницы: *не хорошо быть человѣку одному; сотворимъ ему помощника, соотвѣтственнаго ему* [2]). Взаимопомощь вь дѣлѣ всесторонняго совершенствованія двухъ различнаго пола индивидуумовъ—вотъ, значитъ, въ чемъ первая цѣль брака и по Слову Божію. На это же указываютъ и еврейскія имена: мужъ по еврейски *isch*, а жена—*ischa*. То и другое слово отно-

---

[1]) Стран. 74 во второй части *Руководства къ библейской археологіи* (Кіевъ, 1874 г.).

[2]) Бытія 2, 18.

сится къ понятію: *человѣкъ*, какъ виды его: первое изъ нихъ указываетъ на человѣка въ мужескомъ родѣ, а второе—въ женскомъ [*]). Основываясь и на филологическихъ данныхъ, мы въ правѣ сказать, что мужъ и жена призваны образовать единаго идеальнаго человѣка, поскольку они, конечно, путемъ самодѣятельной духовной работы объединяются при своей совмѣстной жизни. Тотъ же смыслъ заключается и въ слѣдующихъ словахъ Самого Бога: да будутъ двое одной плотью [1]). Въ Новомъ Завѣтѣ таже самая мысль выражается въ томъ, что отношенія мужа и жены уподобляются тѣснымъ и неразрывнымъ отношеніемъ, какія существуютъ между І. Христомъ и Его Церковью [2]).

Что касается второй цѣли брака, то она ясна и безъ комментаріевъ. Цѣль эта—благословенное рожденіе и христіанское воспитаніе дѣтей. Она ясно выражена въ слѣдующихъ словахъ книги Бытія: благословилъ ихъ Богъ и сказалъ имъ: плодитесь, размножайтесь, наполняйте землю [3]). Согласное съ волею Божіею воспитаніе дѣтей родителями разумѣется здѣсь само собою. Св. апостолъ Павелъ высказываетъ мысль о такомъ воспитаніи въ слѣдующихъ словахъ: родители воспитывайте дѣтей своихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ [4]).

---

[*]) Еврейскія слова: *zagar* и *nekeba* имѣютъ болѣе общее значеніе, относящееся и къ животнымъ....

[1]) Бытія 2, 24. 9, 1.

[2]) Ефес. 5, 23 и друг. Изъ сказаннаго видно, что и бездѣтный бракъ имѣетъ всѣ основанія для своего существованія. Да и развѣ отъ воли только мужа и жены зависитъ имѣть или не имѣть дѣтей? Развѣ, затѣмъ, не имѣя дѣтей два-три года, они могутъ быть увѣрены, что и совсѣмъ не будутъ ихъ имѣть? Между тѣмъ гр. Толстой глумится надъ бездѣтнымъ бракомъ!...

[3]) 1, 28.

[4]) Ефес. 6, 4 и друг.

Какъ видимъ, бракъ есть несомнѣнно Божественное учрежденіе, а) имѣющее свое основаніе въ односторонней организаціи мужчины и женщины, на каковую была воля Божія, и въ вложенномъ свыше стремленіи къ продолженію и совершенствованію человѣческаго рода, и б) преслѣдующее двѣ возвышенныя цѣли: нравственное совершенствованіе супруговъ и достойное человѣка воспитаніе дѣтей. Какъ же, спрашивается, Господь І. Христосъ могъ отвергать бракъ, когда самъ же Онъ, какъ Единородный Сынъ Божій, единосущный и единомысленный Отцу, учредилъ его за нѣсколько тысячелѣтій до своего вочеловѣченія? Какъ могъ Спаситель отвергать или унижать бракъ, когда самая высочайшая тайна личныхъ отношеній Пресвятой Троицы на языкѣ основанной Имъ церкви выражается въ высокихъ и священныхъ наименованіяхъ Отца и Сына, заимствованныхъ изъ семейныхъ отношеній? Какъ могъ Богочеловѣкъ отвергать бракъ, когда послѣдній преслѣдуетъ столь возвышенныя цѣли? Доказательства, какія приводитъ гр. Толстой въ подтвержденіе своего взгляда, падаютъ сами собою. Мы убѣдимся въ этомъ, разсмотрѣвши *всѣ* до одного аргументы, выставляемые этимъ писателемъ въ защиту его противохристіанскаго ученія о бракѣ.

Не странною-ли скорѣе, чѣмъ доказательною, представляется ссылка гр. Толстаго на то, что І. Христосъ былъ не женатъ? Ссылаться въ этомъ случаѣ на І. Христа значитъ въ сущности кощунствовать надъ Нимъ. Только при отрицаніи божественной природы Спасителя и при отрицаніи Его мессіанско-искупительнаго служенія человѣчеству возможна такая ссылка. Господь І. Христосъ есть единородный Сынъ Божій, вочеловѣ-

чившійся ради нравственнаго возрожденія людей и возсоединенія ихъ съ Богомъ *). О какомъ-же бракѣ здѣсь можетъ быть рѣчь? Какъ Спаситель, Онъ есть духовный родоначальникъ новаго и высшаго человѣчества и ни чѣмъ другимъ не можетъ быть **). Говорить о возможности брака для І. Христа значитъ низводить Его въ рядъ обыкновенныхъ людей и низвращать весь смыслъ и значеніе Его земной жизни и дѣятельности. Всякій здравомыслящій человѣкъ, а тѣмъ болѣе истинный христіанинъ, въ данномъ случаѣ можетъ и долженъ мыслить о Богочеловѣкѣ только слѣдующимъ образомъ. Безъ воли І. Христа, какъ единороднаго Сына Божія, никогда не могъ и не можетъ родиться ни одинъ человѣкъ въ мірѣ. І. Христосъ, какъ единородный Сынъ Божій, заключаетъ въ Себѣ всю полноту бытія и не нуждается въ какомъ-либо его восполненіи со стороны. По скольку-же имѣется въ виду Его человѣческая природа, І. Христосъ для Своей земной жизни и для возможности Своего исключительнаго служенія человѣчеству нуждался лишь въ пищѣ, одеждѣ и въ тому подобномъ, но ни въ чёмъ болѣе.

Что же касается апостоловъ, на коихъ тоже ссылается гр. Толстой, то ссылка его доказываетъ лишь плохое знаніе предмета, о которомъ онъ говоритъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли утверждать, будтобы всѣ апостолы были не женаты, когда въ Евангеліи прямо го-

---

*) Что І. Христосъ, вопреки ученію гр. Толстаго, есть вочеловѣчившійся единородный Сынъ Божій и Искупитель міра, это доказывается въ моемъ сочиненіи: *Гр. Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра* (стран. 352—379).

**) Съ полной основательностью смотритъ такъ на дѣло и Мартенсенъ въ своемъ сочиненіи: *Христіанское ученіе о нравственности* (стран. 448 во 2-мъ томѣ).

ворится о томъ, что Господь І. Христосъ исцѣлилъ тещу ап. Петра, страдавшую отъ горячки [1])? Еслибы гр. Толстой далъ себѣ *обязательный для него* трудъ ознакомиться съ дѣломъ, о которомъ онъ трактуетъ съ такой докторальностью, то онъ узналъ-бы, что жена ап. Петра сопровождала его даже на пути къ мученичеству за І. Христа и раньше его удостоилась славнаго мученическаго вѣнца [2]). Знакомство съ дѣломъ открыло бы этому писателю и слѣдующее. Св. апостолы при жизни своей разрѣшали быть женатыми даже и епископамъ [3]). Фактъ этотъ чрезвычайной важности въ данномъ случаѣ! Еслибы гр. Толстой заглянулъ въ Апостольскія постановленія, то въ нихъ прочиталъ бы онъ, между прочимъ, слѣдующее правило: „епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, да не изгонитъ жены своея подъ видъ благоговѣнія. Аще же изгонитъ: да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго: а оставаясь непреклоннымъ, да будетъ низверженъ отъ священнаго чина" [4]). Сократъ, извѣстный церковный историкъ, писавшій въ первой половинѣ 5 вѣка, сообщаетъ, что ему извѣстны были на востокѣ многіе епископы, которые во время епископства имѣли дѣтей отъ законныхъ женъ [5]). Между тѣмъ, не нужно забывать, что епископы суть преемники апостоловъ и представляютъ ихъ достоинство и служеніе. Этихъ и подобныхъ фактовъ, неоспоримо засвидѣтельствованныхъ исторіею, какъ бы

---

[1]) Матѳ. 8, 14 и 15.

[2]) См. главу 14 во 2-й книгѣ *Церковной исторіи* Евсевія

[3]) 1 Тимоѳ. 3, 2.

[4]) Стран. 10 въ цитов. *Книгѣ правилъ*.

[5]) См. 22 гл. въ 5 книгѣ *Исторіи* его.

не существуетъ для гр. Толстаго, конечно, потому, что они безусловно противорѣчатъ его смѣлымъ утвержденіямъ.

Въ доказательство того, что, будтобы, І. Христосъ отрицалъ бракъ, гр. Толстой ссылается на слѣдующія слова Спасителя: *всякій, кто оставитъ домы, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли ради имени Моего, получитъ во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную* [1]. Что въ этихъ словахъ І. Христа вовсе не заключается отрицанія брака, это долженъ признать гр. Толстой на основаніи собственныхъ же своихъ словъ: „въ Евангеліи, говоритъ онъ, ясно и безъ возможности какого-либо перетолкованія сказано, что женатому, кого сознаніе истины застанетъ женатымъ, должно оставаться съ тою, съ которою онъ сошелся" [2]. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы мы рѣшились вмѣстѣ съ гр. Толстымъ понимать слова Спасителя объ оставленіи домовъ, земель, братьевъ и тому подобнаго въ смыслѣ отрицанія брака, то поставили бы Богочеловѣка въ противорѣчіе съ Нимъ Самимъ, безусловно воспрещавшимъ расторженіе брака, когда нѣтъ для этого вполнѣ уважительной причины—прелюбодѣянія одного изъ супруговъ. Еслибы Спаситель дѣйствительно отрицалъ бракъ, какъ зло, то Онъ нетолько иначе училъ бы объ условіяхъ его расторженія, но даже прямо повелѣлъ бы и хорошимъ супругамъ *разойтись совсѣмъ* и жить въ полномъ цѣломудріи.

---

[1]) Матѳ. 19, 29.

[2]) Стран. 9 въ *Послѣсловіи* къ *Крейцеровой Сонатѣ*. Эти свои слова гр. Толстой основываетъ на изреченіяхъ І. Христа касательно бракорасторженія.

Таково требованіе существа дѣла и логики. Значитъ, въ словахъ Спасителя заключается не отрицаніе брака, а что-то другое. Но что̀ же именно? И контекстъ, и весь духъ Евангелія заставляютъ признать, что Спаситель приведенными словами Своими говоритъ лишь слѣдующее: если по какимъ либо *особымъ* обстоятельствамъ тѣ или иныя родственныя связи и имущественныя отношенія несомнѣнно препятствуютъ кому-нибудь изъ людей быть истинными послѣдователями І. Христа не на словахъ только, но и на дѣлѣ, то необходимо отказаться отъ всего этого. Но коль скоро слова Спасителя имѣютъ въ виду исключительныя положенія людей, но отнюдь не обычное состояніе ихъ, то, значитъ, они даже и не относятся къ браку, какъ къ браку. Такъ и понимаютъ это мѣсто церковныя писатели. „Если у кого изъ насъ есть невѣрующій отецъ, или сынъ, или братъ, и если кто-нибудь изъ нихъ препятствуетъ намъ жить по вѣрѣ и достигать жизни на небѣ, говоритъ Климентъ Александрійскій, то мы должны прервать съ нимъ единеніе и общеніе.... Будетъ-ли говорить тебѣ богопротивное братъ, или сынъ, или жена, или кто-нибудъ другой, пусть надъ всѣми ими въ лицѣ твоемъ одержитъ побѣду Христосъ, ради тебя подвизавшійся“ [1]).

Далѣе, слова І. Христа: *всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ* [2]) тоже нисколько не доказываютъ мысли гр. Толстаго, будтобы, по ученію Спасителя, плотское общеніе и въ бракѣ *всегда* является паденіемъ, слабостью, грѣхомъ. Еслибы это было такъ, то І. Хри-

---

[1]) См. книгу: *Quis dives salvetur* въ Patrol. Cursus. Complectus.

[2]) Матѳ. 5, 28.

стосъ долженъ былъ-бы безусловно отвергнуть бракъ: Онъ, Спаситель нашъ, не можетъ быть покровителемъ паденія, грѣха ни въ какомъ случаѣ. Съ другой стороны, если Спаситель разрѣшаетъ бракорасторженіе только въ случаѣ явнаго и грубаго нарушенія супружеской вѣрности однимъ изъ супруговъ, то какъ же мирится съ этимъ навязываемый гр. Толстымъ І. Христу отрицательный взглядъ на половое общеніе законныхъ супруговъ? Понимать слова Спасителя такъ, какъ понимаетъ ихъ гр. Толстой, значитъ опять ставить Богочеловѣка въ противорѣчіе съ Самимъ Собою. Вдумавшись въ контекстъ, этотъ писатель увидѣлъ-бы, что слова Спасителя вовсе не касаются собственно супружескихъ отношеній. Христосъ сообщаетъ Своимъ изрѣченіемъ болѣе глубокій смыслъ ветхозавѣтной заповѣди: не прелюбодѣйствуй [1]). Но кто же не знаетъ, что у іудеевъ существовалъ бракъ и считался божественнымъ учрежденіемъ? А если такъ, то и физическое общеніе между супругами у евреевъ никакъ не могло считаться и не считалось паденіемъ, грѣхомъ уже само по себѣ. Значитъ, ветхозавѣтная заповѣдь: *не прелюбодѣйствуй* не имѣла и не могла имѣть въ виду физическаго общенія между супругами, а относилась къ половымъ грѣхамъ внѣ брака или къ супружеской невѣрности. Понятно теперь, что и слова Спасителя имѣютъ отношеніе къ тому же самому. Кромѣ контекста, за это ручаются и филологическія соображенія. Слово: *женщину* по гречески стоитъ *γυναῖκα*. Греческое слово: *γυνή* указываетъ на женщину безъ различія возраста и состоянія, какъ на существо, отличное отъ мужчины. Супруга-же,

---

[1]) Матѳ. 5, 27.

законная жена, по гречески: γαμετή отъ γαμέω сочетаваться бракомъ. Не очевидно-ли теперь, что слова I. Христа дѣйствительно вовсе не касаются супружескихъ половыхъ отношенiй?

Но коль скоро слова Спасителя не имѣютъ ничего общаго съ отверженiемъ или порицанiемъ физическаго общенiя между законными мужемъ и женою, то мысль Льва Толстаго, будтобы Христосъ обязываетъ находящихся въ законномъ супружествѣ къ полному цѣломудрiю, оказывается совершенно произвольною. Тѣ же соображенiя, коими онъ обставляетъ её, показываютъ лишь, какъ противологично могутъ иногда мыслить люди. Графъ Толстой говоритъ: „стремясь къ цѣломудрiю, человѣкъ падаетъ; падётъ онъ, и тогда будетъ бракъ нравственный" [1]). Это сказанно, очевидно, для того, чтобы дискредитировать церковный бракъ. Но что́ же? По прихотливой логикѣ гр. Толстаго выходитъ, къ нашему изумленiю, что хорошее бываетъ именно тогда, когда совершается худое, дурное. Поясню свою мысль слѣдующимъ примѣромъ. Намъ говорятъ: люби ближняго, какъ себя самого. Мы, повидимому, стремимся къ исполненiю этой заповѣди, а фактически причиняемъ ближнему какую-нибудь сознательную мерзость, какой-либо сознательный вредъ. По нелогичной логикѣ гр. Толстаго слѣдуетъ, что эта-то мерзость, этотъ-то вредъ и хорошъ въ нравственномъ отношенiи. По здравой-же логикѣ должно выйти, конечно, совершенно обратное, чѣмъ у гр. Толстаго. То же самое должно сказать и касательно брачныхъ отношенiй. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, будтобы цѣлiю брака должно быть

---

[1]) Стр. 35 въ *Крейцеровой Сонатѣ.*

полное цѣломудріе. Тогда всякое половое физическое общеніе, какая-бы борьба у человѣка съ самимъ собою ни происходила раньше, должно мыслиться не иначе, какъ зломъ. Борьба, выдержанная человѣкомъ съ самимъ собою, можетъ въ той или другой степени *ослаблять* его *виновность*, но отнюдь не превращать дурнаго въ хорошее, грѣховнаго въ святое. А если это такъ, то не грѣховнымъ дѣломъ можетъ быть физическое половое общеніе единственно подъ тѣмъ только условіемъ, когда оно имѣетъ законное мѣсто въ брачной жизни, установленной Богомъ для благословеннаго рожденія и христіанскаго воспитанія дѣтей. Внѣ же христіанскаго брака половое общеніе превращается въ бóльшую или меньшую животность и легко переходитъ въ полную разнузданность, т. е. становится опять таки зломъ, грѣхомъ. Это—потому, что въ такомъ случаѣ половая связь теряетъ истинно-нравственные мотивы и цѣли.... Оказывается, такимъ образомъ, что „христіанскій обрядъ брака" существенно измѣняетъ нравственный смыслъ половыхъ отношеній вопреки мнѣнію гр. Толстаго.

Затѣмъ, ничего не говоритъ въ пользу мысли объ отрицаніи брака І. Христомъ и ссылка гр. Толстаго на то, будтобы евангельское ученіе о любви къ Богу и къ ближнему несовмѣстно съ допущеніемъ брака. Основываясь на этомъ ученіи, гр. Толстой говоритъ, что идеалъ христіанина не есть бракъ, но любовь къ Богу и къ ближнему. Относительно этого скажемъ слѣдующее. Во-первыхъ, идеаломъ христіанина не можетъ служить не только бракъ, но и просто любовь къ Богу и ближнему. Понятіе идеала несоизмѣримо шире и глубже, чѣмъ это думаетъ гр. Толстой. Если-

бы весь христіанскій идеалъ исчерпывался евангельскими словами о любви къ Богу и ближнему, да еще отрывочно взятыми, тогда потерялось-бы *всякое* различіе между христіанскимъ и какимъ-либо другимъ идеаломъ. О любви къ Богу и къ ближнимъ говорили и нѣкоторые изъ такихъ язычниковъ, ученіе коихъ совершенно противоположно христіанскому. Не пускаясь въ исторію языческаго религіознаго и философскаго сознанія, лучше укажу на самого гр. Толстаго. Вѣдь и этотъ послѣдній говоритъ о любовномъ служеніи ближнему и даже Богу *). Но развѣ есть чтò-нибудь общаго между христіанскимъ идеаломъ и идеаломъ гр. Толстаго? Это—двѣ радикальныя противоположности. Для знакомаго съ основными началами доктрины гр. Толстаго ясно, что для него не только не существуетъ Бога, какъ всесовершеннаго личнаго Духа, но не существуетъ и ближняго, какъ относительно самостоятельной и устойчивой единицы. Бытіе таковыхъ единицъ съ точки зрѣнія гр. Толстаго есть лишь обманъ нашего представленія, ограниченнаго формами пространства и времени. Отбросьте эти формы, и останется лишь мое самосознающее я. Поэтому, ученіе гр. Толстаго, кто его правильно понялъ, сводится въ концѣ концовъ къ отношенію нашего я къ себѣ самому и есть самый чудовищный эгоизмъ **). Во-вторыхъ, правильно понимаемое христіанское ученіе о любви къ Богу и къ ближнимъ развѣ стоитъ въ противорѣчіи съ

*) О служеніи Богу гр. Толстой говоритъ, конечно, только «для виду»: гдѣ Богъ превращается въ какую-то туманную абстрактность, тамъ о служеніи Ему и рѣчи не можетъ и не должно быть....

**) Философія Л. Толстаго болѣе послѣдовательно и стройно изложена въ его сочиненіи: Ueber Leben.

допущеніемъ брака? Заповѣдь о любви къ Богу и ближнему, по словамъ самого-же Іисуса Христа, есть лишь то, на чемъ утверждаются весь законъ и пророки, но отнюдь не заключаетъ въ себѣ отрицанія того, что въ нравственномъ отношеніи заповѣдуется людямъ въ законѣ и у пророковъ [1]). А такъ какъ воля Божія, выраженная въ книгахъ Моисея и другихъ пророковъ, лежитъ и въ основаніи брака, то, значитъ, слова І. Христа о любви къ Богу и къ ближнимъ заключаютъ въ себѣ указаніе и на бракъ, именно какъ на плодъ воли Божіей, а вмѣстѣ съ этимъ узаконяютъ опредѣленныя отношенія супруговъ къ Богу, другъ къ другу и къ другимъ людямъ. Какія же это отношенія? Супруги больше всего должны любить Бога и эту любовь обязаны всячески воспитывать и укрѣплять въ себѣ и въ своихъ дѣтяхъ. Во имя сочетавшаго ихъ Бога они, далѣе, призваны самоотверженно любить другъ друга и воспитывать въ себѣ всё бóльшую и бóльшую любовь къ своимъ дѣтямъ и къ ближнимъ до готовности, въ случаѣ нужды, жертвовать своимъ личнымъ благомъ ради блага тѣхъ и другихъ, уча самоотверженію и дѣтей своихъ. Такимъ образомъ, заповѣдь о любви къ Богу и къ ближнимъ въ указанномъ отношеніи есть несомнѣнное признаніе и укрѣпленіе семейнаго союза, а, съ другой стороны, она есть указаніе на то, что семейная жизнь служитъ и должна служить однимъ изъ средствъ къ водворенію между людьми царства любви и добра. Значитъ, ссылка гр. Толстаго на эту заповѣдь доказываетъ какъ разъ противоположное тому, чтò онъ утверждаетъ.

---

[1]) Матѳ. 22, 36—40. Римл. 13, 9.

Указывая то на одно, то на другое изрѣченіе І. Христа, якобы неблагопріятное браку, Л. Н. Толстой нарочито обошелъ дипломатическимъ умолчаніемъ прямое, не допускающее никакихъ сомнѣній, признаніе брака І. Христомъ. Приведемъ сполна относящееся сюда мѣсто. „Приступили ко Христу фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой-ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою своею? Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: не читали-ли вы, что сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ (Быт. 1, 27)? И сказалъ: посему оставитъ человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотію (Быт. 2, 24). Такъ что они уже не двое, но одна плоть. И такъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ“ [1]). Не очевидно ли для всякаго, что въ этихъ словахъ нашего Спасителя бракъ признается божественнымъ учрежденіемъ? Господь І. Христосъ, что̀ особенно важно, не ограничился только ссылкою на слова Библіи, но и разъяснилъ, что въ бракѣ таинственно соединяются двое въ одно духовное цѣлое и что никакой человѣкъ не въ правѣ посягать на бракъ. Этимъ І. Христосъ съ Своей стороны, какъ Основатель христіанской религіи, санкціонируетъ бракъ и объявляетъ его одною изъ принадлежностей ея, какъ таинство. Дѣйствія Спасителя въ отношеніи къ браку и къ плоду брака—дѣтямъ служатъ новымъ подтвержденіемъ этого. Графъ Толстой молчитъ не безъ умысла и о томъ важномъ, но непріятномъ для него обстоятельствѣ, что Господь І. Христосъ благоволилъ присутствовать въ Канѣ Галилейской при бракосоче-

---

[1]) Матѳ. 19, 3—6.

таніи и совершилъ здѣсь первое изъ чудесныхъ дѣлъ Своихъ [1]). Православная церковь справедливо усматриваетъ здѣсь благословеніе І. Христомъ брачнаго союза [2]). Въ самомъ дѣлѣ, еслибы бракъ не былъ въ очахъ Спасителя дѣломъ добрымъ, развѣ Онъ рѣшился-бы авторизовать его Своимъ присутствіемъ и совершеніемъ чуда? Отъ того, что̀ само по себѣ дурно, І. Христосъ или отвращался, или прямо и публично называлъ его дурнымъ. Справедливо высокопреосвящ. Никаноръ придаетъ особое значеніе и тому обстоятельству, что І. Христосъ, вслѣдъ за рѣчью Своей о бракѣ, какъ учрежденіи Божіемъ, совершаетъ благословеніе дѣтей и говоритъ: *не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ, ибо таковыхъ есть царство небесное* [3]). Въ Канѣ Галилейской І. Христосъ благословилъ самый бракъ, а здѣсь—дѣтей, какъ плодъ брака. Будучи плодомъ брака, какъ Божія учрежденія, дѣти объявляются чадами не земнаго только, но и небеснаго царства. Какъ же съ этими словами Спасителя о бракѣ и съ Его дѣйствіями въ отношеніи къ браку и къ дѣтямъ вяжется мысль гр. Толстаго, будтобы бракъ не есть христіанское учрежденіе и даже не можетъ быть таковымъ? Получивши свое происхожденіе по волѣ Божіей съ самаго начала существованія человѣческаго рода, бракъ въ христіанской религіи на самомъ дѣлѣ получаетъ, какъ мы видѣли, новое освященіе и новый смыслъ, а не уничтожается, какъ завѣряетъ гр. Толстой. Слова Спасителя вообще о бракѣ и въ особен-

---

[1]) Іоанна 2, 1—11.

[2]) Стран. 95 въ *Требникѣ*.

[3]) Матѳ. 19, 13—15.

ности слѣдующія: *чтó Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ* служатъ для гр. Толстаго, равно для всѣхъ хулителей и недостаточныхъ цѣнителей брака, предостереженіемъ и укоромъ, а не чѣмъ-либо инымъ. Итакъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію то, что христіанскій бракъ есть учрежденіе Самого Богочеловѣка.

Нужно-ли, послѣ этого, распространяться въ доказательствахъ того, что ни апостолы, ни писатели первыхъ трехъ вѣковъ, свидѣтельствамъ каковыхъ писателей гр. Толстой еще довѣряетъ, не могли смотрѣть и не смотрятъ на бракъ иначе, чѣмъ I. Христосъ?

Что касается апостоловъ, то св. апостолъ Павелъ, какъ и другіе апостолы, признаетъ не инымъ чѣмъ, какъ ересью ученіе о ненужности и скверности брака. Въ періодъ апостольскій въ Ефесѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, возникло аскетическо-гностическое направленіе, которое, видя въ тѣлѣ источникъ зла, питало враждебное отношеніе къ браку и къ женщинѣ. Представителей этого направленія Апостолъ называетъ „лжесловесниками, сожженными въ совѣсти своей“, а ученіе ихъ—противнымъ истинѣ [1]). Онъ прямо говоритъ, что бракъ, при христіанскомъ настроеніи супруговъ, честенъ, достоинъ почитанія (τίμιος), и брачное ихъ ложе непорочно, свято (ἀμίαντος), и убѣждаетъ всѣхъ брачущихся стремиться къ такого рода брачной жизни [2]). Въ словахъ Апостола объ еретикахъ, унижающихъ бракъ, и о свойствахъ истиннаго супружескаго союза гр. Толстой можетъ нахо-

---

[1]) 1 Тимоѳ. 4, 1—8.

[2]) Евр. 13, 4.

дить только обличенiе, а не подтвержденiе своихъ заблужденiй. Положимъ, у св. апостола Павла есть слова, говорящiя, что хорошо человѣку не касаться женщины [1]). Но развѣ слѣдуетъ изъ этихъ словъ, будтобы по идеѣ своей бракъ — не святое дѣло? Апостолъ не могъ противорѣчить и не противорѣчитъ себѣ самому. Говоря, что человѣку лучше не жениться, Онъ имѣетъ въ виду, во-первыхъ, тягостныя условiя тогдашней жизни христiанъ. Ему, по чувству жалости, хотѣлось, чтобы люди не усиливали семейными заботами и безъ того тяжкаго своего положенiя [2]). Во-вторыхъ, Апостолъ прямо указываетъ, что для семейной жизни нужно имѣть, какъ и для дѣвственной, особое дарованiе отъ Бога [3]). Значитъ, Апостолъ восхваляетъ безбрачiе въ отношенiи къ особому положенiю людей и къ особымъ индивидуальнымъ ихъ свойствамъ.

Обращаясь къ церковнымъ писателямъ первыхъ трехъ вѣковъ, мы находимъ и у нихъ признанiе богоучрежденности и святости брака, высказанное то прямо, то косвенно. Трудно съ несомнѣнностью сказать, кто именно былъ писателемъ новооткрытаго памятника древней церковной литературы, извѣстнаго подъ заглавiемъ: *Ученiе двѣнадцати апостоловъ*, но его глубокая древность и авторитетность не оспоримы [4]) Запрещая блудъ и прелюбодѣянiе, составитель этого церковно-

[1]) 1 Коринѳ. 7, 1.

[2]) Ibid. стихи 26 и 28. Еслибы слова Апостола: *хорошо человѣку некасаться женщины* понимать такъ, какъ нѣкоторые понимаютъ ихъ, въ такомъ случаѣ они были-бы непримиримы съ словами Бога: *не хорошо человѣку быть одному* (Быт. 2, 18)....

[3]) Ibid. стихъ 7-й.

[4]) См. Введенiе и примѣчанiя къ этому памятнику проф. Попова (2-е издан., Кiевъ, 1885 г.).

литературнаго произведенія явно допускаетъ правильность существованія и важное значеніе брака и внушаетъ родителямъ заботиться о добромъ воспитаніи своихъ дѣтей [1]). Древніе христіанскіе апологеты говорили о христіанахъ, что они *охотно* пребываютъ въ узахъ брака и цѣломудренно проводятъ брачную жизнь, свято соблюдая супружескую вѣрность и не предаваясь половымъ излишествамъ [2]). Но о чемъ же говоритъ это, какъ не о томъ, что и съ точки зрѣнія этихъ писателей бракъ честенъ и брачное ложе по идеѣ своей безпорочно? Тотъ-же взглядъ на этотъ предметъ мы находимъ и у мужей апостольскихъ. Они строго осуждаютъ всякое половое физическое общеніе внѣ законнаго брака, но отнюдь не бракъ. Такъ наприм. пастырь Ерма говоритъ: „злая похоть состоитъ въ томъ, чтобы желать *чужой* жены или женѣ желать *чужаго* мужа“ [3]). Св. Игнатій Богоносецъ пишетъ Поликарпу, между прочимъ, слѣдующее: „сестрамъ моимъ внушай, чтобы они любили Господа и были довольны своими сожителями по плоти и духу. Равнымъ образомъ, и братьямъ моимъ заповѣдуй именемъ І. Христа, чтобы они любили сожительницъ своихъ, какъ Господь—Церковь. А тѣ, которые женятся и выходятъ замужъ, должны вступать въ союзъ съ согласія епископа, чтобы бракъ былъ о Господѣ, а не по похоти. Пусть всё будетъ во славу Божію“ [4]). Какъ видимъ, бракъ здѣсь

---

[1]) Ibid. стран. 30 и 31 въ текстѣ памятника.

[2]) Стран. 357 и друг. въ перев. *Апологетич. сочиненій*, сдѣланномъ о. Преображенскимъ (Москва, 1867).

[3]) Стран. 277 въ *Писаніяхъ мужей апостольскихъ*. Переводъ о. Преображенскаго. Москва, 1862 г.

[4]) Ibid. стран. 427 и 428. См. также Климента Александрійскаго Stromata IV. c. 12.

не только не унижается, но признается способнымъ и долженствующимъ служить къ прославленію Бога. О богоучрежденности брака и о святости его у истинныхъ христіанъ говоритъ и св. Ириней Ліонскій [1]).

Не отрицаемъ, впрочемъ, что то у тѣхъ, то у другихъ отдѣльныхъ церковныхъ писателей, особенно же позднѣйшихъ, встрѣчаются и неблагопріятные для брака взгляды. Этихъ-то писателей, вѣроятно, и имѣлъ въ виду гр. Толстой, ссылаясь на христіанъ разныхъ вѣковъ. Но подобная ссылка нисколько не доказываетъ, будтобы мнѣніе гр. Толстаго о бракѣ и физическомъ половомъ общеніи имѣетъ за себя какое-нибудь чисто-христіанское основаніе. Одни изъ указаннаго рода церковныхъ писателей, какъ наприм. Тертулліанъ въ монтанистскій періодъ своей дѣятельности, или Оригенъ вообще, выражали въ своихъ воззрѣніяхъ на бракъ и женщину чуждыя христіанству идеи. Другіе изъ церковныхъ писателей, вторившіе въ этомъ отношеніи Тертулліану или Оригену, оказываются просто учениками то того, то другаго, хотя-бы и не непосредственными. У третьихъ изъ церковныхъ писателей этой категоріи находимъ не только колебанія, но и явныя противорѣчія во взглядѣ на бракъ и женщину: то они унижаютъ ихъ, то возвышаютъ. Четвертые, наконецъ, прямо и безусловно представляются еретиками въ своихъ взглядахъ и не на бракъ только. Разумѣю нѣкоторыхъ писателей западной церкви, до которыхъ православному, впрочемъ, нѣтъ никакой нужды. Главное-же дѣло—въ томъ, что люди, желающіе имѣть вѣрное по-

---

[1]) Стран. 445, 451 и другія въ его *Сочиненіяхъ*, переведенныхъ о. Преображенскимъ-же (Москва, 1871 г.).

нятіе о воззрѣніи христіанства на бракъ, должны руководствоваться ученіемъ о немъ православной церкви, какъ и вообще ея догматическимъ ученіемъ, которое выражаетъ не *частные* и *случайные* взгляды тѣхъ или иныхъ церковныхъ писателей, а представляетъ собою ученіе самого І. Христа и Его апостоловъ, содержимое и хранимое общецерковнымъ сознаніемъ при помощи Духа Святаго. Это общецерковное сознаніе видѣло и видитъ въ христіанскомъ бракѣ *таинство*, въ коемъ брачущіеся получаютъ *особую* благодать Божію. Фактъ этотъ, если въ него вдуматься, имѣетъ *необычайную* важность...: Въ виду *особой* святости истинно-христіанскаго супружескаго союза православная церковь и постановила: „аще кто дѣвствуетъ, или воздерживается, удаляяся отъ брака, яко гнушающійся имъ, да будетъ подъ клятвою“ [1]). Въ этихъ словахъ Церковь давно уже дала свой приговоръ касательно мысли гр. Толстаго, будтобы вступленіе въ бракъ и плотское общеніе въ немъ съ христіанской точки зрѣнія есть слабость, грѣхъ, паденіе.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ той мысли гр. Толстаго, будтобы дѣвство *само по себѣ*, какъ извѣстное физіологическое состояніе, представляетъ собою какое-то безусловное совершенство сравнительно съ брачнымъ состояніемъ [2]). Эту мысль свою онъ старается оправдать, главнымъ образомъ, ссылкою на слова І. Христа. Чтобы показать антиморальность

---

[1]) Стран. 163 въ *Книгѣ правилъ*.

[2]) Стран. 36 и друг. въ *Крейцеровой Сонатѣ*. Гр. Толстой прямо говоритъ, что не знавшіе половаго физическаго общенія уже по тому самому суть какія-то «высшія существа» сравнительно съ другими людьми. Спрашивается: какъ-же изъ добрыхъ духовъ многіе стали вмѣстилищемъ зла? Вѣдь всѣ духи—дѣвственники.

взгляда гр. Толстаго и не впасть, подобно этому писателю, въ какой-либо субъективизмъ въ пониманіи словъ Спасителя, касающихся брака и безбрачія, сперва приведу важнѣйшія изъ соборныхъ опредѣленій, относящихся сюда, и уясню ихъ смыслъ, а затѣмъ уже перейду къ разсмотрѣнію главныхъ доказательствъ, приводимыхъ гр. Толстымъ и его послѣдователями въ пользу безусловнаго преимущества безбрачія, какъ безбрачія, предъ бракомъ. Хотя мысли, высказанныя св. соборами православной церкви, встрѣчаются и у отдѣльныхъ писателей ея, какъ напр. у св. Игнатія Богоносца и другихъ, но ссылка на соборныя опредѣленія имѣетъ наиболѣе важное значеніе: отдѣльные писатели церковные могли выражать свой личный взглядъ на дѣло, тогда какъ въ соборныхъ постановленіяхъ сказалось наиболѣе авторитетное и объективное воззрѣніе, обязательное для *всѣхъ* членовъ церкви Христовой. Чтó же гласятъ соборныя постановленія?

Въ одномъ изъ постановленій Гангрскáго собора, признанныхъ и вселенскими позднѣйшими соборами, читаемъ слѣдующее: „еще кто изъ дѣвствующихъ ради Господа будетъ превозноситися надъ бракосочетавшимися, да будетъ подъ клятвою“ [1]). Въ 21-мъ правилѣ того-же собора значится, между прочимъ, слѣдующее: „мы и дѣвство, со смиреніемъ соединенное, чтимъ, и воздержаніе, съ честностью и благочестіемъ соблюдаемое, пріемлемъ, и смиренное отшельничество отъ мірскихъ дѣлъ одобряемъ, и брачное честное сожительство почитаемъ“ [2]). Какъ видимъ, православная церковь,

---

[1]) **Стран. 163 въ** ***Книгѣ правилъ.***

[2]) **Ibid. стран. 165.**

въ лицѣ представителей соборовъ своихъ, отнюдь не поставляетъ *самого въ себѣ* безбрачія выше брака, а признаетъ ихъ одинаково законными и достойными формами проявленія нравственной жизни человѣка. Значитъ, уже и изъ словъ Гангрскаго собора ясно, что гр. Толстой ошибается, увѣряя, будтобы съ христіанской точки зрѣнія дѣвство *само по себѣ*, какъ таковое, есть вообще несомнѣнное совершенство сравнительно со всякимъ брачнымъ состояніемъ. Взглядъ церкви, выразившійся въ указанныхъ церковныхъ постановленіяхъ, безмѣрно возвышается по своей нравственной высотѣ надъ точкою зрѣнія гр. Толстаго. Для послѣдняго, какъ и для язычниковъ, цѣнившихъ наприм. въ весталкахъ одно физичеекое дѣвство, нравственной точки зрѣнія даже какъ будтобы не существуетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто-же не знаетъ, что, будучи безспорно дѣвственнымъ физически, человѣкъ можетъ быть въ тоже время величайшимъ изъ нравственныхъ уродовъ? Его воображеніе можетъ быть до крайности растлѣно, такъ что онъ постоянно и упорно попираетъ слова Спасителя, воспрещающія смотрѣть на женщину съ плотскимъ вожделѣніемъ. Онъ можетъ быть безбожникомъ, крайнимъ эгоистомъ, исполненнымъ самаго чудовищнаго безсердечія, даже врагомъ всего добраго. Неужели такой человѣкъ, поелику онъ—дѣвственникъ, совершеннѣе женатаго человѣка, но истиннаго христіанина? По взгляду гр. Толстаго, послѣдовательно проводимому, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только утвердительнымъ. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія православной церкви этотъ дѣвственникъ есть просто нравственный уродъ, каковаго можетъ не встрѣтиться между

супругами даже самой посредственной нравственности. Такой взглядъ вполнѣ понятенъ и безусловно разуменъ. Дѣвство должно цѣниться постольку, поскольку оно выходитъ изъ чистыхъ нравственныхъ побужденій, поскольку выражается не въ физической лишь особенности, но и въ чистотѣ помысловъ и настроенія человѣка, поскольку соединено съ истинной любовью къ Богу и къ ближнимъ и проникнуто смиреніемъ. Такое дѣвство дѣйствительно представляетъ собою *высокое* нравственное явленіе. Но коль скоро дѣвственникъ чуждъ всего этого, то въ нравственномъ отношеніи онъ и долженъ быть неизмѣримо ниже всякаго семьянина, надлежаще выполняющаго свой долгъ. Но и этого сказать мало.

Съ точки зрѣнія православно-христіанской, какъ это видно изъ 21-го правила Гангрскаго собора, намъ, людямъ, въ сущности нельзя рѣшить вопроса даже и о томъ, кто выше: такой-то хорошій дѣвственникъ или такой-то хорошій супругъ? Бракъ и безбрачіе суть двѣ одинаково-законныя формы проявленія нравственной жизни человѣка. Кто же въ нравственномъ отношеніи выше: такой-то хорошій дѣвственникъ, или такой-то хорошій семьянинъ, это можетъ опредѣлить только Господь—сердцевѣдецъ на основаніи личнаго отношенія людей къ взятому ими на себя долгу, но не на основаніи простаго факта безбрачія или брака. „Чувствуемъ-ли мы себя въ силахъ, говоритъ преосвященный Сильвестръ, даже одною мыслію своею подняться на ту точку зрѣнія, съ какой правдою божественною будутъ разсматриваемы и обсуждаемы наши добрыя дѣла, бывъ взвѣшиваемы и опредѣляемы, конечно, въ связи со всѣми сокровенными и явными усло-

віями и данными, какія только могли имѣть свое вліяніе и значеніе при совершеніи того или другаго добраго дѣла, наприм. въ связи съ сокровеннѣйшими побужденіими, мыслями и чувствами, предварявшими и сопровождавшими дѣло, въ связи съ постоянно или мимолетно добрымъ настроеніемъ совершителя его, и съ степенью крѣпости и развитія его душевныхъ силъ, въ связи, далѣе, со всѣми внѣшними условіями духа времени и обстоятельствъ, благопріятствовавшими или препятствовавшими совершенію добраго дѣла, потребовавшими для него легкаго и спокойнаго труда, или самой напряженнѣйшей и самоотверженнѣйшей дѣятельности, и т. под. Пытаться подняться на эту высоту божественнаго созерцанія и суда значитъ понапрасну пытаться проникнуть въ область, доступную одному всевѣдѣнію, и овладѣть ею“ [1]).

Что дѣйствительно люди способны ошибаться въ своей оцѣнкѣ нравственнаго достоинства и совершенства разныхъ людей, въ пользу этого говорятъ самыя авторитетныя для насъ свидѣтельства. Укажу хотя на нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ житіи св. Макарія Египетскаго разсказывается, между прочимъ, слѣдующее. Преподобный подвижникъ достигъ уже такой степени нравственнаго „совершенства“, что Богъ удостоилъ его и дара чудотворенія. Но что же? Однажды, когда молился подвижникъ, были обращены къ нему слѣдующія слова Господа: „Макарій!

[1]) Стран. 15 въ 1 кн. Трудовъ Кіевск. Духовн. Академіи за 1875 г. Въ этой прекрасной статьѣ («О добрыхъ дѣлахъ») читатели найдутъ и вообще много такого, чтó служитъ доказательствомъ правильности нашего взгляда по вопросу о нравственномъ достоинствѣ безбрачія и брака, хотя авторъ и говоритъ только объ отреченіи отъ собственности.

ты не достигъ еще такой нравственной чистоты, какой достигли двѣ *замужнія* женщины, живущія въ ближайшемъ городѣ". Услышавши это, преподобный Макарій взялъ посохъ и отправился изъ своей пустыни въ отдаленный городъ. Отыскавши здѣсь женщинъ, указанныхъ ему Богомъ, великій подвижникъ просилъ ихъ повѣдать ему объ ихъ богоугодной жизни и праведныхъ ихъ дѣлахъ. Исполненныя смиренія, женщины отвѣчали ему: „какихъ добрыхъ дѣлъ ищешь отъ насъ? Мы и вчерашнюю ночь не были свободны отъ брачнаго ложа съ нашими мужьями". Однако, св. подвижникъ настаивалъ на своей просьбѣ, чтобы онѣ разсказали ему о дѣлахъ своихъ, коими онѣ столько угодили Богу. Изъ ихъ отвѣта св. Макарій узналъ лишь то, что онѣ замужемъ за родными братьями, живутъ одна съ другою втеченіе 15 лѣтъ въ полномъ единодушіи и мирѣ, избѣгаютъ всякаго дурнаго помысла и слова и, неимѣя возможности быть въ сонмѣ дѣвственницъ, свято исполняютъ свой супружескій долгъ. Услышавши это, св. подвижникъ воскликнулъ: „по истинѣ Богъ не полагаетъ различія между дѣвами и замужними, между иноками и мірянами, но ищетъ лишь добрыхъ стремленій и добраго душевнаго настроенія и каждому одинаково подаётъ свою спасающую благодать согласно съ его благими влеченіями и намѣреніями" [1]). Въ разсказѣ о св. Пафнутіи находимъ подобное же. Этотъ великій подвижникъ-пустынникъ однажды въ молитвѣ своей просилъ Бога указать ему, какимъ святымъ онъ уподобился-бы своимъ подвижничествомъ. Господь, одна-

---

[1]) См. въ *Книгѣ Житій Святыхъ* подъ 19 января (Синод. типографія, 1852 г.). Передаёмъ порусски и въ самостоятельномъ, но точномъ изложеніи содержаніе и смыслъ славянскаго текста.

ко, указалъ ему не на инаго кого, а на старѣйшину ближайшаго селенія. Св. Пафнутій отправляется въ это селеніе и отыскиваетъ указаннаго ему старѣйшину. Что же онъ узнаётъ? Старѣйшина, какъ оказалось, не только самъ, втеченіе всей своей жизни, былъ самоотверженнымъ другомъ бѣдныхъ, сиротствующихъ, притѣсняемыхъ, являлся умиротворителемъ враждующихъ и ссорящихся ближнихъ и вообще старался дѣлать всякое добро окружающимъ его, но и дѣтей своихъ воспиталъ въ томъ-же христіански-добромъ настроеніи и научилъ ихъ быть самоотверженными слугами ближнихъ и радѣтелями объ ихъ духовномъ и матеріальномъ благѣ [1]). Такихъ весьма поучительныхъ повѣствованій можно было-бы привести весьма много....

Всѣ такого рода факты неоспоримо свидѣтельствуютъ, что не намъ, людямъ, брать на себя право и не намъ, людямъ, доступно рѣшать, кто въ нравственномъ отношеніи выше: такой-то хорошій дѣвственникъ или такой-то хорошій семьянинъ? Это можетъ рѣшить дѣйствительно лишь всевѣдущій и правосудный Господь.

Еслибы, въ опроверженіе этого, указалъ кто-нибудь на то, что наприм. св. Аѳанасій александрійскій, говоря о двухъ путяхъ ко спасенію, безбрачномъ и семейномъ, называетъ первый изъ нихъ превосходнѣйшимъ въ сравненіи со вторымъ, то и эта ссылка, конечно, нисколько не въ состояніи ослабить смысла и значенія приведенныхъ весьма важныхъ фактовъ.... Съ другой стороны, развѣ еще не рѣшено: какъ правиль-

[1]) Стран. 11 и 12 въ брошюрѣ г. профессора А. И. Пономарева подъ заглавіемъ: *Славяно-русскій прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и научно-литературномъ значеніи* (Спб. 1890 г.).

нѣе нужно понимать слова св. Аѳанасія о двухъ путяхъ ко спасенію и о превосходствѣ одного изъ нихъ? Комментируя эти слова знаменитаго отца церкви, нашъ первоклассный канонистъ, епископъ Іоаннъ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Это различіе путей не къ тому ведётъ, чтобы состояніе дѣвства, или безбрачіе, само по себѣ *было* или *могло* почитаться совершенствомъ жизни.... Ибо общія правила христіанской жизни, по духу Евангелія, *одни* для *всѣхъ* христіанъ во *всѣхъ* ихъ званіяхъ и состояніяхъ“ [1]). Но коль скоро само по себѣ дѣвство или безбрачіе не можетъ быть почитаемо какимъ-либо совершенствомъ и коль скоро христіанинъ, будетъ-ли онъ безбрачнымъ или семьяниномъ, призванъ выполнять и осуществлять въ своей жизни одну и туже волю Божію, одинаково святую и одинаково обязательную и во всѣхъ ея частныхъ требованіяхъ, то, значитъ, и нравственная цѣнность жизнедѣятельности людей опредѣляется лишь ихъ личнымъ отношеніемъ къ волѣ Божіей, а не внѣшними формами, въ какія она облекается у разныхъ лицъ въ зависимости отъ особенностей ихъ положенія и призванія. Отсюда же видно и то, что св. Аѳанасій называетъ безбрачіе, сравнительно съ бракомъ, превосходнѣйшимъ состояніемъ въ смыслѣ его наибольшей пригодности для лицъ, призванныхъ къ безбрачію особенностями-ли своей индивидуальной природы или своимъ особымъ служеніемъ Богу и людямъ, но отнюдь не въ томъ смыслѣ, будтобы дѣвственникъ, просто какъ дѣвственникъ, стоитъ въ нравственномъ отношеніи выше всякаго семьянина-христіанина и будтобы

[1]) Стран. 2 и 4 во 2 т. *Опыта курса церковнаго законовѣдѣнія* (Спб. 1851 г.).

послѣдній не можетъ стать въ этомъ отношеніи выше кого-либо изъ дѣвственниковъ. Этотъ взглядъ на бракъ и безбрачіе и *самъ собою*, даже безъ постороннихъ комментаріевъ, вытекаетъ изъ словъ св. Аѳанасія александрійскаго, какъ и изъ *подобныхъ-же* словъ прочихъ учителей православной церкви, если мы станемъ разсматривать эти слова неотрывочно, а въ связи съ другими словами въ ихъ же твореніяхъ и вообще со *всѣмъ* строемъ ихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній.... Противное раскрываемому пониманіе дѣла еще имѣетъ мѣсто въ *папистической* религіозно-нравственной доктринѣ,—у католическихъ богослововъ, защитниковъ ея, гдѣ оно органически связано и съ идеею о такъ называемыхъ „сверхдолжныхъ заслугахъ“, не допустимыхъ не только съ истинно-христіанской точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія всякаго болѣе здраваго религіозно-нравственнаго сознанія [1]). Взглядъ-же православной церкви на этотъ предметъ, какъ видимъ, совершенно иной.

Гр. Толстой, однако, усиливается отстранить этотъ здравый взглядъ на дѣло: всякая, достойная человѣка, цѣль, говоритъ онъ, служеніе-ли Богу, или отечеству, или наукѣ, находится *внѣ личнаго наслажденія*, тогда какъ бракъ, половая любовь, съ нимъ прямо связанъ, а потому семейная жизнь только затрудняетъ достиженіе достойной человѣка цѣли.

---

[1]) См. о такъ называемыхъ сверхдолжныхъ заслугахъ въ *Догматич. богословіи* высокопреосвященнаго Макарія, въ *Обличител. богословіи* архим. Иннокентія и въ спеціальномъ сочиненіи г. профессора Н. Я. Бѣляева: *Римско-католическое ученіе объ удовлетвореніи Богу со стороны человѣка* (Казань, 1876 г.). Что же касается до гр. Толстаго, то у него и католическій взглядъ на бракъ и безбрачіе извращенъ и доведенъ до абсурда, а православно-христіанскаго воззрѣнія и слѣда нѣтъ....

Что касается вопроса о личномъ наслажденіи, то относительно этого мы находимъ прекрасное замѣчаніе еще у апостольскаго мужа Ермы. „Всякое дѣло, говоритъ онъ, есть удовольствіе человѣку, если онъ дѣлаетъ его съ пріятностью“ [1]). Раскрывши мысль о разныхъ видахъ порочныхъ наслажденій, пастырь Ерма продолжаетъ: совершая добрыя дѣла, люди тоже получаютъ удовольствія, но чистыя, и тоже находятъ въ нихъ сладость для себя [2]). Всѣ эти разнородныя наслажденія суть, конечно, *личныя* наслажденія, ибо *безличныхъ* наслажденій не бываетъ и быть не можетъ. Всё дѣло, значитъ, сводится къ тому, чисты-ли наслажденія, даруемыя семейной жизнью? Утверждать, что эти наслажденія не чисты даже у истинно-христіанскаго семьянина, значитъ выходить уже изъ опровергнутой точки зрѣнія на бракъ, какъ на грѣхъ, на паденіе человѣка. Еслибы гр. Толстой указалъ на то, что наслажденія въ брачной жизни имѣютъ чувственный характеръ, а потому дурны, онъ былъ-бы неправъ. Семейная жизнь, какъ семейная, будучи проникнута христіанскимъ духомъ, не только не закрываетъ отъ семьянина источниковъ духовныхъ наслажденій, но иногда увеличиваетъ ихъ число. Такъ, напримѣръ, съ христіанской точки зрѣнія развѣ не представляются *высокими* духовными наслажденіями чувства, испытываемыя супругами въ виду возрастанія въ томъ или другомъ изъ нихъ добрыхъ стремленій и склонностей, или чувства, переживаемыя родителями, когда они видятъ развитіе и укорененіе въ дѣтяхъ своихъ любви къ истинному, доброму и прекрасному? Вообще то,

[1]) Стран. 300 въ *Писаніяхъ мужей апостольскихъ*.

[2]) Ibidem.

чтó получается въ семейной жизни людей для духовнаго блага ихъ самихъ и для окружающей ихъ среды, зависитъ отъ того, какъ относятся они къ нравственной задачѣ своей жизни. Затѣмъ, наслажденіе наприм. пищею хотя есть и чувственное наслажденіе, но оно отнюдь не становится отъ одного этого дурнымъ. Напротивъ, у истиннаго христіанина оно можетъ быть возвышеннымъ по своей нравственной сторонѣ [1]). Не распространяюсь уже о томъ, что не иной кто, а самъ Богъ-же благоволилъ устроить такъ, чтобы и съ удовлетвореніемъ чувственныхъ пôтребностей соединялось то или иное наслажденіе. Съ другой стороны, почему гр. Толстой разсматриваетъ семейную жизнь, только какъ источникъ наслажденій? Она есть подвигъ выполненія сложныхъ и великихъ обязанностей и неизбѣжно связана съ своего рода крестоношеніемъ, весьма разнообразящимся у разныхъ людей, но никогда не отсутствующимъ....

Невѣрною представляется и та мысль гр. Толстаго, будто семейная жизнь *всегда* затрудняетъ достиженіе достойной человѣка цѣли и будто, поэтому, она нравственно безцѣнна. Толстовцы въ защиту этого взгляда своего „великаго учителя" предпочитаютъ ссылаться на св. апостола Павла, говорящаго, что женатые заботятся не объ угожденіи Богу, а объ угожденіи другъ другу [2]). Но правы ли толстовцы? Еслибы всякій брачный союзъ неизбѣжно былъ связанъ съ предосудительнымъ угожденіемъ супруговъ другъ другу и, значитъ, съ недостаточнымъ памятованіемъ о Богѣ, тогда Апостолъ и не защищалъ бы брака противъ нападокъ

[1]) 1 Коринѳ. 10, 31.
[2]) 1 Коринѳ. 7, 32—35.

со стороны еретиковъ [1]). За тѣмъ, коль скоро слова Апостола дѣйствительно имѣли бы тотъ смыслъ, какой имъ усвояютъ толстовцы, въ такомъ случаѣ у него не встрѣчалось-бы слѣдующихъ словъ, относящихся къ нѣкоторымъ христіанскимъ общинамъ того времени, въ коихъ, конечно, были и безбрачные: *всѣ ищутъ своего, а не того, что угодно Іисусу Христу* [2]). Далѣе, понимая слова Апостола такъ, какъ разумѣютъ ихъ толстовцы, лишаемся возможности объяснить себѣ причины *особенныхъ* похвалъ, высказываемыхъ этимъ-же самымъ Апостоломъ весьма многимъ *мужьямъ* и *женамъ* его времени [3]). Словомъ: усвоять Апостолу чисто-толстовское воззрѣніе значило-бы поставлять величайшаго изъ мыслителей въ непримиримое противорѣчіе съ самимъ собою, каковаго на самомъ дѣлѣ у него нѣтъ и не могло быть. А если это такъ, то Апостолъ указанными словами своими говоритъ, очевидно, только ту истину, что многіе изъ вступающихъ въ бракъ способны скорѣе уходить всецѣло въ языческія заботы другъ о другѣ, чѣмъ поддерживать и возращать въ себѣ религіозно-нравственныя потребности и стремленія. Но дѣлать это не значитъ-ли измѣнять именно требованіямъ христіанской супружеской жизни? Злоупотребленіе ею здѣсь несомнѣнно [4]). Но чѣмъ-же не злоупотребляли и не злоупотребляютъ люди? Читая постановленія св. апостоловъ, св. соборовъ и св. отцовъ, находимъ весьма

---

[1]) Колосс. 2, 18. 1 Тимоѳ. 4, 2—3.

[2]) Филипп. 2, 21.

[3]) 1 Коринѳ. 16, 15—16. 2 Коринѳ. 8, 1—5. 2 Тимоѳ. 1, 16—18. 2 Тимоѳ. 4, 19 и друг.

[4]) 1 Тимоѳ. гл. 2 ст. 8, 10 и 15.

много указаній на злоупотребленія и обѣтами дѣвства [1]. Но злоупотребленія бракомъ-ли или чѣмъ-нибудь инымъ развѣ представляютъ собою что-либо неизбѣжное, не устранимое никакою борьбою человѣка, при помощи благодати Божіей, съ нашими низменными влеченіями и съ внѣшними соблазнами? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ самъ-же св. апостолъ Павелъ: всё доброе доступно нашимъ силамъ, если Господь покрѣпляетъ насъ [2]. Тамъ, гдѣ эта борьба и эта помощь Божія есть, и при семейной жизни вполнѣ возможно служеніе Богу. Осуществить въ своей семейной жизни, по мѣрѣ возможности, идеалъ христіанскихъ отношеній между мужемъ и женою, между родителями и дѣтьми, между членами семейства и членами общества, государства, народа, человѣчества развѣ не значитъ именно этимъ служить Богу? Семейная жизнь развѣ помѣшала Моисею быть благочестивымъ человѣкомъ, стать вождемъ израильскаго народа, удостоиться особыхъ откровеній Божіихъ и явиться величайшимъ изъ пророковъ? Апостолъ Петръ развѣ меньшій изъ апостоловъ потому, что былъ женатъ? Пусть иногда будетъ труднѣе семейному человѣку сдѣлать что-либо въ дѣлѣ служенія Богу и людямъ. Но вѣдь чѣмъ больше пришлось ему бороться съ разными трудностями и соблазнами и чѣмъ настойчивѣе онъ побѣждалъ ихъ, тѣмъ выше, а не ниже, становится въ нравственномъ отношеніи то, что́ онъ сдѣлалъ, и самъ онъ [3]. Вопросъ объ *удобст-*

---

[1]) Стран. 59, 63, 101, 154, 179, 181 и др. въ *Книгѣ правилъ*.

[2]) Филип. 4. 13.

[3]) См. прекрасныя слова объ этомъ Климента Александрійскаго въ его Stromata (III, cap. 4).

вахъ что-либо дѣлать никогда не слѣдуетъ смѣшиватъ съ вопросовъ о нравственномъ достоинствѣ дѣйствованія, а между тѣмъ гр. Толстой ихъ смѣшиваетъ.

Такимъ образомъ, мысль гр. Толстаго, будтобы дѣвство *само по себѣ* есть безусловное совершенство сравнительно даже съ законной брачной жизнью, представляется лишенною всякихъ основаній. Если же онъ видитъ доказательство этой мысли особенно въ словахъ І. Христа, то это свидѣтельствуетъ лишь о превратномъ пониманіи этихъ словъ. Чтобы яснѣе была видна предвзятость взгляда гр. Толстаго, приведу буквально слова І. Христа, на которыя онъ опирается, и постараюсь уяснить ихъ подлинный смыслъ.

Строгій и возвышенный взглядъ Спасителя на бракъ и слова Его о нерасторжимости брака вызвали замѣчаніе со стороны учениковъ, что если таковы супружескія обязанности, то лучше не жениться [1]). Въ отвѣтъ на это замѣчаніе І. Христосъ сказалъ слѣдующее: *не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано.... Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ* [2]). Есть-ли въ этихъ словахъ хотя намекъ на то, что *само въ себѣ* безбрачіе есть уже дѣйствительное совершенство сравнитель-

---

[1]) Матѳ. 19, 7—10.

[2]) Ibid. 11 и 12. Толстовцамъ всего лучше было-бы ссылаться на 4-й стихъ въ 14-й главѣ *Апокалипсиса*. Однако же, и эта ссылка не доказывала бы правоты ихъ взгляда. Во-первыхъ, упоминаемые здѣсь дѣвственники, какъ видно изъ 3-го стиха, отнюдь не поставлены выше тѣхъ, кои символически изображаются подъ видомъ четырехъ животныхъ, и тѣхъ, кои названы старцами. Но кто же не знаетъ, что большинство ихъ въ свое время были женатыми и имѣли дѣтей? За тѣмъ, въ *Апокалипсисѣ* дѣвственники восхваляются не за физическое дѣвство, какъ таковое, а за чистоту своей души при немъ и за свою преданность Богу, какъ это видно изъ 4-го же стиха.

но со всякимъ бракомъ? Конечно, нѣтъ даже и малѣйшаго намека на это. Апостолы высказали собственно ту мысль, что *очень трудно* примириться съ нерасторжимостью брака, когда жизнь съ нелюбимой или порочной женою заставляетъ желать и искать развода, и что въ виду такой крѣпости брачнаго союза лучше, т. е., значитъ, *легче*, вовсе не жениться [1]). На это замѣчаніе Спаситель и говоритъ, что не всѣ мугутъ отказаться отъ брачной жизни, а только тѣ, кто имѣетъ возможность или особую надобность. Сопоставляя слова Спасителя съ словами Его учениковъ, мы не находимъ въ этихъ словахъ, по очевидному свидѣтельству логики, даже и намека на то, будтобы само по себѣ безбрачіе, какъ безбрачіе, непремѣнно представляетъ собою какое-либо несомнѣнное совершенство въ сравненіи со всякимъ бракомъ. О сравнительномъ нравственномъ совершенствѣ или несовершенствѣ этихъ состояній даже и вопросъ не поднимался между І. Христомъ и Его учениками. Слова Спасителя: *кому дано*, какъ указывающія на отвнѣ полученные дары, тоже нисколько не указываютъ на это: нравственную цѣнность и вмѣняемость въ человѣческой жизнедѣятельности имѣетъ только то, что̀ есть плодъ нашихъ усилій. Изъ словъ Спасителя можно и должно вывести только то заключеніе, что для однихъ людей *удобнѣе* бракъ, а для другихъ— безбрачіе. Но и въ этомъ случаѣ было-бы неправильно думать, будто всякій человѣкъ, рѣшившійся проводить безбрачную жизнь, поступаетъ непремѣнно хорошо съ христіанской точки зрѣнія.

---

[1]) Такъ смотритъ на дѣло и высокопреосвящ. Никаноръ (см. стран. 38 въ его Бесѣдѣ).

Для избранія безбрачной жизни должны быть уважительные съ христіанской точки зрѣнія мотивы. Это вполнѣ понятно, такъ какъ бракъ есть божественное учрежденіе, преслѣдующее высокія цѣли. Что избирать безбрачіе должно только по нравственно-одобрительнымъ причинамъ, на это есть указанія въ словахъ-же І. Христа, сказанныхъ апостоламъ въ отвѣтъ на ихъ заявленіе, что лучше не жениться. Спаситель указываетъ двѣ категоріи лицъ, для коихъ безбрачіе является дѣломъ необходимымъ и нравственно-одобрительнымъ: это, во-первыхъ, тѣ, которые отъ природы какъ-бы предназначены къ нему и *обязаны* обречь себя на него, а, во-вторыхъ, тѣ, которые, конечно, по особымъ условіямъ своего положенія, *должны* избрать безбрачіе ради интересовъ Царствія Божія [1]). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что коль скоро не требуютъ безбрачія ни индивидуальныя особенности человѣка, ни особенности его положенія или призванія, то уклоненіе отъ брака иногда можетъ быть даже несомнѣннымъ грѣхомъ. Мартенсенъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что безнравственно поступаютъ тѣ, которые только въ видахъ наприм. *личнаго* удобства, или только въ видахъ сохраненія *личной* независимости и проч., не хотятъ вступать въ бракъ [2]). Безнравственность образа дѣйствій подобнаго рода лицъ понятна: въ основѣ его не-

---

[1]) Матѳ. 19, 12. Вопроса о безбрачіи и бракѣ обстоятельнѣе касался я въ своихъ статьяхъ: а) *О евангельскихъ совѣтахъ* (ноябр. кн. *Христіанск. Чтенія* за 1873 г.) и б) *Объ аскетизмѣ* (7 и 8 кн. *Правосл. Обозрѣнія* за 1878 годъ), а потому рекомендую обратиться къ этимъ статьямъ тому, кто желалъ-бы ознакомиться съ болѣе подробнымъ изложеніемъ даннаго предмета или вздумалъ-бы возражать намъ противъ очевидной истины.

[2]) Стран. 449 во 2-мъ томѣ цитованнаго уже сочиненія.

рѣдко лежитъ одинъ и тотъ же самый узкій эгоизмъ, хотя и способный выражаться у разныхъ людей и въ разное время своеобразно, принимая иногда даже благовидную форму....

Такимъ образомъ, мысль гр. Толстаго, будтобы безбрачіе есть *само по себѣ* высшее, совершеннѣйшее состояніе сравнительно съ бракомъ и будтобы христіанство вмѣняетъ всякому человѣку въ обязанность домогаться полнаго дѣвства, не имѣетъ за собою *никакихъ* не только евангельскихъ, но и какихъ бы то ни было другихъ разумныхъ основаній. Поэтому, и призывъ гр. Толстаго къ такъ-называемымъ у него дѣвственнымъ или духовнымъ бракамъ, съ коимъ онъ обращается къ обществу и въ письмѣ своемъ: *Объ отношеніяхъ между полами* [1]), представляетъ собою плодъ задней мысли и грозитъ даже опасными послѣдствіями, еслибы люди вняли этому призыву. По поводу проэкта духовныхъ браковъ г. Николаевъ совершенно справедливо замѣчаетъ слѣдующее: „въ Германіи еще очень недавно, въ первой половинѣ нашего столѣтія, существовали подобныя общества „чистой любви" и проч., но по тому времени имѣвшія оттѣнокъ піэтическаго мистицизма. Мы знаемъ, до какого утонченнаго разврата доходили тогдашніе духовные сестры и братья, духовные мужья и жены" [2]). Съ своей стороны скажемъ, что, еслибы многіе изъ членовъ пропагандируемаго у насъ общества „чистой любви" даже и удержались отъ утонченнаго разврата, дѣло общественной нравственности нисколько отъ этого не выиграло-бы.

---

[1]) См. № 43 газеты: *Недѣля* за 1890 годъ.

[2]) № «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 3 ноября 1890 года.

Мы уже знаемъ, что съ сохраненіемъ полнаго физическаго дѣвства соединимо самое крайнее и разнообразное нравственное изуродованіе человѣка. Да и что́ такое духовный бракъ? Это—величайшій изъ абсурдовъ, позаимствованный гр. Толстымъ у Огюста Конта [1]). Могутъ и должны быть: а) или истинно-христіанская брачная жизнь, б) или дѣвственная жизнь, предпринимаемая по высшимъ религіозно-нравственнымъ побужденіямъ и преслѣдующая высокія религіозно-нравственныя цѣли. Все это *въ высшей степени почтенно* и *желательно*, и нельзя не радоваться, чѣмъ больше является *истинно-христіанскихъ* супруговъ и *истинно-христіанскихъ* дѣвственниковъ. Средины-же между ними, кромѣ уродливостей и ненормальностей, нѣтъ и быть не можетъ. Къ чему же искать и добиваться этихъ уродливостей и ненормальностей? Обычныя супружескія отношенія у всякаго истиннаго христіанина-мужа и у всякой истинной христіанки-жены раньше или позже сами собой переходятъ въ чисто-духовный союзъ брата и сестры. Для кого-же обычная супружеская жизнь, по его личнымъ особенностямъ или въ зависимости отъ особаго положенія или призванія, не должна имѣть мѣста, тому не́зачѣмъ и устроивать „духовныхъ браковъ", отъ коихъ всего одинъ шагъ до *разврата* грубаго или утонченнаго. Тотъ пусть совсѣмъ отречется отъ брака и посвятитъ себя, въ формѣ дѣвственной жизни, а не семейной, распространенію и утвержденію царства Божія на землѣ—царства Христовой истины

---

[1]) Стран. 287 и друг. въ сочиненіи: *Catéchisme Positiviste* (Paris, 1874 г.). Впрочемъ, у Огюста Конта «цѣломудренный» бракъ предназначался главнымъ образомъ для лицъ, неспособныхъ къ дѣторожденію....

и христіанскихъ началъ правды и добра. Напрасно сталъ-бы гр. Толстой или кто-нибудь изъ его послѣдователей ссылаться, въ защиту „духовнаго“ брака, наприм. на извѣстныхъ изъ церковной исторіи мнимыхъ супруговъ: Хрисанѳа и Дарію. Сынъ знатнаго римскаго вельможи, язычника Полемія, Хрисанѳъ долженъ былъ а) или погибнуть мученическою смертью и отказаться отъ радостной и священной для него дѣятельности по распространенію христіанства, б) или только *наружно* вступить въ бракъ съ красавицею Даріею, которую онъ-же обратилъ въ христіанство въ періодъ своего *невольнаго* жениховства, и затѣмъ съ нею вмѣстѣ получить возможность болѣе широкой миссіонерской дѣятельности [1]. Это—фактъ исключительный, и на основаніи его нисколько нельзя отстаивать „духовные браки“, которые начинаетъ усиленно пропагандировать гр. Толстой: Хрисанѳъ и Дарія, строго говоря, не вступали ни въ какой бракъ и о немъ не помышляли; обстоятельства невольно соединили ихъ лишь въ совмѣстной миссіонерской дѣятельности.

Гр. Толстой въ довершеніе своихъ нападокъ на бракъ пытается, какъ мы видѣли, доказать въ *Послѣсловіи* къ *Крейцеровой Сонатѣ* и въ одномъ мѣстѣ этой послѣдней, что проповѣдывать полное цѣломудріе и слѣдов. уничтоженіе рода человѣческаго не значитъ, будтобы, впадать въ противорѣчіе съ христіанствомъ, такъ какъ-де и оно говоритъ о кончинѣ міра. Но развѣ не знаетъ гр. Толстой, что православно-христіанская церковь никогда не учила и не учитъ ни объ уничто-

---

[1]) Стран. 25—29 въ книгѣ: *Училище благочестія.* 14 издан. Спб. 1890 г.

женіи рода человѣческаго, ни объ уничтоженіи міра? Всякій, кто заглядывалъ въ Новый Завѣтъ и давалъ себѣ трудъ прочитать его, долженъ знать, что Спаситель училъ не объ уничтоженіи людей, но о воскресеніи тѣлъ умершихъ и возсоединеніи ихъ съ ихъ душами, чтобы послѣднія продолжали и съ тѣлами своими вѣчную жизнь [1]). Равнымъ образомъ Спаситель училъ не объ уничтоженіи міра, а объ его преобразованіи [2]). А такъ какъ это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, то проповѣдывать абсолютное цѣломудріе и слѣдов. постепенное уничтоженіе рода человѣческаго, какъ это дѣлаетъ гр. Толстой, не значитъ-ли вступать въ новое непримиримое противорѣчіе съ ученіемъ І. Христа? Этого мало: проповѣдывать это значитъ идти противъ воли Всевышняго, Который Самъ назначилъ имѣющій нѣкогда наступить конецъ дальнѣйшему размноженію рода человѣческаго. Проповѣдывать обязательное для всѣхъ дѣвство и слѣдов. постепенное уничтоженіе рода человѣческаго самими-же людьми значитъ дерзко вторгаться въ планы премудро-всемогущаго Бога и объявлять Ему войну. Не странны-ли и не загадочны-ли, послѣ этого, увѣренія гр. Толстаго, будтобы онъ учитъ только тому, чему учитъ Христосъ?! Но писатель этотъ пытается доказать даже неизбѣжность уничтоженія рода человѣческаго. Онъ говоритъ, что христіанскій идеалъ состоитъ въ соединеніи лю-

---

[1]) Іоан. 5, 25; Матѳ. 25, 31—46. Что гр. Толстой превратно истолковываетъ и христіанскій догматъ о безсмертіи и воскресеніи, это обстоятельно показано въ моемъ сочиненіи: *Графъ Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра* (стр. 426—450).

[2]) Матѳ. 24, 35. 2 Петр. 3, 13.

бовью *всего* живущаго, т. е. людей и животныхъ [1]), и что съ достиженіемъ этого идеала должно само собою прекратиться движеніе жизни, такъ какъ оно-де возможно лишь при неосуществленіи идеала. Спрашивается: откуда взялъ гр. Толстой, будто христіанскій идеалъ состоитъ въ соединеніи любовью людей и животныхъ? Говорить это значитъ произвольно усвоять христіанству не принадлежащее ему. Христіанство, между прочимъ, потому и христіанство, что совершенно чуждо мысли о тождественности человѣка и животныхъ и о возможности соединенія людей и животныхъ любовью. Христіанство внушаетъ людямъ избѣгать всякой, невызванной необходимостью, жестокости по отношенію къ какимъ бы то ни было животнымъ и повелѣваетъ охранять жизнь полезныхъ изъ нихъ и утилизировать ихъ ко благу человѣчества, но это не имѣетъ ничего общаго съ проповѣдью объ объединеніи людей и животныхъ любовью. Послѣдняя мыслима только между существами личными, разумно-свободными, чего сказать о животныхъ рѣшительно невозможно. Христіанство, далѣе, потому и христіанство, что оно, въ согласіи со всякимъ здравымъ философскимъ воззрѣніемъ, признающимъ свободу воли, допускаетъ возможность вѣчнаго необъединенія любовью даже и нравственныхъ существъ,

---

[1]) Что гр. Толстой имѣетъ въ виду именно соединеніе только людей и животныхъ любовію, это видно и изъ сочиненія его: Ueber das Leben (см. стран. 128, 171 и другія). Эти мысли, какъ и *весьма многія* другія, «великій учитель» прямо позаимствовалъ у Шопенгауэра (см. стран. 238, 243 и другія въ 4 томѣ Sämmtliche Werke), хотя, для отвода чужихъ глазъ, и упрекнулъ своего благодѣтеля въ мнимой недобросовѣстности (стран. 145 въ Ueber Leben). Что гр. Толстой, какъ философъ-моралистъ, великъ только *чужими* мыслями, это я постараюсь доказать въ подготовляемомъ мною изслѣдованіи о нравственно-соціальной доктринѣ этого писателя.

каковы: а) люди и б) добрые и злые духи, а, затѣмъ, Богъ, какъ Творецъ, Промыслитель и Судія ихъ. Христіанскій идеалъ, говоря общѐ, состоитъ для насъ, вопреки увѣренію гр. Толстаго, въ всестороннемъ духовномъ, въ особенности же нравственномъ, совершенствованіи, въ болѣе и болѣе возрастающемъ любовномъ единеніи съ Богомъ, другъ съ другомъ и со всѣмъ міромъ чистыхъ разумно-свободныхъ существъ и въ блаженствѣ, какъ спутникѣ и послѣдствіи этого совершенствованія и этого общенія. Это — такой идеалъ, полное осуществленіе коего дѣйствительно никогда не совершится и къ которому лучше люди будутъ стремиться и въ загробной, а не въ земной только своей жизни. Отсюда понятіе о христіанствѣ и понятіе объ уничтоженіи людей суть самыя несовмѣстныя между собою и самыя противоположныя другъ другу понятія.

Показавши съ возможной обстоятельностью, что гр. Толстой въ изложеніи своего ученія о бракѣ и безбрачіи впадаетъ въ непримиримое противорѣчіе съ собою въ весьма существенныхъ пунктахъ и что ученіе его не имѣетъ для себя ни малѣйшей опоры и въ евангельскомъ ученіи, будучи совершенно противоположно послѣднему, считаю необходимымъ разъяснить теперь, насколько здѣсь возможно, а) почему онъ вдругъ такъ круто повернулъ въ противоположную сторону отъ прежнихъ своихъ взглядовъ на половыя отношенія между людьми, б) въ особенности достаточна-ли та дѣйствительная причина, по которой онъ отступилъ отъ прежняго своего взгляда, и в) чего же собственно хочетъ онъ отъ людей въ половомъ отношеніи? Сперва отвѣтимъ на первый вопросъ.

Гр. Толстой въ сущности не видитъ *никакого* раз-

личія между человѣкомъ и животнымъ. Всѣ возвышенныя фразы его о человѣкѣ, всѣ ссылки его на I. Христа и Его ученіе, всѣ разглагольствованія о Богѣ и о тому подобныхъ высокихъ предметахъ для этого писателя имѣютъ постольку значенія, поскольку всѣмъ этимъ можно санкціонировать его *низменное* ученіе и привлечь близорукихъ и довѣрчивыхъ людей на сторону его доктрины *).

Что такое для гр. Толстаго человѣкъ и чего единственно хочетъ онъ отъ людей, это очень ясно и опре-

*) Что гр. Толстой эксплоатируетъ христіанство ради заднихъ цѣлей, на это указывалъ еще въ 1886 году Л. Е. Оболенскій. Онъ прямо говоритъ, что гр. Толстой «вливаетъ въ готовый уже мѣхъ вѣры *новое* вино *своей* морали» (стран. 21 во 2-й статьѣ книги: *Л. Н. Толстой, его философскія и нравственныя идеи.* Спб. 1886 г.). Но что же значитъ, говоря яснѣе, это «вливаніе новаго вина въ готовый уже мѣхъ вѣры»? Это значитъ, что гр. Толстой сознательно и съ заднимъ умысломъ истолковываетъ истинное христіанское ученіе въ духѣ своихъ предвзятыхъ идей и это нарочито передѣланное христіанское ученіе выдаетъ за подлинно-христіанское, очень хорошо сознавая, что на самомъ дѣлѣ это не такъ. Л. Е. Оболенскій указываетъ и побужденіе, заставившее и заставляющее гр. Толстаго прибѣгать къ *предосудительной подмѣнѣ* истинно-христіанскаго ученія своимъ собственнымъ и выдавать послѣднее за первое. «Наша литература, идущая всегда особнякомъ отъ авторитетовъ народной вѣры (Евангелія и т. д.), является, говоритъ г. Оболенскій, тѣмъ самымъ убѣдительной только для небольшаго меньшинства невѣрующихъ. А между тѣмъ большинство русскихъ людей — люди вѣрующіе. Самые убѣдительные доводы для нихъ это — авторитетъ ихъ вѣры» (ibid. стран. 20). Такимъ образомъ, по словамъ г. Оболенскаго, въ сущности выходитъ то, что гр. Толстой въ своихъ богословско-философскихъ и въ новѣйшихъ беллетристическихъ произведеніяхъ слѣдуетъ іезуитскому принципу: *цѣль освящаетъ средства* и широко практикуетъ этотъ безнравственный принципъ. Опровергать предположеніе г. Оболенскаго не имѣю ни малѣйшихъ основаній даже и не потому, что этотъ писатель могъ лучше многихъ другихъ узнать и констатировать выдающуюся особенность образа дѣйствій гр. Толстаго.... Искренность послѣдняго не подлежитъ, однако, ни малѣйшему сомнѣнію тамъ, гдѣ идетъ дѣло о его радикальныхъ нравственно-соціальныхъ воззрѣніяхъ.

дѣленно высказалъ онъ въ слѣдующихъ своихъ словахъ: „кормить, одѣвать, беречь себя и своихъ близкихъ есть удовлетвореніе *тѣлесной* потребности, а дѣлать *тоже* для другихъ людей, говоритъ онъ, есть удовлетвореніе *духовной* потребности. Всякая, всякая другая дѣятельность человѣка *только тогда* законна, когда она направлена на удовлетвореніе *этой первѣйшей* потребности человѣка, потому что въ удовлетвореніи *этой* потребности состоитъ и *вся* жизнь человѣка“ [1]). Какъ видимъ, единственной духовной потребностью человѣка гр. Толстой считаетъ потребность оказывать другимъ людямъ помощь въ дѣлѣ удовлетворенія исключительно животныхъ ихъ потребностей, каковое удовлетвореніе составляетъ, по его словамъ, *всё*, чтó нужно человѣку. Выводя естественныя логическія слѣдствія изъ такого воззрѣнія, всякій видитъ, что у этого писателя въ сущности отбрасываются *всѣ* истинно-духовныя потребности: религіозная, нравственная, эстетическая, умственная, существенно отграничивающія человѣка отъ животнаго, а допускается изъ нихъ лишь состраданіе къ людямъ, и то направленное только на одну сторону ихъ жизни,—на матеріальное положеніе людей, но не на другое что-либо. Человѣкъ у гр. Толстаго въ сущности отождествленъ съ нѣкоторыми изъ животныхъ, какъ наприм. съ пчелами и проч., и лишь поверхностно отличенъ отъ нихъ. Обособляется человѣкъ отъ животныхъ, по взгляду гр. Толстаго, только наибольшими размѣ-

[1]) Стран. 430—431 въ 12 т. *Собранія сочиненій* (7-е изданіе). Насколько у насъ недостаточно понимается сущность и цѣль доктрины гр. Толстаго, это, между прочимъ, видно и изъ отзывовъ о немъ и о ней, сдѣланныхъ г. Волынскимъ въ 5 кн. журнала: *Вопросы философіи и психологіи* за 1890 г. Сколько похвалъ и лести, но за что?!...

рами своего ума, но не сущностью своей природы. Отсюда, если что́ и нужно людямъ, кромѣ пищи, одежды и тому подобнаго, такъ это только принятіе ученія гр. Толстаго,—ученія, способнаго, будтобы, заставить людей жить именно такъ, какъ живутъ пчелы, т. е. хорошо удовлетворять только своимъ *чувственнымъ* потребностямъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ взаимнаго содѣйствія.

Построивши *всё* свое ученіе такъ, чтобы заставить людей жить на подобіе пчелъ, вообще общежительныхъ животныхъ, этотъ писатель раньше допустилъ непослѣдовательно то, чтобы люди жили па́рами, матери любили дѣтей своихъ и проч. Еще въ 1886 году я настойчиво указывалъ гр. Толстому, что это не мирится съ его отрицаніемъ собственности и многаго другаго [1]).

---

[1]) Стран. 330 въ 5 кн. «Православн. Обозрѣнія» за 1866 г. Въ окт. и ноябр. книжкахъ англійскаго журнала: The Fortnigbtly Review за 1890 г. напечатанъ, въ переводѣ съ русскаго языка, разсказъ Л. Толстаго подъ *прихотливымъ* заглавіемъ: *Трудитесь, дондеже свѣтъ имате*, — разсказъ, затрогивающій вопросъ и о бракѣ. Сюжетъ этой повѣсти заимствованъ изъ жизни первенствующихъ христіанъ и тенденціозно разработанъ гр. Толстымъ. Съ содержаніемъ этой повѣсти читатели могли ознакомиться и изъ изложенія ея въ 336 № *Моск. Вѣдомостей* за 1890 г., сдѣланнаго весьма подробно г. Духовецкимъ. Въ этомъ произведеніи своемъ «великій учитель» высказываетъ и взглядъ свой на бракъ. Такъ, наприм. устами христіанина, Памфила, онъ говоритъ, что бракъ отнюдь не воспрещается христіанскимъ ученіемъ, что послѣднее допускаетъ предпочтительную любовь къ извѣстной женщинѣ или къ извѣстному мужчинѣ и проч. Если останавливаться на этихъ фразахъ, то снова нельзя не видѣть, что «великій учитель», выступивши въ роли проповѣдника, весьма часто самъ не знаетъ, какъ и что именно проповѣдывать. По моему убѣжденію, впрочемъ, гр. Толстой и въ этомъ своемъ произведеніи не далекъ отъ взгляда на половыя отношенія, опровергаемаго мною. Читатель отнюдь не долженъ опускать изъ виду, что гр. Толстой и въ этомъ произведеніи настойчиво отрицаетъ принципъ собственности и многое другое, связанное съ существованіемъ брака и семьи, а слѣдов.

Наконецъ, и самъ онъ сообразилъ, что допускать жизнь парами по взаимному влеченію и любовь родителей къ дѣтямъ значитъ volens]— nolens разрушать доктрину, которую онъ задумалъ построить. Увидѣвши свою ошибку, но не желая отказаться отъ ложныхъ основъ своего ученія, гр. Толстой и исправляетъ её въ своихъ сочиненіяхъ: 1) *Крейцерова Соната*, 2) *Послѣсловіе* къ ней и 3) *Объ отношеніи между полами*, какъ это мы видѣли. Что только желаніе, чтобы люди всецѣло ушли въ заботы о равномѣрномъ удовлетвореніи своихъ животныхъ потребностей, заставило гр. Толстаго обрушиться на половую любовь и бракъ, это доказывается его же словами. Въ 1889 году онъ высказалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій ту мысль, будтобы съ женитьбою и основаніемъ семьи всякій изъ людей непремѣнно становится наиболѣе эгоистичнымъ, хлопоча только объ удовлетвореніи нуждъ своихъ и своей семьи и относясь равнодушно къ окружающей бѣдности [1]). Вотъ гдѣ единственный несомнѣнный источникъ нападокъ гр. Толстаго на половую любовь, на бракъ и вообще на семью

отвергаетъ и эти послѣдніе. Что же касается до предпочтительной любви къ извѣстной женщинѣ или къ извѣстному мужчинѣ, то эта любовь, и вообще не допустимая съ точки зрѣнія гр. Толстаго (стран. 152—161 и др. въ Ueber Leben), въ сущности отрицается имъ и въ этомъ его разсказѣ: не даромъ Памфилъ на вопросъ Юлія, чѣмъ-же нужно руководиться при выборѣ жены, отвѣчаетъ: «Божьею волею», которая на богословско-философскомъ языкѣ автора повѣсти есть лишь иное названіе для того, что выражается словомъ: случайность. Употребляя-же такія слова, какъ наприм. бракъ, предпочтительная половая любовь и прочее, Л. Толстой лишь прикрываетъ ими *плоскость* и *грубость* своего воззрѣнія на дѣло, такъ какъ слишкомъ обнаженное представленіе его способно препятствовать успѣшной пропагандѣ низменныхъ радикально-соціалистическихъ идей этого писателя.

[1]) Стран. 45—46 въ книгѣ: Ueber das Leben.

и вотъ гдѣ корень якобы возвышенныхъ его взглядовъ на половыя отношенія. Для него, какъ видимъ, важно только то, чтобы всѣ люди одинаково хорошо кормились. Что вся доктрина гр. Толстаго разсчитана только на наилучшее удовлетвореніе животности людей, доказывается и словами его о томъ, что практика физическаго дѣвства будетъ препятствовать перенаселенію земли. Этимъ гр. Толстой хочетъ сказать и говоритъ только то, что если на свѣтѣ будетъ меньше людей, въ такомъ случаѣ они будутъ лучше ѣсть, пить, одѣваться и проч. и не будетъ существующей теперь бѣдности. Чтобы достигнуть этого, онъ и рекомендуетъ дѣвство, издѣваясь надъ бракомъ и вообще надъ семейной жизнью и позируя предъ публикою, плохо знакомою съ сущностью его ученія, въ качествѣ проповѣдника чистоты нравовъ и разныхъ добродѣтелей.

Вотъ въ чемъ заключается *истинная* причина, заставившая гр. Толстаго ополчиться противъ брака и семейной жизни. Въ своей *Крейцеровой Сонатѣ* и въ *Послѣсловіи* къ ней онъ является однимъ изъ рѣшительнѣйшихъ послѣдователей Мальтуса. Ученіе этого послѣдняго въ общемъ таково. Увеличеніе населенія земнаго шара не можетъ идти въ уровень съ возрастаніемъ производительности земли. Ростъ населенія идетъ въ геометрической прогрессіи, тогда какъ увеличеніе продуктовъ, нужныхъ людямъ для поддержанія и сохраненія ихъ жизни, совершается въ ариѳметической прогрессіи. Значитъ, чѣмъ больше размножаются люди, тѣмъ менѣе средствъ предлагаетъ природа къ пропитанію ихъ. Наоборотъ, чѣмъ меньше народонаселенія на землѣ, тѣмъ обезпеченнѣе матеріальное положеніе людей. Отсюда, собственное ихъ благо требуетъ, по

воззрѣнію Мальтуса, чтобы они какъ можно меньше размножались [1]). Ученіе это нашло себѣ весьма много горячихъ приверженцевъ и защитниковъ, къ числу коихъ принадлежитъ, между прочимъ, хорошо извѣстный и нашей отечественной публикѣ Джонъ Стюартъ Милль. Порицая въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ бѣдныхъ людей, вступающихъ въ бракъ и рождающихъ дѣтей, этотъ англійскій мыслитель обращается въ одномъ изъ своихъ сочиненій съ ѣдкими упреками къ представителямъ церкви и государства за то, что они не противодѣйствуютъ заключенію брачныхъ союзовъ между бѣдными людьми [2]). По взгляду Милля улучшеніе участи этихъ послѣднихъ и вообще благоденствіе рабочихъ классовъ возможны единственно подъ условіемъ воздержанія ихъ отъ брачныхъ связей и отъ рожденія дѣтей [3]). То, чего требуетъ отъ бѣдныхъ людей Мальтусъ съ Миллемъ и другими подобными экономистами, распространяется у гр. Толстаго на всѣхъ. Нельзя не видѣть, что нашъ отечественный писатель въ этомъ отношеніи является болѣе справедливымъ, чѣмъ его учители и руководители, обрекавшіе на безсемейную жизнь только нѣкоторыхъ изъ людей, и безъ того лишенныхъ многихъ жизненныхъ благъ.

Прежде, чѣмъ войдемъ въ критическое обсужденіе мысли, будтобы бракъ и семейная жизнь составляютъ препятствіе къ общему матеріальному благоденствію человѣческаго рода, считаемъ небезполезнымъ указать,

---

[1]) Стран. 97—102 и друг. въ 1 т. сочиненія: *Опытъ о законѣ народонаселенія* (переводъ Бибикова, 1868 г.).

[2]) Стран. 432 и друг. въ 1 томѣ *Основаній политической экономіи* (Спб. 1874 г.).

[3]) Ibid. Стран. 238 и друг.

какъ смотрѣлъ гр. Толстой на теорію Мальтуса до написанія *Крейцеровой Сонаты* и *Послѣсловія* къ ней. Вотъ подлинныя слова этого писателя о Мальтусѣ и его теоріи: „Весьма плохой англійскій публицистъ, сочиненія котораго всѣ забыты и признаны *ничтожнѣйшими* изъ ничтожныхъ, пишетъ трактатъ о народонаселеніи, въ которомъ онъ придумываетъ *мнимый* законъ несоразмѣрнаго съ средствами питанія увеличенія населенія. Мнимый законъ этотъ писатель этотъ обставляетъ математическими, *ни на чемъ* не основанными, формулами и выпускаетъ въ свѣтъ. По *легкомысленности* и *бездарности* этого сочиненія надо бы предполагать, что сочиненіе это необратитъ *ничьего* вниманія и забудется, какъ всѣ послѣдующія сочиненія того же писателя, но выходитъ совсѣмъ другое: публицистъ, написавшій это сочиненіе, становится сразу научнымъ авторитетомъ и держится на этой высотѣ чуть не полстолѣтія.... Выводы, *прямо* вытекающіе изъ этой теоріи, были слѣдующіе: бѣдственное положеніе рабочихъ людей таково по неизмѣнному, не зависящему отъ людей закону, и если кто виноватъ въ этомъ, такъ это сами голодные рабочіе: зачѣмъ они, дураки, родятся, когда знаютъ, что нечего имъ будетъ ѣсть? И вотъ этотъ драгоцѣнный для толпы праздныхъ людей выводъ сдѣлалъ то, что *всѣ* ученые проглядѣли *бездоказательность, неправильность* и *совершенную произвольность* выводовъ *), а толпа образованныхъ, т. е. праздныхъ, людей, чутьемъ зная, къ чему ведутъ эти выводы, привѣтствовала теорію съ восторгомъ, нало-

*) Графъ Толстой какъ будтобы не знаетъ, что теорія Мальтуса встрѣчала возраженія и опроверженія вслѣдъ же за опубликованіемъ ея!...

жила на нее печать истинности, т. е. научности, и носилась съ нею полстолѣтія“ [1]). Таковъ былъ взглядъ гр. Толстаго на Мальтуса и его теорію даже по написаніи *Исповѣди* и *Въ чемъ моя вѣра*, но вдругъ пошла у него уже иная рѣчь особенно въ *Послѣсловіи* къ *Крейцеровой Сонатѣ*. Мальтусъ, этотъ „плохой англійскій публицистъ“, видимо преобразуется теперь у гр. Толстаго въ геніальнаго изслѣдователя: вѣдь только геніальнымъ людямъ свойственно приходить къ великимъ открытіямъ. Указанный Мальтусомъ „мнимый“ законъ объявляется теперь дѣйствительнымъ закономъ, и гр. Толстой дѣлаетъ изъ него еще болѣе смѣлый и широкій выводъ, чѣмъ какой былъ сдѣланъ изобрѣтателемъ этого закона и его сторонниками. Вотъ до какихъ поразительныхъ самопротиворѣчій способенъ доходить нашъ знаменитый писатель, благодаря тому, что для него болѣе всего важны и дороги животные интересы людей. Когда ему кажется, что главные животные интересы человѣчества могутъ быть хорошо гарантированы и при сожительствѣ взрослыхъ людей „пáрами“, онъ безъ дальнихъ размышленій и изслѣдованій глумится надъ Мальтусомъ и его теоріею и легко усматриваетъ въ Евангеліяхъ несомнѣнныя слова І. Христа въ пользу брака. Когда же „великій учитель“ возмнилъ, что главные животные интересы людей могутъ пострадать отъ допущенія брака и семейной жизни, тогда онъ готовъ всячески возвеличивать поруганныхъ имъ Мальтуса и его теорію и уже никакъ не можетъ найти въ ученіи Богочеловѣка того, чтó прежде само собою бросалось въ глаза. Неужели и во всёмъ этомъ есть какое-либо свидѣтельство истинолюбія гр. Толстаго?!

[1]) Стран. 375 и 376 въ 12 т. *Собранія сочиненій*.

Спрашивается: прежній или теперешній взглядъ его на теорію Мальтуса вѣрнѣе съ точки зрѣнія здраваго разума, опыта и неподкупной науки? Такъ какъ по смыслу всего ученія гр. Толстаго имѣетъ весьма существенное значеніе вопросъ о томъ, примиримы-ли семейная жизнь и естественное, несдерживаемое искуственными мѣрами, размноженіе рода человѣческаго съ его же собственнымъ благосостояніемъ, то мы разсмотримъ этотъ вопросъ съ такой обстоятельностью, какая здѣсь возможна.

Графу Толстому теперь кажется, что семейная жизнь неизбѣжно разжигаетъ эгоистическіе инстинкты въ людяхъ и обостряетъ между ними борьбу за существованіе. Думая такъ, онъ какъ будто опустилъ изъ виду, что всегда могутъ быть такіе и не женатые люди, которые неустанно хлопочутъ только объ увеличеніи средствъ и удобствъ своей жизни, живутъ лишь ради удовлетворенія своихъ эгоистическихъ прихотей и вожделѣній и готовы на всяческое эксплоатированіе ближнихъ изъ-за своихъ личныхъ выгодъ и интересовъ. Гр. Толстой какъ будтобы не сообразилъ и того, что, наоборотъ, всегда возможны такіе и семейные люди, которые нетолько довольствуются малымъ, но и изъ этого малаго радостно удѣляютъ нуждающимся болѣе ихъ. За всегдашнюю возможность существованія такихъ людей ручаются и данныя опыта, и соображенія разума.

На самоотверженныхъ семьянъ указывалъ еще ап. Павелъ. Вотъ что́ пишетъ онъ о членахъ Македонской христіанской общины его времени: Глубокая нищета ихъ преизбыточествуетъ въ богатствѣ ихъ радушія, ибо они доброхотны даже *сверхъ* силъ. Они

весьма убѣдительно просили насъ принять дары и участіе ихъ въ служеніи святымъ. И не только то, чего мы надѣялись, но они отдали самихъ себя, во-первыхъ, Господу, потомъ и намъ по волѣ Божіей [1]). Такими самоотверженными семьянами и вообще изобиловала христіанская церковь апостольскаго времени. Каждый семьянинъ, имѣвшій хотя-бы малый матеріальный достатокъ, считалъ своимъ священнымъ долгомъ и высшей своей радостью всячески облегчать тяжелое матеріальное положеніе своихъ ближнихъ, благодаря чему среди нихъ не было особенно нуждающихся, а тѣмъ болѣе бѣдствующихъ [2]). Но не въ апостольскій только вѣкъ, но и вообще въ первые вѣка христіанства самымъ выдающимся явленіемъ представляются любовныя заботы семейныхъ людей объ облегченіи участи всякаго рода обездоленныхъ судьбою. Отличаясь самой широкою личной благотворительностью, первенствующіе христіане—семейные и несемейные—считали своимъ долгомъ организовать и общественную благотворительность въ возможно-широкихъ размѣрахъ. Что касается частной благотворительности, то она, кромѣ многихъ другихъ, выражалась и въ слѣдующихъ формахъ. Такъ, напримѣръ, весьма рано выработался въ первенствующей церкви обычай отдѣлять начатки плодовъ, гумна и виноградника для бѣдныхъ. Дѣлалъ-ли христіанинъ-семьянинъ хотя бы закваску для печенія хлѣба, починалъ-ли онъ сосудъ съ виномъ, съ масломъ и проч., онъ дѣлился съ бѣдными и этими предметами. Не было, затѣмъ, мѣстъ общественнаго собранія, въ коихъ не

---

[1]) 2 Коринѳ. 8, 2—5.

[2]). Дѣян. 3, 34—35.

стояли бы кружки для сбора въ пользу бѣдныхъ, и эти кружки быстро наполнялись добровольными вкладами, а не пустовали такъ, какъ теперь большей частью пустуютъ. Были весьма часты случаи и такого рода. Тѣ, кои сами были весьма недостаточно обезпечены въ средствахъ къ существованію, предпринимали добровольный постъ, чтобы сдѣлать нѣкоторыя сбереженія и пожертвовать ихъ болѣе нуждающимся [1]). Хотя дѣлами общественной благотворительности обыкновенно завѣдывали старшіе и болѣе вліятельные члены церковной іерархіи, но участіе въ ней принимали съ охотою и радостью всѣ христіане: семейные и безсемейные. Если возьмемъ во вниманіе, что членами первенствующей церкви были преимущественно принадлежавшіе къ мало достаточнымъ классамъ, то насъ не можетъ не поражать фактъ столь широкой и разнообразной общественной благотворительности, какою отмѣчена эта чудная эпоха. Такъ, христіанская община въ Антіохіи, не смотря на свою незначительную численность, содержала на свой счетъ три тысячи бѣдныхъ [2]). Благотворительная дѣятельность первенствующихъ христіанъ шла на помощь всякому тяжелому положенію людей, если только можно было какъ-нибудь облегчить его. Овдовѣвшія женщины, проводившія честную жизнь, но оставшіяся безъ матеріальныхъ средствъ, пользовались до самой кончины своей попеченіями общины. Бѣдныя сироты воспитывались на счетъ общины же подъ надзоромъ старшихъ представителей церковной іерархіи. Бросали-ли язычники дѣтей своихъ,—а это дѣлалось

---

[1]) Стран. 128 и др. въ сочиненіи Фарра: *Первые дни христіанства* (Спб. 1888 г.).

[2]) Ibid. Стран. 130.

ими весьма часто,—несчастныя малютки охотно принимались въ христіанскія воспитательныя учрежденія и воспитывались вмѣстѣ съ другими сиротами, обучаясь современемъ ремесламъ и вообще чему-нибудь полезному. Свирѣпствовала-ли какая-либо эпидемія, наприм. чума, христіанская община самоотверженно шла на помощь и язычникамъ, беря на свое заботливое попеченіе брошенныхъ ими безъ надзора больныхъ или погребая покинутыхъ на произволъ судьбы мертвецовъ. Случался-ли голодъ въ какой-нибудь мѣстности, христіане первые собирали другъ съ друга щедрыя добровольныя пожертвованія и спасали цѣлыя тысячи несчастныхъ отъ голодной смерти или отъ недостатка въ пищѣ. Выкупать на свободу рабовъ или плѣнныхъ, участь коихъ была наиболѣе тяжела, было самымъ радостнымъ дѣломъ для первенствующихъ христіанъ. Заключенные въ темницы опять таки въ христіанахъ находили наилучшихъ для себя радѣтелей и печальниковъ [1]). Словомъ: не было того горя и бѣдствія, для облегченія или устраненія коихъ христіане—семейные и безсемейные—не предпринимали бы самыхъ самоотверженныхъ мѣръ. Такое поведеніе христіанъ невольно приводило въ изумленіе язычниковъ, ничего подобнаго не видѣвшихъ въ своей средѣ, и они невольно восклицали: „смотрите, какъ христіане любятъ другъ друга“ [2])! Оставляя времена минувшія, обратимся къ наличной дѣйствительности. Никто не станетъ оспоривать того, что большая часть крестьянскаго населенія у насъ, къ глубокому прискорбію, живетъ очень бѣдно и часто

---

[1]) Ibid. Стран. 129—132 и другія.

[2]) Juv. IV. 153. Suet. Domit. 17.

нуждается въ самомъ необходимомъ. Между тѣмъ, кто живалъ въ селахъ и деревняхъ и внимательно наблюдалъ крестьянскую жизнь, тотъ не могъ не назидаться слѣдующимъ отраднымъ явленіемъ. Въ истинно-православной крестьянской семьѣ, какъ бы она бѣдна ни была сама, подѣлятся послѣднимъ достояніемъ съ наиболѣе нуждающимися и несчастными. Тоже самое нерѣдко можно наблюдать и въ хорошихъ христіанскихъ семьяхъ въ городахъ.

Такого рода факты свидѣтельствуютъ, что отнюдь не семейная жизнь сама по себѣ, а нѣчто иное, служитъ причиною эгоистической замкнутости людей лишь въ кругу личныхъ и семейныхъ интересовъ. Причина таковой эгоистичности людей въ христіанскихъ странахъ заключается только въ совершенномъ отсутствіи или въ крайней слабости ихъ христіанскаго (религіозно-нравственнаго настроенія. Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Кто же незнаетъ, что первенствующіе христіане были совершенно чужды эгоистическаго настроенія и своекорыстнаго образа дѣйствій, именно благодаря одушевлявшей ихъ горячей любви къ истинному Богу и неразлучной съ нею любви къ ближнимъ? Значитъ, и наоборотъ, преобладаніе эгоистической настроенности дѣйствительно условливается отсутствіемъ или крайнимъ недостаткомъ того, чѣмъ отличались первенствующіе христіане. А если это неоспоримо, то въ средѣ семьянъ *всегда*,—и теперь и въ будущемъ,—могутъ быть такіе люди, которые окажутся готовыми на всякое самоотверженное дѣло, лишь бы отличало и ихъ такое же религіозно-нравственное настроеніе, какимъ украшено было большинство, если не всѣ, изъ первенствующихъ христіанъ. Тотъ фактъ,

что въ настоящее время весьма многіе люди, обзаведясь семьею, часто проникаются семейнымъ эгоизмомъ до такой степени, что становятся способными думать и заботиться лишь о себѣ и о своихъ, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ ихъ добрачной и теперешней безмѣрной далекости отъ истинно-христіанскаго образа мыслей и душенастроенія, а не доказательствомъ чего-либо инаго. Семейная же жизнь, одушевленная и проникнутая христіанскимъ духомъ, вообще *способна* пробуждать и укоренять въ людяхъ именно любовныя чувства къ другимъ и готовность всякому оказать возможную помощь. Цѣль христіанской семьи главнымъ образомъ и состоитъ въ томъ, чтобы служить однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ къ водворенію взаимной любви между людьми. А гдѣ эта любовь насаждается, тамъ развѣ мыслимо безучастное отношеніе однихъ людей къ другимъ? Вѣдь это психологически невозможно. Кто не знаетъ того весьма часто встрѣчающагося факта, когда скупость наприм. жены таетъ и пропадаетъ именно подъ вліяніемъ христіанской доброты мужа, и наоборотъ? Всякому извѣстно также, что въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ именно „холостячество"— то и превращаетъ многихъ людей въ такихъ эгоистовъ, которые предпочитаютъ благотворительнымъ дѣламъ свой личный покой и свои личныя удобства. Во всякомъ-же разѣ странно и неосновательно видѣть въ семейной жизни существенную причину развитія и усиленія эгоизма въ людяхъ. Эгоизмъ, грубый или утонченный, имѣетъ подходящее для себя мѣсто *только* тамъ, гдѣ, въ замѣнъ Бога и Его воли, такъ или иначе поставляется *я* человѣческое и его воля. Чудовищный эгоизмъ *неизбѣжно* развивается и укореняется и при

самой безсемейной жизни въ людяхъ, чуждыхъ христіанскаго духа, особенно же въ тѣхъ, кто прямо отвергаетъ бытіе живаго Бога и Его откровенную волю и на мѣсто ихъ поставляетъ въ сущности только *я* человѣческое и его волю, хотябы и замаскированныя разными философскими односторонними измышленіями объ абсолютномъ и о сущности добра....

Никакъ нельзя согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ, будтобы густота населенія служитъ сама по себѣ одною изъ главныхъ причинъ существующей бѣдности и будтобы наибольшее увеличеніе народонаселенія неизбѣжно влечетъ за собою естественный недостатокъ пищевыхъ и другихъ средствъ, необходимыхъ для человѣческой жизни. Еслибы этотъ взглядъ былъ справедливъ, тогда пришлось-бы думать, будтобы Богъ, создавши человѣка, поселивши его на землѣ и заповѣдавши ему владычествовать надъ нею и размножаться, несоразмѣрилъ естественныхъ производительныхъ силъ и средствъ земли съ потребностями и нуждами размножающагося человѣческаго рода. Но допустимо-ли такое предположеніе съ здравой богословско-философской точки зрѣнія? На этотъ вопросъ долженъ быть, конечно, отрицательный отвѣтъ. Значитъ, причина существующей бѣдности и возможнаго или дѣйствительнаго оскудѣнія земныхъ даровъ должна заключаться отнюдь не въ соотношеніи между количествомъ народонаселенія и производительными средствами земли, а въ чемъ-то другомъ.

Коль скоро мысль Мальтуса и новаго его ученика, гр. Толстаго, была бы вѣрна, тогда должны были-бы благоденствовать въ матеріальномъ отношеніи всѣ дикія племена, обитающія большей частью въ чрезвычайно мало населенныхъ мѣстностяхъ, притомъ нерѣдко

богатыхъ самыми разнородными дарами природы. Между тѣмъ, поголовная бѣдность—самое обычное явленіе среди дикарей [1]). Передъ нами и вообще есть живые примѣры мѣстностей, гдѣ населеніе терпитъ отъ голода и мрётъ среди богатой природы [2]). Причиною этого явленія служитъ, прежде всего, невѣжество племенъ, обитающихъ въ такихъ счастливыхъ мѣстностяхъ, равно какъ ненормальныя, чуждыя братской любви и взаимной помощи, отношенія между людьми. Мало того, что эти послѣдніе могутъ бѣдствовать въ самыхъ лучшихъ мѣстностяхъ земнаго шара: сама естественная производительность земли въ этихъ мѣстностяхъ можетъ быть уменьшаема людьми до такой степени, что человѣкъ обрекается или на голодъ, или на выселеніе изъ нихъ. Кто не знаетъ, что Римская имперія, въ періодъ самаго обширнаго своего протяженія, обнимала страны, представлявшія наиболѣе благопріятное сочетаніе физическихъ условій? Ни въ Старомъ, ни въ Новомъ свѣтѣ нѣтъ территоріи, которая могла бы какъ по обширности, такъ и по счастливымъ условіямъ сравниться съ областями, прилегавшими къ главному и второстепенному бассейнамъ Средиземнаго моря. Эти области отличались благорастворённымъ и ровнымъ климатомъ, плодородіемъ почвы, разнообразіемъ естественныхъ даровъ и проч. Но эти же самыя мѣстности въ настоящее время совершенно безплодны, или представляютъ такое оскудѣніе производительности, что, за исключеніемъ немногихъ оазисовъ, избѣгшихъ общей участи

---

[1]) Стран. 162 въ сочиненіи Levasseur'a: *Основы политич. экономіи* (русск. переводъ г. профессора Г. Н. Георгіевскаго).

[2]) Стран. 204 въ статьѣ: *Вопросъ народонаселенія,* помѣщенной въ 1 кн. *Вѣстника Европы* за 1871 г.

разореній и истощенія, не въ состояніи удовлетворять нужды и потребности цивилизованнаго человѣка. Причиною этого печальнаго факта являются дурные государственно-общественные порядки, созданные людьми и втеченіе долгаго времени угнетавшіе низшіе слои ихъ, вообще взаимныя враждебныя отношенія между людьми и хищническій образъ дѣйствій ихъ въ отношеніи къ окружавшей ихъ природѣ [1]). Спрашивается: при чемъ же здѣсь увеличеніе народонаселенія? При другомъ духовномъ развитіи и нравственномъ настроеніи людей оно даже было бы однимъ изъ условій ихъ наибольшаго матеріальнаго благоденствія.

Но если самыя богатыя по своимъ естественнымъ условіямъ мѣстности или являются недоступными людямъ во многихъ изъ своихъ естественныхъ даровъ, или даже прямо истощаются и опустошаются, то, наоборотъ, мѣстности, даже и плохія по своей почвѣ и по другимъ своимъ естественнымъ условіямъ, могутъ быть доводимы, благодаря умѣнью и старанью людей, до высокой степени производительности, способной обезпечивать благосостояніе несравненно бо́льшаго количества людей, чѣмъ какое имѣется на лицо. Самыми поразительными примѣрами того, насколько человѣкъ способенъ ради своего блага видоизмѣнять природу, служатъ Голландія и Мальта: значительная часть территоріи первой затоплялась во время прилива моремъ, а теперь тамъ, гдѣ прежде бушевали волны, находятся цвѣтущіе луга и нивы, стоятъ промышленные города и селенія; голыя когда-то скалы Мальты покрыты зем-

---

[1]) Стран. 1—8 въ соч. Георга Марша: *Человѣкъ и природа* (Спб. 1866 г.).

лей и превращены въ роскошные сады [1]). Такихъ примѣровъ можно было бы указать весьма не мало. Какъ много можетъ быть увеличиваема производительность одной и той же почвы, это доказываютъ, между прочимъ, слѣдующіе примѣры. Такъ, въ Англіи съ одного и того же участка теперь получается продуктовъ среднимъ числомъ болѣе, чѣмъ въ пять разъ, сравнительно съ тѣмъ, что получалось нѣкогда. Между тѣмъ, англійское земледѣліе далеко еще отъ предѣловъ возможнаго расширенія и производительности. Уничтоженіе пара, введеніе новыхъ и болѣе выгодныхъ усовершенствованныхъ растеній, новые удобрительные туки, дренажи, коношенный кормъ, введеніе наилучшихъ земледѣльческихъ орудій, улучшеніе путей сообщенія, сортировка навоза, старательный выборъ сѣмянъ для посѣва и т. д.—вотъ тѣ средства, которыя могутъ еще болѣе увеличить производительность земли и примѣненіе которыхъ находится повсюду еще въ зародышѣ [2]). На международномъ статистическомъ конгрессѣ въ Гагѣ въ 1869 году представителемъ Соединенныхъ Штатовъ г. Роггельсомъ было сообщено, что союзъ въ 1900 году въ состояніи будетъ произвести количество хлѣба, достаточное не не только для имѣющаго быть въ то время населенія въ 75 милліоновъ человѣкъ, но и для 200 милліоновъ европейцевъ, предполагая, что территорія государства будетъ теперешнимъ же способомъ обработана [3]). Вотъ до какой степени можетъ быть поднята производитель-

---

[1]) Стран. 24 въ *Руководствѣ политич. экономіи Д. Д. Морева* (Спб. 1889 г.).

[2]) Стран. 173 и 174 въ сочиненіи Мауруса: *О свободѣ въ политич. экономіи* (Кіевъ, 1875 г.).

[3]) Ibid. Стран. 174.

ность земли даже при теперешнихъ способахъ ея обработки. Съ дальнѣйшимъ же прогрессомъ наукъ откроются, конечно, еще наилучшія средства къ повышенію плодородія почвы. Недаромъ еще Фурье указывалъ, что вообще нельзя установить никакой границы для возможнаго увеличенія земной производительности [1]).

Если намъ укажутъ на то, что и въ странахъ, отличающихся наибольшими успѣхами сельскаго хозяйства, народъ, не смотря и на трудолюбіе, нерѣдко страдаетъ отъ недостатка въ необходимыхъ жизненныхъ средствахъ, то это нисколько не подрываетъ значенія сказаннаго нами. Не очевидно-ли для всякаго, что тяжелое матеріальное положеніе народа въ такихъ странахъ зависитъ единственно или отъ крайне неравномѣрнаго распредѣленія поземельныхъ участковъ, или отъ обремененія народа непосильными налогами, или вообще отъ такихъ причинъ, которыя неимѣютъ ничего общаго съ количествомъ народонаселенія и съ производительными силами почвы и которыя должны и могутъ быть устранены при наибольшемъ развитіи и укорененіи въ людяхъ христіанскаго образа мыслей и христіанскаго настроенія сердца и воли? Но коль скоро существенною причиною бѣдности народа въ какой-либо мѣстности была-бы дѣйствительно густота населенія, а не иное что-нибудь, и въ этомъ случаѣ земная же поверхность представляетъ наилучшее радикальное средство къ улучшенію участи страдающихъ отъ безхлѣбицы и безкормицы. Эмиграція и колонизація въ мѣстности, наиболѣе богатыя естественными дарами, — вотъ это средство,

---

[1]) Стран. 396 и друг. въ сочиненіи: Nouvean monde industriel et sociétaire (Paris, 1829 г.).

лишь бы бѣдные люди не были стѣсняемы въ своихъ стремленіяхъ къ уходу въ эти мѣстности и находили всяческую христіанскую помощь въ дѣлѣ заселенія и устройства въ нихъ [1]). Земли же, ждущей обработки, лежатъ огромныя пространства въ разныхъ частяхъ свѣта [2]).

Но не производительность только почвы можетъ быть возвышаема повсюду до самой высокой степени и не обширность только земной поверхности открываетъ путь для наибольшаго матеріальнаго благосостоянія самаго значительнаго народонаселенія. Наука не только можетъ предложить лучшіе способы къ болѣе полному извлеченію питательныхъ элементовъ изъ наличныхъ пищевыхъ средствъ, но въ состояніи указывать наиболѣе полезныя для человѣка изъ этихъ послѣднихъ и даже открывать новыя, доселѣ неизвѣстныя. Такъ, *наприм.* существующія въ Англіи пекарни съ воздушнымъ давленіемъ на тѣсто устраняютъ потерю отъ броженія въ тѣстѣ настолько, что по нѣкоторымъ вычисленіямъ этимъ путемъ Англія могла-бы сберечь столько питательнаго вещества, сколько теперь привозится туда изъ-за границы [3]). Такого рода пекарни развѣ не могли-бы быть распространены и повсюду? Но не одно только умѣлое приготовленіе хлѣба можетъ, при одномъ и томъ-же количествѣ употребленной на него муки, прокармливать наибольшее количество людей. Прогрессъ питанія, говоритъ Маурусъ, состоитъ въ переходѣ отъ потребленія хлѣбныхъ растеній къ потребленію азотис-

---

[1]) Стран. 159 и другія у Levasseur'a.

[2]) Стран. 174 у Мауруса.

[3]) Стран. 166 въ 1 кн. *Отечеств. Записокъ* за 1873 г.

тыхъ веществъ, какъ наприм. мяса и стручковыхъ плодовъ. А чѣмъ больше потребляется азотистыхъ веществъ, тѣмъ *меньшій* клочекъ земли нуженъ для пропитанія извѣстнаго количества людей [1]).

Впрочемъ, гр. Толстой вооружается противъ употребленія мясной пищи, а слѣдов. самъ же сокращаетъ для человѣчества средства питанія [2]). Главное основаніе, изъ котораго при этомъ выходитъ Левъ Николаевичъ, будучи несостоятельно съ здравой богословско-философской точки зрѣнія, съ логической неизбѣжностью ведётъ къ тому, что вегетаріанецъ, если онъ хочетъ быть вполнѣ послѣдовательнымъ, долженъ отказаться отъ самой жизни. По взгляду гр. Толстаго, какъ и по взгляду всякаго пантеиста, сущность природы животныхъ и людей совершенно одна и таже. Отсюда употреблять въ пищу животныхъ значитъ употреблять въ пищу братьевъ своихъ. Но, спрашивается, развѣ можетъ человѣкъ избѣгнуть поглощенія или умерщвленія этихъ своихъ мнимыхъ собратьевъ? Животными организмами переполнено всё: и вода, которую человѣкъ пьётъ, и воздухъ, которымъ онъ дышетъ, и земля, по которой онъ ходитъ, и т. д. Volens-nolens человѣкъ то поглощаетъ, то умерщвляетъ микроскопическихъ животныхъ, которыя съ точки зрѣнія гр. Толстаго суть такія же его собратья, какъ и всякія другія животныя. Поступать вполнѣ послѣдовательно для вегетаріанцевъ этого рода значило-бы *перестать* пить воду, дышать,

---

[1]) Стран. 175 у Мауруса. Разумѣется разведеніе гороха, бобовъ и проч.

[2]) Что гр. Толстой—вегетаріанецъ, т. е. стоитъ за употребленіе растительной пищи, объ этомъ свидѣтельствуетъ и В. Фрей, тоже вегетаріанецъ (см. 14 № *Волжск. Вѣстника* за 1891 г.)

ходить по землѣ и т. под. Въ противномъ случаѣ на ихъ душѣ неизбѣжно должна тяготѣть ужасная вина въ поглощеніи и истребленіи ихъ собратьевъ. Вотъ къ какимъ вопіющимъ нелѣпостямъ логически ведетъ ложный взглядъ гр. Толстаго на природу человѣка и животныхъ *)!

Нельзя окончательно отвергать возможности приготовленія по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ пищевыхъ веществъ для человѣка и изъ неорганическихъ элементовъ при дальнѣйшихъ успѣхахъ естествознанія. По словамъ отечественнаго натуралиста, А. Н. Бекетова, новѣйшая химія съ большимъ вѣроятіемъ можетъ утверждать, что придетъ время, когда бѣлковыя и всякія другія органическія вещества можно будетъ получать непосредственно изъ неорганическаго міра [1]). Болѣе довѣрчивые и рьяные изъ натуралистовъ, какъ наприм. Либрейхъ, Сименсъ и другіе, громко заявляютъ, будтобы химія уже наканунѣ этого великаго открытія. Еслибы надеждамъ натуралистовъ суждено было осуществиться хотя на половину сравнительно съ ихъ широкими поэтическими мечтаніями, тогда питаніе самой огромной массы человѣчества, какъ бы она ни возрасла, было-бы вполнѣ обезпеченнымъ даже независимо отъ другихъ пищевыхъ средствъ....

Далѣе, нѣтъ вполнѣ достаточныхъ основаній оспоривать ту мысль, что современемъ, вмѣстѣ съ своимъ

---

*) Такъ какъ съ точки зрѣнія г. Толстаго не одни животные организмы, но растительные и даже неорганическая матерія имѣетъ *одну и туже* сущность съ природою человѣка, то интересно былобы узнать отъ него или его единомышленниковъ, чѣмъ же по праву, т. е. не совершая грѣха, долженъ питаться человѣкъ?...

[1]) Стран. 37 въ брошюрѣ: *Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ* (Спб. 1879 г.).

всесторонним духовным развитіем и измѣненіемъ условій жизнедѣятельности, люди станутъ нуждаться не въ такомъ значительномъ количествѣ пищи, какое теперь большею частью потребляется ими. Нѣкоторые факты и соображенія весьма вѣскаго свойства позволяютъ допустить это предположеніе. Неоспоримо, что складъ духовной жизни и свойства жизнедѣятельности человѣка имѣютъ вліяніе на количество потребляемой имъ пищи. Такъ, Якутъ или Тунгузъ, благодаря особенностямъ своей натуры и дѣятельности, съѣдаетъ заразъ такое огромное количество мяса, какаго хватило бы на десять, или болѣе, человѣкъ изъ интеллигентной среды. Одинъ дикарь, по свидѣтельству Клемма, въ 24 часа съѣлъ всю внутренность большаго быка, при чемъ еще выпилъ значительную дозу растопленнаго сала [1]). Кто же изъ просвѣщенныхъ европейцевъ, исключая развѣ феноменальныхъ личностей, способенъ къ такому ужасному обжорству? Люди, въ коихъ преобладаетъ духовная жизнь, большей частью отличаются, какъ это всѣмъ извѣстно, поразительной умѣренностью. Значитъ, организмъ человѣческій при извѣстныхъ условіяхъ можетъ требовать пищи въ сравнительно очень маломъ количествѣ. Если мы допустимъ, что, при новыхъ возможно-благопріятныхъ условіяхъ, большинство людей будетъ болѣе теперешняго жить духовной жизнью и освобождаться отъ чрезмѣрныхъ органическихъ тратъ, то такая умѣренность въ употребленіи пищи не сдѣлается-ли преобладающимъ явленіемъ? А коль скоро это предположеніе не представляетъ собою ничего химерическаго, то, значитъ, возможно-большое возрастаніе на-

---

[1]) Стран. 155 въ 1 кн. *Отечеств. Записокъ* за 1873 г.

родонаселенія и съ этой стороны не связано неизбѣжно съ недостаткомъ пищи для того или другаго наличнаго количества людей.

За тѣмъ, нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ для того, чтобы предполагать, будто когда-либо вся поверхность земли переполнится народонаселеніемъ до невозможности безбѣднаго существованія людей. Истинныхъ законовъ населенія, выведенныхъ изъ наблюденій, нужно искать въ другихъ формулахъ, а отнюдь не въ формулѣ Мальтуса [1]). Другія же формулы, устанавливаемыя болѣе серьезными и знающими людьми, чѣмъ Мальтусъ, свидѣтельствуютъ, что родъ человѣческій не только не размножался, но и не можетъ размножаться такъ прогрессивно, какъ это выходитъ у Мальтуса [2]). Замѣчательно, что число рожденій не только не увеличивается непремѣнно даже и при возрастаніи благосостоянія населенія, но нерѣдко падаетъ, хотя дѣтская смертность иногда и уменьшается при этомъ [3]). Что же касается того, должно-ли ожидать въ будущемъ развитія человѣческой способности плодиться до ея наивысшей степени, то на этотъ вопросъ современная наука отвѣчаетъ отрицательно. Безспорно, говоритъ Маурусъ, что чѣмъ больше человѣкъ напрягаетъ свои нервы—всё равно: при физическомъ или умственномъ трудѣ — тѣмъ меньше дѣлается потребность въ удовлетвореніи половаго инстинкта и тѣмъ болѣе уменьшается его плодовитость. Послѣднее доказывается статистикою рожденій, но справедливость этого можетъ

---

[1]) Levasseur. Стран. 157.

[2]) См. подробности на стран. 184—194 въ книгѣ С. Н. Южакова: *Соціологическіе Этюды* (Спб. 1891 г.).

[3]) Levasseur. Стран. 159.

быть даже каждымъ провѣрена, такъ сказать, на самомъ себѣ. Сама природа противодѣйствуетъ излишнему росту населенія. Прогрессирующее, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія, развитіе культуры влечетъ за собою все возрастающее возбужденіе человѣческихъ нервовъ, особенно у людей, посвятившихъ себя умственному труду,— возбужденіе, составляющее продуктъ наплыва разнообразныхъ впечатлѣній. Пропорціонально этому уменьшается половая производительность народа, что для Франціи наприм. и даже для Америки положительно доказано статистикою. Извѣстно, что и вообще въ Европѣ за послѣдніе сто лѣтъ знаменатель роста населенія постоянно уменьшался. Конечно, уменьшенію половой производительности въ Европѣ способствуетъ еще и нищета многочисленнаго класса членовъ общества, и отъ уничтоженія нищеты, вслѣдствіе улучшенія соціальнаго положенія, должно ожидать увеличенія числа рожденій. Но, съ другой стороны, именно вслѣдствіе измѣненія соціальнаго строя къ лучшему, культурное развитіе пойдетъ такъ быстро, что уменьшеніе всеобщей половой производительности, долженствующее наступить вслѣдъ за переходомъ извѣстныхъ классовъ общества отъ нищеты къ благоденствію, перевѣситъ возрастаніе этой производительности [1]). Также высказывается относительно этого, между прочимъ, и Спенсеръ [2]). Съ другой стороны, какіе бы успѣхи ни дѣлали гигіена и медицина, онѣ окончательно неотвратятъ умиранія людей и въ раннемъ возрастѣ. Болѣзни и преждевременная смерть возможны и вообще при

[1]) Стран. 171 и 172 у Мауруса.

[2]) См. во 2 т. *Основаній біологіи* § 375-й въ VI-й части. См. также стран. 216 во II кн. *Русскаго Богатства* за 1890 г.

какомъ угодно культурномъ прогрессѣ человѣчества, тѣмъ болѣе, что этотъ прогрессъ способенъ вызывать новые виды заболѣваній и быть причиною особаго рода преждевременной смерти.... Значитъ, нѣтъ никакихъ основаній для боязни, что родъ человѣческій современемъ станетъ размножаться чрезмѣрно и тѣмъ вызоветъ недостатокъ въ пищевыхъ средствахъ.

Да и резонно-ли допускать, будтобы противодѣйствіе заключенію законныхъ браковъ и развитію семейной жизни повлечетъ за собою непремѣнно уменьшеніе числа рожденій? Если люди будутъ чужды христіанскаго образа мыслей и христіанской нравственной настроенности, то это противодѣйствіе можетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ скорѣе увеличеніе, чѣмъ уменьшеніе народонаселенія, вмѣстѣ съ бѣдностью. Проповѣдь, направленная противъ законныхъ браковъ и истинно-семейной жизни, легко скажется въ дѣйствительности увеличеніемъ числа незаконорожденныхъ дѣтей. Статистика показываетъ, что именно въ тѣхъ странахъ, гдѣ вступленіе въ бракъ и въ семейную жизнь обставлено наибольшими затрудненіями, число незаконныхъ рожденій наибольшее [1]). Подобнаго рода возрастаніе числа незаконныхъ дѣтей въ средѣ, внявшей ученію гр. Толстаго, тѣмъ возможнѣе, что съ пантеистическо-соціалистической точки зрѣнія этого писателя уже „сойтись мужчинѣ съ женщиною“ значитъ быть въ какомъ-то бракѣ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро для санкціи половыхъ сношеній достаточно того, что́ имѣетъ и должно имѣть мѣсто лишь среди животныхъ, тогда

---

[1]) Стран. 161 у Мауруса.

[2]) Стран. 280 въ сочиненіи: Worin besteht mein Glaube?

гдѣ же предѣлъ и въ чёмъ же узда для таковыхъ сношеній и ихъ естественныхъ послѣдствій? Таковаго предѣла и таковой узды быть не можетъ при подобномъ взглядѣ на дѣло. Потому-то, не только истинные христіане, но и вообще люди благоразумные думаютъ, что въ виду той опасности, которою угрожаетъ обществу безпорядочное размноженіе людей, скорѣе нужно покровительствовать законнымъ бракамъ, чѣмъ воевать противъ нихъ устнымъ или печатнымъ словомъ [1]). Наилучшая гарантія противъ таковаго размноженія есть истинно-христіанскій супружескій союзъ, недопускающій не только какой-либо измѣны мужа женѣ, и наоборотъ, но и всякой неумѣренности и нравственной немотивированности въ половыхъ сношеніяхъ и между законными супругами *). Не распространяюсь уже о томъ, что въ истинно-христіанской средѣ всегда можетъ быть не малое количество *совершенныхъ* дѣвственниковъ, или нечувствующихъ по природѣ своей призванія къ супружеской жизни, или обрекающихъ себя на безбрачіе въ виду особенностей своего служенія Богу и благу человѣчества.

Наконецъ, помимо всего сказаннаго, представляется весьма страннымъ поставленіе благоденствія людей въ абсолютную зависимость отъ ихъ размноженія и потому, что благоденствіе это прежде всего и главнымъ образомъ зависитъ отъ нравственнаго склада и на-

---

[1]) Стран. 162 у Мауруса.

*) Тѣ изъ нашихъ писателей, которые глумятся надъ Татьяною Пушкина и называютъ её «рабою мужа» за ея вѣрность послѣднему, стоятъ, очевидно, на самой низменной точкѣ зрѣнія и лишены самыхъ элементарныхъ понятій о нравственномъ и безнравственномъ, требующихъ отъ человѣка безусловной вѣрности *всякому*, взятому имъ, на себя долгу....

строенія людей и отъ проистекающихъ отсюда взаимныхъ отношеній между ними. Никогда не нужно забывать, что соціальный вопросъ, какъ справедливо выражается одинъ изъ экономистовъ, есть прежде всего вопросъ этическій, а потомъ уже экономическій [1]. Пусть земля будетъ производить въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ производитъ теперь, пусть будетъ крайне ограничено народонаселеніе ея, но къ чему всё это поведетъ, если люди нравственно неизмѣнятся къ лучшему? Они всётаки будутъ грызться, справедливо замѣчаетъ г. профессоръ Карѣевъ [2]. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ возрастаніе даровъ земныхъ и уменьшеніе количества населенія сами по себѣ способны воспрепятствовать людямъ а) водворять такіе государственно-общественные порядки, которые могутъ лишь обездоливать большинство, и б) эксплоатировать другъ друга самымъ разнообразнымъ и жестокимъ образомъ. Въ самомъ малочисленномъ семействѣ Адама, нашего прародителя, совершилось же даже братоубійство. Эгоизмъ человѣческій ненасытенъ и изобрѣтателенъ. Онъ, еслибы человѣкъ обладалъ и весьма достаточными благами жизни, измучитъ его сердце завистью къ чужому благосостоянію и разожжётъ алчность къ бо́льшимъ и бо́льшимъ благамъ, а вмѣстѣ укажетъ и грубыя, и утонченныя средства къ тому, чтобы завладѣть ими въ ущербъ другимъ людямъ. Еслибы даже правительство, въ лицѣ лучшихъ его представителей, изыскало самые хорошіе государственно-общественные порядки и установленія,

---

[1]) Стран. 66 въ сочиненіи Рилля: *Четвертое сословіе или пролетаріатъ* (Спб. 1867 г.).

[2]) Стран. 322 во 2 т. сочиненія: *Основные вопросы философіи исторіи* (Москва, 1883 г.).

чтобы гарантировать всѣмъ справедливое пользованіе жизненными благами, и это мало поможетъ дѣлу при общемъ антихристіанскомъ настроеніи людей. Есть даже основанія сомнѣваться въ томъ, чтобы, при такомъ настроеніи большинства, можно было *ввести* наилучшіе государственно-общественные порядки и установленія. Но коль скоро это и удалось бы, эгоизмъ людской или исказитъ на дѣлѣ самыя наилучшія предначертанія правительства, или обойдетъ ихъ и будетъ творить лишь свойственное ему. Развѣ и дѣйствительность не убѣждаетъ въ справедливости этого? Всюду же внести правительственный контроль—дѣло не только крайне затруднительное, если не невозможное, но и способное ложиться новымъ экономическимъ бременемъ на массу, и безъ того бѣдную.... Значитъ, вопросъ о матеріальномъ благоденствіи несомнѣнно сводится въ концѣ концовъ къ вопросу о религіозно-нравственномъ возрожденіи и усовершеніи людей. Разные современные мечтатели, надѣющіеся водворить на землѣ матеріальное благоденствіе и для обездоленныхъ, *только* путемъ государственно-общественныхъ реформъ, обличаютъ этимъ лишь поверхностность своего пониманія, если не что-либо гораздо худшее... Не въ великую-ли же ошибку, хотя и инаго рода, впадаетъ и гр. Толстой, думая достигнуть общаго матеріальнаго благоденствія, между прочимъ, борьбою противъ христіанскаго брака и противъ семейнаго принципа? Это не подлежитъ сомнѣнію. Проповѣдуя безбрачіе, онъ въ тоже время не только отвергаетъ бытіе личнаго Бога и Его откровенную волю, но и государственную власть, суды, науку и прочее. Мало того: онъ отстаиваетъ безусловное непротивленіе злымъ не только силою, но и выраженіями справедливаго негодованія.

Всѣмъ этимъ онъ въ сущности еще болѣе, чѣмъ указанные мечтатели, разнуздываетъ человѣческій эгоизмъ и усерднѣе ихъ открываетъ самый широкій просторъ эксплоатаціи однихъ людей другими. О какомъ-же общемъ и наибольшемъ матеріальномъ благосостояніи можетъ быть рѣчь тогда, когда сдѣлано всё для *самаго вѣрнаго* подрыва даже и того благосостоянія, какимъ теперь пользуются люди?!...

Но, спросятъ, допускаетъ-ли гр. Толстой половое физическое общеніе? Уже мы знаемъ, что допускаетъ, хотя и въ противорѣчіе со многими изъ своихъ „возвышенныхъ“ словъ. Мы даже утверждаемъ, что всѣ такія слова гр. Толстаго, наприм. о неестественности половаго физическаго общенія, суть не болѣе, какъ ловко придуманное средство для отпугиванія людей отъ того, что этотъ писатель считалъ и *считаетъ* вполнѣ и всегда естественнымъ дѣломъ, но что, при излишкѣ народонаселенія, можетъ, по его взгляду, служить помѣхою къ равномѣрному удовлетворенію животныхъ потребностей людей въ пищѣ и прочемъ, особенно если замѣшаются въ дѣло половая любовь и брачный союзъ. Смыслъ рѣчей гр. Толстаго, по нашему глубокому убѣжденію, слѣдующій: никакой половой любви между мужчиною и женщиною не должно быть, а тѣмъ болѣе брака, какъ учрежденія, закрѣпляющаго и нормирующаго связь между ними. Если же мужчина и женщина и должны удерживать животную страсть, то—постольку, поскольку это не грозитъ землѣ перенаселеніемъ. Словомъ: чѣмъ ближе подвинется человѣкъ къ животнымъ, которыя тоже, хотя и безсознательно, подчиняются разсчётамъ природы, тѣмъ будетъ лучше съ точки зрѣнія того писателя, коего многіе у насъ называютъ „вели-

кимъ учителемъ", пророкомъ", даже, къ особенному прискорбію, христіаниномъ.

Заботиться о возможномъ устраненіи бѣдности и нищеты, на комъ бы онѣ ни лежали тяжелымъ гнетомъ, составляетъ *святую* обязанность *всякаго* христіанина, будетъ-ли это государственный дѣятель или частное лицо, но осуществленіе идеала общаго благостоянія не споспѣшествуется, а тормозится проповѣдями, подобными тѣмъ, съ какими выступилъ въ послѣднее время графъ Л. Н. Толстой.... Изъ-за наиболѣе равномѣрнаго „кормленія" долой бракъ, семью, всё идеальное, и да царствуетъ сплошная животность!—вѣдь вотъ къ чему сводится и его ученіе о бракѣ и безбрачіи. Но, конечно, никогда не достигнется равномѣрное распредѣленіе „животныхъ" благъ въ особенности съ разрушеніемъ брака и семьи. Разрушьте семью, какою она должна быть по *христіанскому* ученію, и тогда люди, лишившись возможности получать истинно-человѣческое воспитаніе и ставши полузвѣрьми, несомнѣнно станутъ, выражаясь языкомъ Шопенгауэра и Зола, рвать другъ друга изъ-за каждаго ничтожнаго куска. Это и естественно: когда сброшена съ человѣческаго эгоизма всякая узда и подавлена въ человѣкѣ высшая идеальная сторона, какъ это должно быть при *полномъ* торжествѣ ученія гр. Толстаго, что́ же удержитъ людей отъ яростной борьбы за *единственныя* для нихъ блага—бестіальныя блага? Только христіанская религія способна внушить людямъ и самопожертвованіе въ пользу другихъ. Въ видахъ общаго блага людей православная церковь, и освящая союзъ брачущихся, возноситъ къ милосердію Божію, между прочимъ, слѣдующую мольбу: „даждь има отъ росы небесныя свыше и отъ тука земнаго, исполни

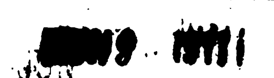
домы ихъ пшеницы, вина, елеа и всякія благостыни, да преподаютъ и требующимъ“ [1]). Поднимать руку и на христіанскій бракъ, обязывающій людей непремѣнно служить благу ближняго и вообще добру, въ сущности значитъ одною рукою какъ будтобы созидать, а другою несомнѣнно разрушать зданіе общаго матеріальнаго благоденствія. Хлопотать-же только о животной сторонѣ людей значитъ забывать, что не хлѣбомъ однимъ живетъ человѣкъ [2]) и что люди, овладѣвши сокровищами даже всего міра и безукоризненно раздѣливши ихъ между собою (допустимъ невозможное), но убивши въ себѣ высшія духовныя потребности, останутся жалкими и несчастными [3]). Не исторія-ли и непосредственный опытъ свидѣтельствуютъ, что можно быть человѣкомъ, которому доступны всѣ матеріальныя блага жизни, но который въ тоже время чувствуетъ самъ себя и другимъ представляется жалкимъ и несчастнымъ, часто ищущимъ въ самоубійствѣ спасенія отъ терзающей его душевной пустоты и извращенности? Безнаказанно уродовать человѣческую природу нельзя: это уродованіе такъ или иначе, но жестоко отомстится. Этого отмщенія неустранитъ отъ людей и какое угодно ихъ служеніе животнымъ потребностямъ и интересамъ окружающихъ ихъ. Уйти всецѣло въ одно это служеніе и изъ-за него забыть вообще высшіе интересы и требованія человѣческаго духа все-таки незначитъ жить истинно-человѣческой жизнью и быть возможно-счастливымъ. Животность остается и въ этомъ случаѣ животностью же и неизбѣжно покараетъ сама себя....

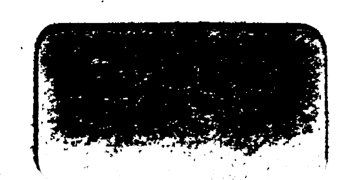

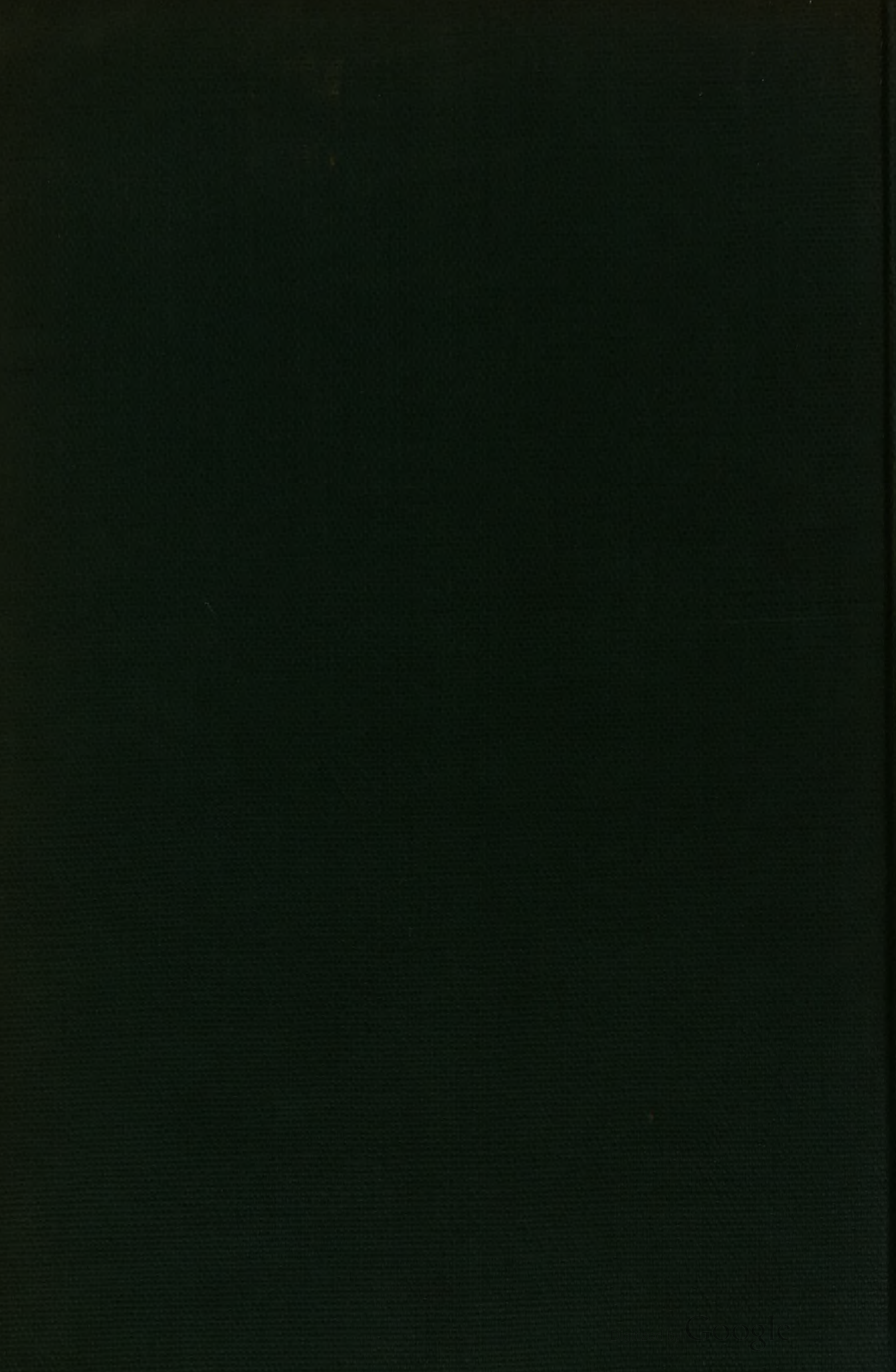
[1]) Стран. 97 въ *Требникѣ*.

[2]) Лук. 4, 4.

[3]) Матѳ. 16, 26.

Google